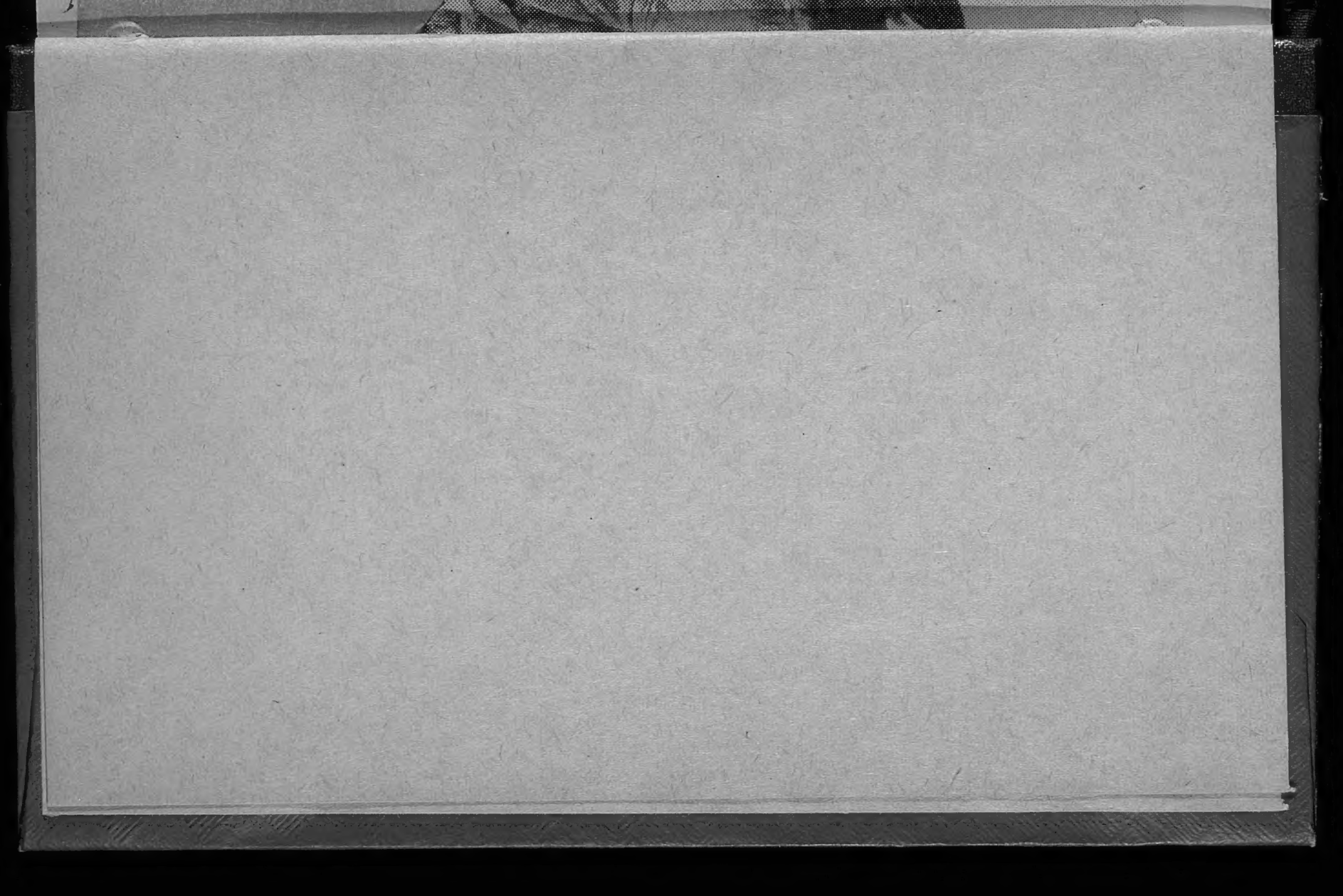
B115
526



B115
526

Reg 1301

В115 526

Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

675

ПРОРЫВ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ

Ленинград — 1943

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
793179

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

1

УСПЕШНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ЮЖНЕЕ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА И ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

На-днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших г. Ленинград.

Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду г. Ленинграда.

Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что за многие месяцы блокады Ленинграда немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район, с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений, с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий.

Наступление наших войск проходило с двух сторон: с западного берега р. Нева, юго-западнее Шлиссельбурга и с востока из района южнее Ладожского озера.

Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли: г. ШЛИССЕЛЬБУРГ, крупные укрепленные пункты МАРЬИНО, МОСКОВСКАЯ ДУБРОВКА, ЛИПКА, рабочие поселки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию СИНЯВИНО и станцию ПОДГОРНАЯ.

Таким образом после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января СОЕДИНИЛИСЬ и тем самым ПРОРВАЛИ блокаду Ленинграда.

В ходе наступления наших войск разгромлены 227, 96, 170, 61 пехотные дивизии немцев, 374 пехотный полк 207 пехотной дивизии, 85 пехотный полк 5 горно-стрелковой дивизии, 223 мотоотряд и частично 1 пехотная дивизия.

По неполным данным нашими войсками взяты в плен 1261 солдат и офицер.

За время боев разрушено нашей артиллерией и минометами укрепленных узлов и блиндажей — 470, прочно оборудованных наблюдательных пунктов — 25 и уничтожено и подавлено 172 артиллерийских и минометных батарей противника.

ВЗЯТЫ следующие трофеи: орудий — 222, минометов — 178, пулеметов — 512, винтовок — 5020, шестиствольных минометов — 4, танков — 26, бронемашин — 9, ручных гранат — 17 300, раций — 72, патронов — 2 200 000, снарядов — 22 000, мин — 36 000, автомашин — 150, лошадей — 1050, повозок — 880, разных складов — 40.

На поле боя оставлено более 13 000 трупов немецких солдат и офицеров.

Прорыв оборонительной линии противника осуществлен частью сил Ленинградского фронта под командованием генерал-полковника ГОВОРОВА Л. А. и частью сил Волховского фронта под командованием генерала армии МЕРЕЦКОВА К. А.

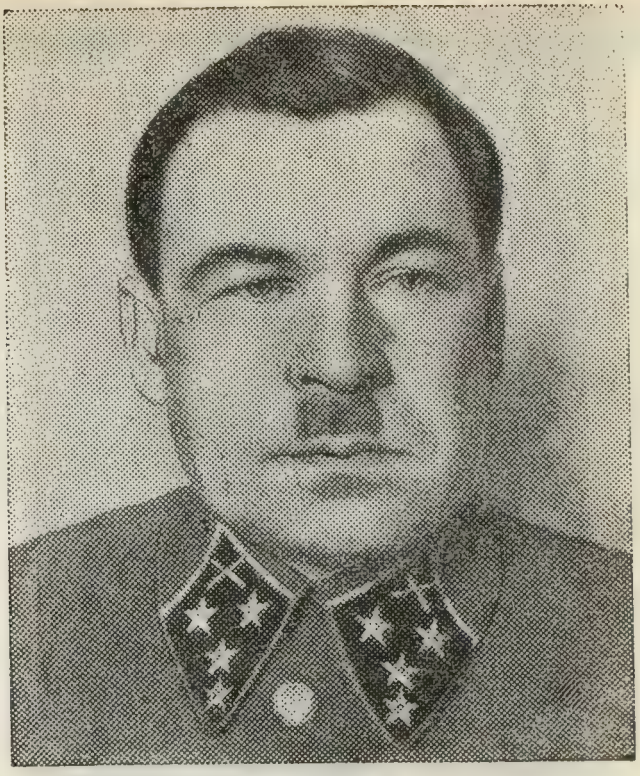
Координацию действий обоих фронтов осуществляли представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Советского Союза тов. ЖУКОВ Г. К. и тов. ВОРОШИЛОВ К. Е.

В боях отличились войска генерал - лейтенанта тов. РОМАНОВСКОГО В. З. и генерал-майора тов. ДУХАНОВА М. П.

СОВИНФОРМБЮРО

Маршал Советского Союза тов. ЖУКОВ Г. К.

Маршал Советского Союза тов. ВОРОШИЛОВ К. Е.



Генерал-полковник
ов. ГОВОРОВ Л. А

Генерал-майор
тов. ДУХАНОВ М. П.

Генерал армии
тов. МЕРЕЦКОВ К.

Генерал-лейтенант тов.
РОМАНОВСКИЙ В. З.

В НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ОБОРОНЫ

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразованы:

I

136 стрелковая дивизия в 63 Гвардейскую стрелковую дивизию.

Командир дивизии генерал-майор СИМОНЯК Николай Павлович.

II

61 Отдельная танковая бригада в 30 Гвардейскую Отдельную танковую бригаду.

Командир бригады полковник ХРУСТИЦКИЙ Владислав Владиславович.

Преобразованным дивизии и бригаде вручаются Гвардейские знамена.

ИЗ УКАЗА
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной Армии

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

Старшему лейтенанту ЗАИКА Григорию Андреевичу
Сержанту ЛАПШОВУ Ивану Антоновичу
Старшине МАКАРЕНКО Ивану Михайловичу
Лейтенанту МАРТЫНОВУ Александру Максимовичу
Красноармейцу МОЛОДЦОВУ Дмитрию Семеновичу
Лейтенанту ОСАТЮКУ Дмитрию Ивановичу
Младшему сержанту ПИРОГОВУ Тимофею Ефимовичу
Генерал-майору СИМОНЯКУ Николаю Павловичу

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

Москва, Кремль.
10 февраля 1943 г.

Генерал-майор КУЛИК, К. П.

В БОЯХ ЗА ГОРОД ЛЕНИНА

В пору, когда наша страна, объятая огнем жестокой борьбы с немецкими захватчиками, с любовью и гордостью отмечает славное двадцатипятилетие своей Красной Армии, в памяти советских людей встают овеянные грозовым дыханием незабываемые дни рождения нашей армии, у колыбели которой стояли великие народные вожди Ленин и Сталин, заботливо и мудро выпестовавшие советские вооруженные силы.

Воспоминание о боевых днях рождения Красной Армии наполнено для нас особым значением. Поднимаются сегодня перед мысленным взором воинов Советской отчизны, защитников Ленинграда светлые образы их боевых предшественников — первых красноармейцев, открывших героическую историю Красной Армии ударами по германским империалистам под Псковом и Нарвой — на дальних подступах к революционному Петрограду. Здесь, под нашим великим городом, начался доблестный путь Красной Армии. Заводские гудки, поднявшие на ноги все трудовое население Красного Петрограда для борьбы с немецкой угрозой, в незабываемую ночь на 23 февраля 1918 года возвестили миру ее рождение.

Рабочие Питера, ушедшие в эту ночь из домов и заводов, чтобы кинуться в бой с вооруженными до зубов опытными и сколоченными немецкими полками, молодые красноармейцы, жертвуя собой, взрывавшие пороховой склад в Пскове, чтобы уничтожить сотни немецких офицеров и солдат, показали силу героического духа молодой Красной Армии уже в дни ее боевого крещения. Сегодня мы наблюдаем этот неиссякаемый дух в тысячах и тысячах бойцов двадцатипятилетней Красной Армии с бессмертным героизмом, с безмерной стойкостью и отвагой сражающихся против немецко-фашистских орд. В отпоре, оказанном немцам молодыми красноармейскими частями 25 лет назад, мы видим сегодня историческое предвестие сокрушительного

и окончательного разгрома немецких захватчиков, который призвана совершить наша армия в Великой Отечественной войне. Он уже близится, этот разгром, и радостны дни 25-летия Красной Армии. Свой праздник ее воины встречают не в торжественных залах, не в спокойных лагерях, а в трудном, но славном пути. Они идут вперед, советские богатыри, они с боями идут на Запад, и победа шагает с ними рядом, и боевое счастье сопутствует нашим знаменам.

Богата славными страницами военная история России, но нынешняя пора великого наступления Красной Армии, эти месяцы, ознаменованные невиданной, классической победой под Сталинградом, замечательными нашими успехами на многих фронтах от Кавказа до Ладожского озера поистине превосходят все, чем законно гордится издревле русский народ.

Подступы к Ленинграду, на которых Красная Армия 25 лет назад совершила свой первый подвиг, стали в канун ее юбилея ареной наших победоносных наступательных боев. Прорыв блокады Ленинграда по праву занимает видное место среди победных дел, которыми Красная Армия встречает свое двадцатипятилетие.

I

Удар, нанесенный немцам южнее Ладожского озера, громовым эхом отозвался во всем мире. И это понятно, ибо нынешнее наступление наших войск венчает собой 17-месячную оборону Ленинграда, исполненную невиданным героизмом. «Оборона этого города войдет в историю, как великая военная эпопея. Оборона Ленинграда стала символом стойкости русских, она показала, что русские не сдаются» — свидетельствует лондонское радио. Сообщая о прорыве блокады, английское министерство информации заявило: «Из всех блестящих достижений Красной Армии за последние несколько недель ничто не может вызвать большей радости».

Более 500 дней длится историческая битва за Ленинград, и каждый из этих дней ознаменован великими подвигами ленинградцев — воинов и тружеников. История отметит, что именно под Ленинградом впервые оборвался бешеный бег немецкой армии, рассчитывавшей в 1941 году сокрушить нашу страну одним молниеносным ударом. С тех пор немцам не удалось сделать ни одного шага к городу. Потерпев неудачу в штурме Ленинграда, немецкие злодеи замыслили задушить его блокадой, они сделали все, что

было в их силах, чтобы убить многомиллионное население города и армию голодом и огнем. Сколько раз бесноватый Гитлер вопил на весь мир о скором и неизбежном падении Ленинграда! Но все гуще рос лес немецких крестов на могилах фашистских извергов, истребленных защитниками города Ленина. А великий город не пал. Одухотворенный заботой родины, заботой Сталина героизм ленинградцев, руководимых товарищем Ждановым, совершил то, что может быть названо чудом. Ленинград и его армии не только не рассыпались под давлением осады, а закалились, набрались сил для такого удара, который расколол стену немецкой блокады и позволил соединиться войскам Ленинградского и Волховского фронтов. Таким образом, начался новый этап героической Ленинградской обороны, который мы сейчас переживаем, этап борьбы за полное освобождение города-богатыря от вражеской осады и полный разгром немецких войск у его стен.

Немцы считали свои позиции под Ленинградом неприступными.

За долгие месяцы сидения под Ленинградом немцы действительно превратили свои позиции в мощный укрепленный район с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений, с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий, который опирался к тому же на весьма выгодные естественные рубежи. Это особенно относится к немецкой обороне на левом берегу Невы, т. е. к тому участку, где был совершен прорыв.

Укрепившись здесь, немцы имели перед собой совершенно открытое водное пространство шириной до 800 метров. Даже замерзшая река представляла чрезвычайно сильную преграду, так как на льду не было никаких укрытий. Он весь просматривался и простреливался с занятого противником крутого обрывистого берега. Высота берега на участке прорыва составляет от 5 до 12 метров, и немцы усилили это мощное естественное препятствие густой сетью проволочных заграждений, выходивших непосредственно на лед, минными полями и т. д.

По всему берегу Невы шли 2—3 линии вражеских траншей полного профиля, соединенных ходами сообщения с огневыми точками — дотами, дзотами и землянками с бойницами. На каждый километр фронта противник имел до 22 огневых точек, которые покрывали реку многослойным огнем большой плотности. Достаточно сказать, что каждый метр реки мог простреливаться с 10—12 различных

направлений. Таким образом создавалась плотность огня в несколько раз больше той, с которой нашим войскам пришлось столкнуться в свое время на «линии Маннергейма». В глубине обороны немцы превратили каждый населенный пункт в мощный узел сопротивления.

Придавая блокаде Ленинграда огромное значение, германское командование сосредоточило здесь и отборные войска. Оно пригнало к стенам города полицейские, эсэсовские дивизии, скомплектованные из самых отпетых головорезов Гитлера. Осенью, когда под влиянием временных немецких успехов на Юге гитлеровцы снова стали лелеять план захвата города штурмом, они перебросили под Ленинград части, действовавшие под Севастополем и считавшиеся у них наиболее испытанными и опытными в захвате укрепленных городов. Пришедшая из Крыма 170-я пехотная дивизия стояла на левом берегу Невы. И если все-таки эта оборона немцев не выдержала, если она была пробита могучим тараном наступления советских частей, дело тут не в каком-то местном просчете или недосмотре немцев. Тут сказался их общий, роковой для гитлеровцев просчет. Они не учли несокрушимую стойкость, неисчерпаемое мужество, богатырский героизм советского народа, его пламенный патриотизм, который с особой силой воплотился в славных сынах нашей отчизны — ленинградцах. Успех наших войск южнее Ладожского озера вновь с величайшей наглядностью свидетельствует о великой мудрости сталинских планов Верховного Главнокомандования Красной Армии, с исключительной настойчивостью и энергией осуществлявшихся на нашем фронте под руководством верного сталинского соратника Андрея Александровича Жданова, которого бойцы и трудящиеся города любовно называют душой Ленинградской обороны.

II

Бои за прорыв блокады города Ленина показали, как выросла наша армия в ходе войны, как закалилась она и созрела. Они показали огромное повышение боевых качеств, выучки и опыта наших бойцов, возросшее мастерство наших командиров, постигающих в высшей академии войны сложное искусство современного вождения войск. Они показали исключительный массовый героизм и презрение к смерти, рожденные в воинах Красной Армии самыми высокими и благородными чувствами, какие свойственны советскому человеку,—пламенной любовью к родине и жгу-

чей ненавистью к врагу. Ярко и сокрушительно проявилась в этих боях огромная мощь современной боевой техники, которой обильно вооружили нашу армию трудящиеся города Ленина и вся советская страна.

Небезинтересны в этом смысле показания многочисленных немецких пленных, захваченных нами в боях на Неве.

«Я до сих пор не могу забыть впечатления от губительного огня русских пушек. Как вспомню весь этот адский грохот, разрывы снарядов и мин, так снова и снова меня бросает в дрожь», — заявляет пленный 401-го полка 170-й пехотной дивизии Вильгельм Ломайер.

«Я артиллерист, но никогда я еще не видел до этого наступления русских такого сокрушительного огня»,—показывает унтер-офицер Иосиф Белер из 227-го артиллерийского полка.

«Я никогда не думал, что у русских так много отличной автоматики, что ею располагает Ленинград, о котором нам говорили как о пустыне», — признается Иоганн Бадцура из 151-го полка 61-й дивизии.

«Ваша тактика превосходна. Вы окружили нас плотным кольцом, крепко и прочно», — показывает пленный Алоиз Хельцер из того же полка. «Вот это мы и называем «котел», — мрачно вторит ему унтер-офицер Шнейдер из 227-й дивизии.

Период относительного затишья, предшествовавший наступательным боям частей Ленинградского фронта, был использован командованием для настойчивого совершенствования их воинской выучки. Бойцы не только учились умело владеть своим оружием, но и систематически, упорно тренировались в действиях, которые им предстояли в наступлении, в сложных и своеобразных условиях нашего участка фронта. В организации этой подготовки был использован опыт лучших русских полководцев. Известно, как кропотливо и последовательно тренировал Суворов свои войска перед неповторимым штурмом Измаила, как готовил свои армии Брусилов перед знаменитым прорывом австро-германского фронта. Создав в тылу позиции, воспроизводившие вражеские, они изо дня в день приучали солдат преодолевать эти укрепления, доведя действия до автоматизма. Эта будничная, скучная как будто, лишенная внешнего эффекта и стоящая большого пота работа явилась одной из основных предпосылок их блестящего успеха в боях.

Наступление на нашем фронте должно было начаться форсированием широкой замерзшей реки, а затем необходимо было штурмовать обрывистый, укрепленный немцами

берег, за которым шел лес. Поэтому для тренировки войск выбирались соответствующие места — замерзшие озера с высокими берегами, и бойцы преодолевали их на занятиях десятки раз, пока не была отработана необходимая стре-

Герой Советского Союза
Гвардии генерал-майор СИМОНЯК Н. П.

мительность и дружность движения. Можно было ожидать, что немцы разобьют снарядами лед реки. Потому войска были снабжены материалами для преодоления воронок во льду, полыней и научены обращению с этими материалами и приспособлениями. Лестницы и крючья, облегчающие

подъем на крутой берег, — все это много раз применялось на занятиях, так что пользование ими в бою было уже привычным. Также тренировались бойцы в подъеме орудий сопровождения пехоты на крутизну берега и во многом другом, что могло понадобиться при прорыве вражеской обороны. Были продуманы одежда, снаряжение бойцов с тем, чтобы облегчить им стремительное форсирование преграды и т. д.

Как всегда это бывает, труд, затраченный на учебу, с лихвой окупился в бою. Наши подразделения форсировали реку и вырвались на вражеский берег исключительно быстро, стремительно и дружно, а это обеспечило успех и сберегло много жизней наших воинов. Так гвардейцы генерал-майора тов. Симоняк преодолели реку за 7—10 минут и понесли при этом незначительные потери.

III

Если сравнивать бои, происходившие на подступах к Ленинграду осенью и зимой 1941 года, летом и осенью 1942 года и в начале 1943 года, можно реально убедиться в большом росте военного искусства наших командиров. Выполняя требование товарища Сталина, приказавшего «общевойсковым командирам — изучить в совершенстве дело взаимодействия родов войск, стать мастерами дела вождения войск...», они достигли значительных успехов. Рост мастерства наших командных кадров — одно из замечательнейших явлений современного этапа Великой Отечественной войны. Без него были бы немыслимы те блестящие победы, которыми Красная Армия встречает свое двадцатипятилетие.

Хорошо показали себя в боях на Неве наши артиллеристы. Их удар по вражеским укреплениям был исключительно мощным и точным. В течение 2 часов 20 минут всесокрушающий смерч тысяч артиллерийских разрывов бушевал на переднем крае и в глубине вражеской обороны, уничтожая живую силу, огневые точки, артиллерийские батареи, наблюдательные пункты, траншеи и блиндажи немцев. Многие немецкие подразделения, особенно находившиеся на переднем крае, были полностью разгромлены. Вражеская огневая система была дезорганизована. Благодаря этому наши части смогли форсировать реку в светлое время дня, около полудня, т. е. в такое время, которое противник считал меньше всего допускающим возможность нашего наступления.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

По словам пленного офицера — командира 1 батальона 401-го пехотного полка капитана Штейрера, немцы догадывались о возможности наших активных действий на этом участке. Они нервничали, увеличили караулы, вели усиленное наблюдение перед своим передним краем ночью и особенно на рассвете, когда, по их мнению, наш удар был более всего вероятным. Так было и в ночь на 12 января. Но когда рассвет наступил и все было тихо, немцы успокоились, значительная часть гарнизонов огневых точек ушла спать, и тут-то ударила наша артиллерия. Ливень снарядов сразу оборвал связь, нарушил управление, воспретил подход к переднему краю из глубины немецкой обороны. Эффект внезапности был, таким образом, достигнут полностью, и это сыграло крупную роль в последующем успехе.

Многие наши общевойсковые командиры успешно применяли в ходе последних боев смелые маневры — обход, охват, блокирование вражеских узлов сопротивления. Такие действия, как правило, позволяли добиться успеха быстрее и с меньшими потерями, чем удары в лоб.

Не случайно последние бои обогатили славные ряды героев Ленинградского фронта первыми кавалерами орденов Александра Суворова, Михаила Кутузова и Александра Невского, орденов, которыми награждаются командиры, показавшие высокое искусство вождения войск. Орденом Суворова 1-й степени Президиум Верховного Совета СССР наградил командующего Ленинградским фронтом генерал-полковника Л. А. Говорова и орденом Кутузова 1-й степени генерал-майора М. П. Духанова, войска которого отличились при прорыве блокады. Звание Героя Советского Союза присвоено гвардии генерал-майору тов. Симоняк Н. П. Орденом Суворова 3-й степени награждены гвардии капитан Ефименко, гвардии полковник Кожевников, подполковник Середин, гвардии капитан Собакин и другие. Орденом Александра Невского — гвардии лейтенант Снижко и лейтенант Степанов. В их делах с наибольшей наглядностью и силой проявилась боевая зрелость наших командиров, их полководческое искусство.

Батальон под командованием гвардии капитана Собакина все время, с боями, ломая упорное сопротивление врага, шел впереди наступающих войск. Собакин не раз смело атаковал численно превосходящего противника. Он верил в свои силы, верил в своих людей и потому действовал решительно и дерзко. Утром 18 января наступающий батальон натолкнулся на крупную немецкую часть. Батальон

был уже изрядно измотан напряженными семидневными боями и немцев было больше, чем ленинградцев, но уже слышны были через расположение врага залпы приближающихся с другой стороны воинов Волховского фронта. Собакин знал — еще одно усилие, и настанет исторический момент прорыва блокады. Он смело двинул в атаку свой батальон. Он ударил жестоко, напористо, и не выдержал немецкий полк стремительной и лихой атаки, и отважный батальон первым встретился с волховчанами в незабываемый день 18 января 1943 года.

Примером умелых действий наших командиров может служить операция по захвату Шлиссельбурга, в которой отличилось подразделение под командованием тов. Середина. Немцы чрезвычайно сильно укрепили город со стороны Невы и Ладожского озера. С юга город прикрывался мощными укреплениями, созданными врагом на высоте Преображенской. Однако, наши подразделения не стали наступать на город ни со стороны Невы, ни со стороны Ладоги. Подойдя к нему с тыла, они вклинились между Шлиссельбургом и высотой Преображенской и, атаковав высоту с направления, откуда противник меньше всего ждал удара, быстро овладели ею, а затем ворвались на южную окраину города. Вскоре к Шлиссельбургу подошла и другая часть, в рядах которой сражалось много молодых ленинградцев. Они показали себя достойными сынами великого города. Молодые ленинградцы дрались яростно и мужественно, блокируя и захватывая немецкие укрепления. Они стали быстро обходить город с востока, и немцы, оказавшись под угрозой окружения, вынуждены были бежать. Однако, бежать было некуда. Большая часть Шлиссельбургского гарнизона была уничтожена или взята в плен нашими войсками.

IV

— Вперед, за город Ленина! — боевой этот клич неумолчно звучал над полем боя. И он поднимал из глубины сердца бойцов горячее пламя отваги, жгучую жажду подвига во имя города, ставшего святыней для всех советских людей. Благородная цель освобождения от вражеской осады великого города, с таким беспримерным героизмом и стойкостью переносящего все ее безмерные тяготы, в гигантской степени умножает силы бойцов, их отвагу и наступательный порыв.

Не счесть имен героев, навеки прославившихся в битвах за Ленинград. Намного вырос этот список славы в послед-

них боях. Буквально каждый час приносил весть о подвиге, достойном стать достоянием народной легенды. И здесь, по праву, первое место среди героев принадлежит пехотинцам-гвардейцам генерал-майора Симоняк Н. П. и гвардейцам-танкистам полковника Хрустицкого В. В.

Гвардии полковник ХРУСТИЦКИЙ В. В.

Есть высшая ярость битвы, когда воин, обуреваемый одним стремлением уничтожать врага, даже лишившись оружия, остается грозным бойцом. В последних боях было немало случаев, когда красноармейцы и командиры, израсходовав все боеприпасы, бросались на немцев врукопашную и убивали их буквально кулаками.

Так обессмертил свое имя большевик Александр Сальников. Заместитель командира по политической части, он завоевал горячую любовь бойцов своей прямотой и твердостью, своей требовательностью и заботой о людях и главное — огромной своей боевой отвагой, свидетелями которой не раз были бойцы в прошлых схватках. В этих боях Сальников неизменно воодушевлял людей своим словом и личным примером. Он бросался в самую гущу боя, в самые опасные места, и люди, ободряемые его примером, дрались каждый за пятерых.

И вот наступила критическая минута. Немцы пошли крупными силами в контратаку, грозя опрокинуть нашу часть.

— Вперед, орлы! За нами Ленинград! — с этим возгласом Сальников поднял свое подразделение навстречу врагу и сам первым бросился на немцев.

— Казалось, у этого человека сто рук и каждой он бьет врага, — вспоминают товарищи, видевшие Сальникова в этом последнем его бою.

Сальников заметил, как замолк на минуту наш пулемет, наводчик которого был тяжело ранен немецкой пулей. И Сальников сам лег за пулемет, и ливень свинца вновь стал хлестать по немецким цепям.

Во главе подразделения Сальников ворвался в траншею, в которой сидели немцы, и бил их гранатами, очередями автомата и меткими выстрелами из револьвера. Фашисты густо лежали вокруг него, и все лежавшие были трупами. Несколько раз Сальникова ранило, но в боевом порыве, залитый кровью, он не чувствовал ран.

Когда иссякли патроны, Сальников бросился на немцев врукопашную, работая штыком и прикладом. Фашистский автоматчик в упор дал очередь. Шесть пуль пронзили грудь героя. Смерть уже начинала застилать глаза Сальникова, и все же он увидел немца, который стрелял в него. Тогда, собрав последние силы, воин-большевик ринулся на врага и костенеющими пальцами сжал ненавистную глотку. Так и нашли его товарищи в траншее. Он лежал мертвый, не выпуская из охладевших рук горло задушенного им немца.

Ленинград не забудет капитана Сальникова, как не забудет он других героев, без раздумья принявших смерть для того, чтобы вечно жил наш великий город.

Может быть ярче всего героический дух воинов, сражающихся за освобождение Ленинграда от немецкой осады, проявился в подвиге красноармейца Молодцова. Как и Сальников, он сумел самую свою смерть обратить в победу над врагом.

Группа наших бойцов прорвалась к позициям тяжелой 305-миллиметровой немецкой батареи. Уже совсем близко били вражеские орудия, посылавшие огромные снаряды на наши войска, но тут путь бойцам преградила немецкая дзот.

— Разрешите, я с ней расправлюсь, — сказал командиру связист Молодцов.

И он пополз вперед. Пули хлестали навстречу и вздымали снежную пыль. Все же Молодцов дополз до дзот и метнул внутрь ее несколько гранат. Но видно не все немцы были убиты. Захлебнувшийся было пулемет заговорил вновь, а гранат уже не было под рукой и дорога была каждая секунда. Тогда стремительным броском Молодцов подобрался к самой амбразуре, и вдруг темно стало в логове врага. Молодцов своим телом закрыл изрыгавшее смерть окно.

Бойцы видели это и, словно поднятые могучим вихрем, бросились они вперед. Они расплатились сполна за гибель героя. Немецкая батарея была взята, и наступающие двинулись дальше, разя врага.

Так горяч боевой порыв, владеющий сердцами наших воинов, что даже тяжело раненые не уходили из боя, из последних сил продолжая бить ненавистных немецких мерзавцев. Коммунист старшина Васильев в траншейной схватке уничтожил 6 немцев. Он был дважды ранен.

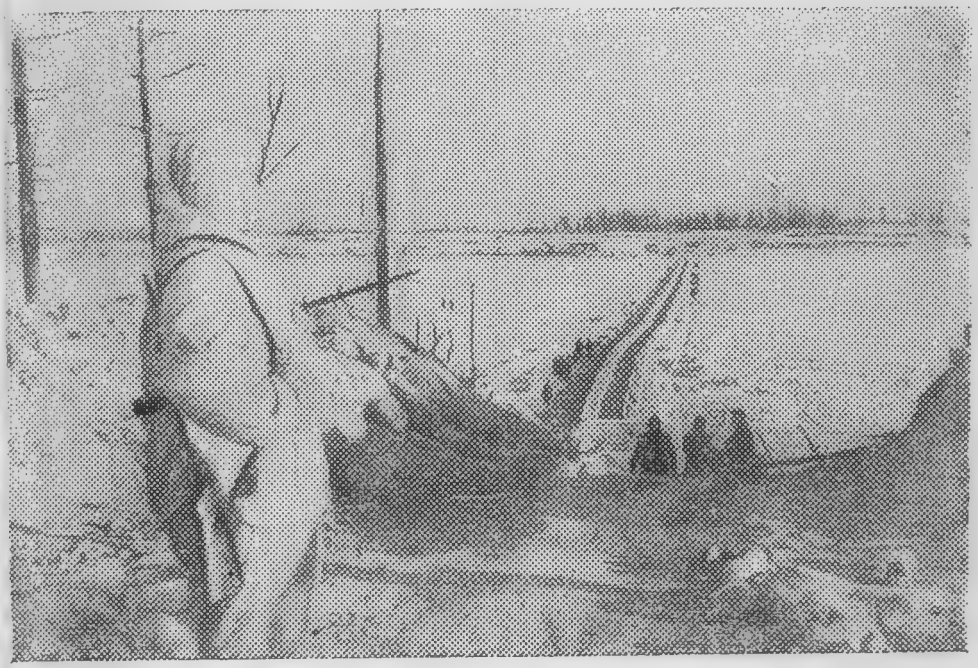
— Пойдите на перевязку, — сказали ему.

— Мое место здесь, — ответил Васильев. — С поля боя мне дороги нет.

Он не знал крылатых слов, ставших заповедью защитников Сталинграда: «На том берегу Волги для нас земли нет». Но Васильев выразил такую же мысль, лишь немного другими словами, потому что одни мысли, одни чувства владеют воинами советской страны. И в этом единстве — грозная, смертельная для врага сила нашей Красной Армии.

Старая воинская истина, что смелость, соединенная с умением, способна творить подлинные чудеса, подтверждена множеством новых замечательных дел защитников Ленинграда. У отважных воинов смелость, соединенная с мастерством, становится таким огромным множителем, который делает силу горстки советских бойцов большей, чем сила многочисленных вражеских отрядов. Так боевой случай ставит капитана Ефименко и тринадцать его друзей лицом к лицу с несколькими подразделениями неожиданно наткнувшихся на них немцев. Против каждого нашего воина — многие десятки врагов. Но Ефименко знает своих

людей, он видит, что немцы не ждут удара, и он смело бьет по ним шквальным огнем автоматов и пулеметов. И вот сотни немцев валятся наземь, не успев сообразить, откуда их бьют. Недолго длится неслыханный по неравенству сил бой, и смелость, боевая инициатива одерживают поистине исключительную победу. Четырнадцать советских воинов истребляют до 1000 немцев, и около 400 вражеских солдат и офицеров поднимают перед ними руки.



Переправа для танков, наведенная под огнем противника

Новой славой увенчали себя в боях под Ленинградом все роды оружия Красной Армии.

Никогда не померкнет слава подвига артиллериста старшего лейтенанта Семенова и его боевых товарищей.

Выдвинувшись на передний край для корректирования стрельбы, старший лейтенант Семенов заметил невдалеке несколько немецких пушек и суетившихся около них вражеских солдат.

Фашисты торопливо устанавливали пушки для стрельбы прямой наводкой по нашим боевым порядкам. У тов. Семенова созрел дерзкий план — захватить немецкие пушки и обратить их против немцев.

Продолжая наблюдения, он по телефону вызвал к себе недалеко расположенный взвод своих артиллеристов.

Поставив им задачу, старший лейтенант Семенов повел их в лихую атаку на фашистскую батарею.

Удар был таким неожиданным, а атака такой стремительной, что фашисты в панике, как скоты, побежали, бросив орудия и не приняв атаки. В руки наших бойцов попали четыре целехоньких орудия и большое количество снарядов.

Развернув орудия в сторону противника, тов. Семенов приказал открыть огонь. Огнем этих орудий была поддержана атака нашей пехоты, которая, используя успех артиллеристов, стремительно двинулась вперед.

Трудны были на Неве условия для действия танков. Трудно танку форсировать лед, трудно драться в глубоких снегах, но советские танкисты одолели эти преграды.

Танкист капитан Д. Тупарев бесстрашно врывался на своей сильной машине в самую гущу немецких позиций, он утюжил траншеи и землянки, расстреливал выскакивающих в панике фрицев. Три немецких противотанковых орудия пытались подбить его машину своим огнем, но Тупарев действовал быстрее, стрелял метче, чем немцы. Он уничтожил все три орудия и шел все дальше вперед, пробивая бреши в обороне врага. Он разбил вражеский миномет и перебил его прислугу, уничтожил 4 пулеметных точки, раздавил 2 блиндажа и истребил больше 30 фашистов.

Дмитрий Осатюк на своей легкой машине встретился с двумя тяжелыми немецкими танками. Один из них двинулся на Осатюка. Многотонная громада лезла навстречу легкой маленькой машине и, казалось, гибель Осатюка в этом поединке была предрешена. Но отважный танкист не думал о том, чтобы покинуть поле боя. У немца крепче броня, у него сильнее пушка, но преимущество скорости, маневренности — на стороне легкой машины. Это свое преимущество и решил использовать Осатюк, чтобы вырвать у немца победу.

— Танцуй, — приказал Осатюк механику-водителю Макаренко. — Заманивай его на пушку.

И танк, ведя огонь по врагу, начал причудливый боевой танец, то вырываясь вперед, то замедляя ход, то петляя из стороны в сторону. Обманывая врага, он не давался ему на прицел, а сам все приближался к намеченной цели. И вот быстрым рывком юркий танк проскочил под самым носом немецкой машины и стал скрываться в лесу. Немец развернул за ним свою машину. И тут произошло то, к чему и стремился Осатюк. Немец попал под огонь нашего противотанкового орудия и был подбит вторым снарядом.

Прошло немного времени и Осатюк наскочил на поднявшиеся в контратаку немецкие цепи. Огнем и гусеницами он расстрелял и раздавил сотни врагов. Его машина была подбита, но недолго длился ремонт, и снова Осатюк двинулся в бой. И ему первому выпала великая радость горячей встречи с волховчанами, к которым он первым пробился через расположение врага.

Танковый десант автоматчиков направляется на выполнение боевого задания

Наши летчики господствовали в воздухе в этих боях. Смело и напористо бросаясь на немецкие самолеты, они не давали им бомбить и обстреливать советские войска, сами наносили врагу тяжелый урон.

Группа краснозвездных истребителей, возглавляемая гвардии капитаном Беляевым, прикрывала наши наземные войска в районе пункта Б. С земли командира предупредили по радио: «Внимание на юго-запад». Летчики усилили наблюдение и вскоре заметили десять «Юнкерсов-88» и «Мессершмиттов-110», шедших к охраняемому ими району. Беляев повел свои самолеты навстречу врагу. Он обрушился на немцев сверху со стороны солнца — и стая вражеских бомбардировщиков была рассеяна дружным ударом.

Тогда истребители начали бить немецкие машины по-одиночке. Сам Беляев бросился на ведущий самолет фашистов и сбил его. Выйдя из атаки, отважный летчик стремительно ударил пулеметно-пушечным огнем по второму «Юнкерсу» и преследовал его до тех пор, пока тот не врезался в землю. Это был двенадцатый фашистский самолет, сбитый отважным гвардейцем за время войны.

Бессмертный подвиг совершили в этих боях летчики Пантелеев и Сологубов. В группе других боевых машин их самолет бомбил немецкие воинские эшелоны и скопление автомашин. Врагу был нанесен тяжелый урон. Наши самолеты уже выходили из атаки, когда снаряд немецкой зенитной батареи попал в машину, пилотируемую старшим лейтенантом Иваном Семеновичем Пантелеевым. Стрелком на самолете был старший сержант тов. Сологубов. Самолет загорелся. Огненным клубком плыл он в воздухе — и сбить пламя не удавалось.

Мужественные сыны советского народа, не дрогнув, решили биться до последней капли крови. Прежде чем совершить последний свой подвиг, герои с пикирования ударили по фашистской зенитной батарее, подбившей их самолет, и подавили ее, затем они обратили огонь на проходившую автоколонну немцев. И только израсходовав весь свой боекомплект, прочертив в воздухе огненный след, летчики врезались в гущу немецких автомашин.

Прощальным салютом героям прогрохотал мощный взрыв. Он поднял в воздух обломки немецких машин, в клочья разнес тела многих гитлеровцев.

Дорого заплатил враг за жизнь двух советских героев, за их боевой самолет.

Так в жестоких и кровавых боях огнем своего оружия пишут советские воины историю побед Красной Армии. Так воины Ленинграда выполняют свой священный долг перед великим городом, биться за который им доверила отчизна.

Одержанные успехи не могут успокоить наши сердца и утолить палящую жажду мести, наполняющую душу бойцов. Еще стоят немецкие банды под Ленинградом, вымещая на его мирных жителях свою лютую волчью злобу. Славный двадцатипятилетний юбилей Красной Армии бойцы, командиры и политработники Ленинградского фронта встречают охваченные единым стремлением — с честью до конца довести дело, начатое прорывом блокады.

Враг будет изгнан из-под Ленинграда, мы не оставим ни одного немца на советской земле. Разгром и уничтожение

будет их уделом. Вперед, на Запад — вот наш единственный путь! И мы пройдем его со славой, ведомые нашим Верховным Главнокомандующим, родным и любимым нашим вождем — великим и мудрым Сталиным.

В этом воины Ленинграда клянутся в торжественный и знаменательный день, когда Красная Армия вступает во вторую четверть века своей славной героической жизни.

СТИХИ

О ПРОРЫВЕ БЛОКАДЫ

I

На невском правом берегу
В туманах спрятаны холодных
Подразделения в снегу
На рубежах лежат исходных.

За их спиною — Ленинград,
А перед ними — враг коварный...
О чем задумался, солдат,—
Боец дивизии ударной?

Еще осталось полчаса —
И твердь земная содрогнется,
И грянут пушек голоса,
И кровь геройская прольется.

Одним достанется найти
На льду приладожском кончину,
Другим, как мстителям, взойти
На левобережья вершину.

Но храбрым нет пути назад.
Они пройдут, они пробьются.
Тебе, любимый Ленинград,
На жизнь и смерть бойцы клянутся.

II

Средь дымящихся предместий,
В гуле грозных батарей
Я услышал голос мести
Наших русских матерей.

Так толково били пушки,
Что казалось мне, во мгле
Сосен темные верхушки
Пригибаются к земле.

Освежая снегом губы,
Расторопен и плечист,
Сбросил наземь полушубок
Молодой артиллерист.

Парень бравый и неробкий
За ударом слал удар.
Так в дымящуюся топку
Уголь мечет кочегар.

И пальба была в зените.
Громыхал огня поток.
И с блиндажных перекрытий
Хлынул струями песок.

И казалось мне, поверьте,
Все отныне только прах.
И казалось мне, до смерти
Будет этот звон в ушах.

И к ушам бойцов ладони
Потянулись все подряд.
По движеньям губ я понял,
Что кричат — «За Ленинград!»

Вздрогнув, небо загудело,
Почернели берега,
Огнедышащие стрелы
Устремились на врага.

И взлетели вражьи дзоты,
И земля оделась в дым.
И на лед взошла пехота
Вслед за валом огневым.

И тогда в дыму предместий,
В гуле грозных батарей
Понял я, — то голос мести,
Голос наших матерей.

III

Пускай услышат ближние
И дальние края,
Как шли отряды лыжные,
Рожденные в боях.

Как шли ребята русские
И падали на снег.
Та битва шлиссельбургская
Запомнится навек.

Как шли они, и пройдены
Геройские пути.
А вел их в бой за родину
Потехин — командир.

Он вел их в бой, как велено,
Дорогой огневой,
За славный город Ленина
Над вольною Невой.

Ползли они в кустарнике
От берега реки.
Гранаты их ударили,
Сверкнули их штыки.

Вот звезды за туманами
Зажглись, что каганцы.
По-братски с волховчанами
Целуются бойцы.

И здесь счастливой долею
Гордился человек,
Что нет блокады более,
Что прорвана навек.

А ночка над пожарищем
Взошла на небеса.
И вновь пошли товарищи
Прочесывать леса.

Так пусть услышат ближние
И дальние края,
Как шли отряды лыжные,
Рожденные в боях.

IV

Шлиссельбургская крепость,
Ты поэмой живой
Поднялась над великой,
Над родимой Невой.

Стены тут простирают
Вверх зазубрин края.
Как видение славы,
Здесь твердыня сия.

От воды на морозе
Пар студеный, туман.
Флаг, разодранный в клочья,
Реет в небе багрян.

И как будто корабль
Уплывает в Неву.
Как легенда и песня,
Устремившись в молву.

Сколько раз, не сочтешь ты,
Шел на приступ тевтон,
Но сдержал этот натиск
Храбрецов гарнизон.

И упали на крепость
В блеск геройских ночей
Столько бомб и снарядов,
Сколько здесь кирпичей.

Но из дымных развалин
Ночью, вечером, днем
Отвечали ребята
На огонь лишь огнем.

А когда прозвучала
Им команда «Вперед!»,
Сами двинулись штурмом
Через ладожский лед.

И венчают их славой
Тех зазубрин венцы...
Дорогие, родные,
Золотые бойцы.

V

Серо-зеленая шинель
И с черной свастикой шапчонка...
Девчонка им кричала «шнель!», [1]
«Цурюк!» [2] — кричала им девчонка.

И перед нею жмутся в круг
Обезоруженные фрицы.
Недоумение, испуг,
Им перекашивают лица.

Встань, Ленинградочка моя,
Встань с автоматом, богатырша,
Серо-зеленого зверья
Ты боевая конвоирша.

Ты этот сброд сопроводи,
Ты, в полушубочке дубленом,
Закон суровый утверди
Над всем немецким батальоном.

Твои друзья вперед идут,
Им время дорого для боя.
Ты похозяйничаешь тут,
Гордясь отменною судьбою.

Как ты сегодня хороша,
Когда разбойничее стадо,
Ведешь к предместью Ленинграда,
В руках сжимая ППШ.

Сияет солнце с высоты,
Мороз твои румянит щеки...
Сбылись назначенные сроки,
Сбылись заветные мечты!

---

[1] Скорее.
[2] Назад.

Павел ЛУКНИЦКИЙ

В ЭТИ ДНИ...

1. Как это началось

В 9 утра над лесами, над широкой, крепко скованной льдом Невой, над всем передним краем, глядящим в кольцо блокады, господствовала тишина. Это была двойная тишина, потому что она усугублялась строжайшей военною тайной. Немцы знали, что Ленинград готовится сбросить опостылевшую блокаду. Немцы предугадывали, где именно мы дадим генеральный бой — это им подсказывала сама географическая карта. День за днем воздвигали они все новые оборонительные сооружения на предполагаемом ими участке прорыва, стягивали сюда свои отборные части, еще и еще насыщали огневыми средствами узлы сопротивления, созданные ими за год с лишним блокады...

Но когда именно, и с какими силами мы начнем,—этого немцы не знали. И целый год ожидавшийся удар в этот зимний морозный день все-таки показался им неожиданным... «Мы думали, — позже показал пленный санитар Ганс Петерс, — обычный огневой налет. Думали, что вот-вот перестанут. Но огонь становился сильнее. Солдаты стали нервничать. Потом все забрались, кто куда мог. Ефрейтор Ламберт Буути закричал: «Я был во многих походах, но такого грохота не видел и не слышал».

В 9.30 утра, словно распахнув широкий занавес военной тайны и тишины, прокатился по небу над Невой страшный грохот орудий... Все системы заговорили сразу. Такой умопомрачающий грохот немцы слышали под Москвой, и, разгромленные, отхлынули вспять. Такой же грохот услышали они под Сталинградом — всему миру известно, что последовало затем... Настал черед услышать такой же грохот и здесь, — наступил долгожданный час освобождения бессмертного в своем героизме города Ленина...

Час настал... Этот клич проник в сердце каждого воина, видевшего в то утро перед собою ледяные просторы Невы. Общей картины боя нам еще не охватить. Мы свидетельствуем только о частностях, — но как они характерны! Ар-

тиллеристы Лебедева обрушили свой основной огневой удар на два опорных пункта врага. Попытавшиеся отвечать две тяжелые фашистские батареи замолкли... Тысячи снарядов наших артиллерийских подразделений опоясали разрывами весь левый берег. Дым и пламя встали высокой стеной... Разведчики-наблюдатели, выискивая в бинокли и стереотрубы уцелевшие цели, сообщали о них батареям. Разведчик Федор Логинов, не обращая внимания на бризантные снаряды, рвавшиеся вокруг сосны, на верхушке которой он устроил свой НП, не оторвался от телефона и тогда, когда разбитая снарядом сосна легла ветвями на кроны других — благо провод случайно остался непорванным.

В грохот канонады вступил шум многих моторов, — из-за стены дыма появились фашистские самолеты. Бомбами и пулеметным огнем они попытались было сорвать работу артиллеристов. Расчеты старшего сержанта Степыко и младшего сержанта Шакурина, обстрелянные из пулеметов, не дрогнув, продолжали посылать снаряд за снарядом. Шум моторов утроился, — и опрокинутые нашими истребителями, потеряв несколько самолетов, фашистские штурмовики и бомбардировщики покинули поле боя, — с этой минуты в небе стала господствовать наша авиация. Ее бомбовые удары были слышны на десяток километров вокруг.

На невский пустынный лед вступили наши танки и наша пехота... Между двумя берегами загремело ура, — Нева была форсирована решительно и стремительно... Поддерживаемые огневым валом, одетые в маскхалаты стрелки, моряки, саперы, связисты, автоматчики, минометчики — карабкались на высокий, яростно обороняемый врагом берег. В первых рядах пехоты шли и артиллеристы-разведчики. Герой предшествовавших боев, краснознаменец, гвардии сержант Константин Демин, опережая пехоту, ворвался в траншею врага, сразил автоматом двух выбежавших из блиндажа фрицев, хотел убить третьего, но, увидев, что это офицер, повалил его наземь, поволок по льду, живым доставил на свой наблюдательный пункт. Один из блиндажей встретил наступающих бойцов сильным пулеметным огнем. Старший сержант Шлома и красноармеец Леончик подползли к блиндажу, бросили в дымовую трубу связку гранат. В разъятом взрывом блиндаже остались десять разорванных на куски немцев. Шестерых уцелевших Шлома и Леончик взяли в плен...

По нашим боевым порядкам открыл огонь подоспевший из немецких тылов бронепоезд. Артиллеристы Лебедева

подавили его несколькими залпами своих тяжелых орудий. Продолжая стремиться вперед, пехота уже овладевала первыми важными рубежами. С криками «ура!», забрасывая врага гранатами, кроя его пулеметным и автоматным огнем, лавина гвардейцев заняла три линии немецких траншей; бойцы лейтенанта Шузакина выбивали фрицев из еще державшихся гнезд. Немцы дрогнули, предавшись панике, бросая пушки и пулеметы, побежали... Только отдельные группы продолжали оказывать бешеное сопротивление. Гвардии красноармеец Уряднов почти в упор обстрелял из автомата немецкий НП и, перебив нескольких немцев, взял в плен фашистского офицера. Столь же вдохновенно дрались бойцы соседних подразделений. Красноармеец Иван Железный, ворвавшись в землянку, заколол трех немцев штыком; к порогу другой землянки подбежал лейтенант Мацапура со своим связным Абрамовичем. Четыре гитлеровца бросились из землянки на лейтенанта. Абрамович прикрыл командира грудью и, раненный врагами в плечо, заколол трех из них, предоставив лейтенанту расправиться с четвертым...

Ломая узлы сопротивления, все глубже врывалась пехота в расположение врага. Сержант Зайков со своим отделением уже достиг четвертой линии траншей, окаймлявшей опушку леса. Участок Невы по всему фронту наступления был уже всецело в наших руках. По льду переправилась артиллерия и перекатились новые волны пехоты. Командир батареи, старший лейтенант орденоносец Мамчур схватился с немецкой батареей, бившей по боевым порядкам нашей наступающей пехоты. Началась жестокая артиллерийская дуэль. Кочнов, Брусков, Шилухин, Разуменко вели огонь до тех пор, пока все три орудия вражеской батареи не были уничтожены. Еще более славный подвиг совершил красноармеец Царев. Весь расчет его пушки выбыл из строя. Царев один вел огонь за всех. Поддерживаемая им пехота ушла далеко вперед. И зная, что пехоте попрежнему нужен его огонь, Царев с нечеловеческим усилием, на которое могла его сделать способным только лютая ненависть к немцам, перекатил одну свою пушку на новую позицию и, вновь открыв огонь, уничтожил три огневые точки противника... Мимо бежали новые подразделения нашей наступающей пехоты. Люди были злы, вдохновенны, неустрашимы, неумолимы. Стрелковая рота, углубившись в лес, захватила четырехпушечную батарею 305-миллиметровых... Внезапно одна из амбразур уцелевшей дзот заговорила пулеметным огнем. Красноармеец-связист Молодцов, увидев,

что бойцам негде укрыться, бросился к амбразуре с гранатами, швырнул одну и вторую, но увидев, что пулемет продолжает бить, подскочил к нему и повис на нем, приняв в свое тело его длинную очередь... Связист Молодцов погиб. Освобожденный от блокады Ленинград, вся советская страна да воздадут герою бессмертную славу!..

Когда стемнело, когда только вспышки разрывов и ракет озаряли штурмуемый лес, гвардеец, ротный комсорг Тимофеев, выкрасив светящейся краской свою саперную лопату, повесил ее на спину и крикнув товарищам: «Комсомольцы, за мной! Держитесь за светом моей лопаты!» — устремился по лесной тропе в немецкий тыл к блиндажам, из которых немцы вели огонь. Бойцы последовали за ним, и блиндажи были взяты. К ночи мороз усилился. Взошла яркая луна, сделавшая фантастически-декоративным страшное поле боя... Инструктор по комсомолу капитан Федор Корюхин со своим связным, устанавливая НП, выдвинулся вперед батальона, преследующего фашистов. Неожиданно он заметил, что в тыл батальону по тропинкам заходят два отделения немецких автоматчиков. Корюхин и его связной залегли в кусты и едва одно из отделений автоматчиков приблизилось, крикнул по-немецки «руки вверх»... Ошеломленное внезапностью окрика отделение подняло руки. Корюхин подумал: «Что же делать теперь? Ведь нас только двое!», — все же не растерялся, скомандовал связному: «Охранять!», а сам перебежал в другие кусты и открыл огонь по второму отделению, приближавшемуся с другой стороны. Эти автоматчики побежали. С тринадцатью пленными Корюхин и его связной вернулись к своему батальону, который они сберегли от двойного удара с флангов.

Так дрались в этот день выступившие на прорыв фашистской блокады герои-ленинградцы.

На следующий день вал наступления катился дальше. А в пройденных немецких окопах и блиндажах бойцы собирали, складывали, сортировали трофеи: пушки, пулеметы, продовольствие, имущество и боеприпасы.

В освобожденных от немецкого ига населенных пунктах Марьино и Пильня-Мельница выставлялись палатки, дымили походные кухни. Немногие оставшиеся здесь от когда-то многочисленного местного населения дети и женщины рассказывали бойцам обо всем пережитом здесь — о пытках, виселицах, побоях и унижениях. Один единственный сарай сохранился на месте когда-то богатой деревни Марьино.

А к Ленинграду, пройдя наконец Неву, под конвоем шли фрицы, давно, но совсем иначе, стремившиеся туда. Вид их был жалок и омерзителен. Среди них был рабовладелец, Франц фон Гюльтенфельд, сын прусского помещика, владельца 600 га земли, сотни лошадей и коров. В Германии в рабство этому двуногому скоту отданы двадцать пленных красноармейцев и десять русских женщин.

На допросе «сын помещика» угрюмо сказал: «Мы думали, что настал конец света. Нам твердили, что советской авиации больше не существует. Но вчера мы увидели совсем другое. Земля непрерывно дрожала от бомб и снарядов. Больше половины наших были убиты или засыпаны землей. На минуту стало тихо. И сразу же мы были окружены вашими!..»

Наступление на Ленинградском фронте продолжается...

Все немцы, блокирующие город Ленина, будут убиты и засыпаны землей. А те, кто уцелеет, — будут окружены нашими. И, подобно Францу фон Гюльтенфельду, они вступят в Ленинград под конвоем...

2. Слава героям

Первыми вступили в Шлиссельбург подразделения, входящие в состав части Героя Советского Союза полковника Трубачева. Имена командиров—капитана Заводского и старших лейтенантов Гаркуна, Семенихина, Кондрашева, Искандерова, Проценко, Осипова — повторяются в освобожденном городе чаще других имен. Эти подразделения брали высоту Преображенскую, брали ситценабивную фабрику, брали город и очищали его от немцев. Слава бойцам и командирам полковника Трубачева!

Но эта слава не только им: равное право разделить ее заслужили и все те части, которые, форсировав Неву, двинулись не прямо на город, а параллельными дугами, широким фронтом, в обход его. Это они оттянули от города основную массу немецких частей и, сокрушив их в упорных, кровопролитных боях, зайдя городу во фланг и в тыл, настолько ослабили оборону его гарнизона, настолько деморализовали его, что дали возможность малым, по численности своей, силам Середина доделать общее дело: взять город коротким штурмом, а пока подразделения Смородкина и Фомичева, двигаясь дугами в его тылу, все ближе и ближе сходились с наступавшими навстречу им волховчанами. У каждой из этих частей есть свои кульминационные моменты заслуги в общем победном деле. Под-

разделения Смородкина и, в частности, подразделение Гофмана, первыми форсировали Неву и, прорвав левобережные укрепления врага, дали возможность своим товарищам устремиться в этот прорыв. Подразделения Фомичева, всту-

Герой Советского Союза
полковник ТРУБАЧЕВ В. А.

пив на левый берег, прошли с жестокими боями вдоль всего переднего берегового края фашистов до высоты Преображенской и здесь, уйдя сами в немецкий тыл, уступили место следовавшим за ними подразделениям, чтоб те отсюда, с этого исходного рубежа могли обрушить свой атаки на высоту и на город...

Все они показали блестящий пример дружного взаимодействия.

Столь же славно и столь же прекрасно взаимодействуя в прорыве блокады и в овладении Шлиссельбургом, участвовали и другие части.

Старший лейтенант А. ГОФМАН. Его подразделение первым форсировало Неву

Это — ныне гвардейская дивизия генерал-майора Симоняка, стремительно и без потерь форсировавшая Неву, отбившая у противника несколько населенных пунктов,—первая, сомкнувшаяся с волховчанами.

Имя командира батальона ленинградцев, Федора Собакина, и имя командира батальона волховчан, капитана Демидова, расцеловавшихся первыми на территории прорыва,—отныне прославленные имена.

Это также лыжники подполковника Потехина, зажавшие немцев, пытавшихся выбраться из Шлиссельбурга, в такое кольцо штыков, из которого драпающие эсэсовцы нашли один только выход — в могилу.

Это — все бойцы Волховского фронта, шедшие навстречу неудержимым в своем наступательном натиске ленинградцам.

Это, конечно, все артиллеристы, деморализовавшие немцев в первые же минуты начала общего наступления, превратившие в прах все укрепления левобережья Невы за два с половиной часа поистине адской артподготовки, а затем, в течение семи дней боев не дававшие немцам опомниться ни на одну минуту, ни на одном из штурмуемых нашими частями участков.

Саперы, летчики и танкисты, все роды оружия, участвовавшие в этом беспримерном сражении, — все действовали с равным героизмом, все заслужили равную славу в веках.

И с кем бы из бойцов и командиров в Шлиссельбурге ни разговаривал я, в какое бы подразделение ни пришел,— повсюду я слышал слова признательности соседям по наступлению, восхищение ими. Осматривая вместе с героями боев одну за другою взятые ими позиции, переходя из роты в роту, из батальона в батальон, я непременно и во всех случаях бывал уже заранее наслышан о том, что люди, к которым я направлялся, не отступали в бою ни на шаг, что ни отставших, ни устрашившихся среди них не было, под каким бы бешеным огнем врага ни устремлялись они в атаку. Если впереди была смерть,—люди шли на смерть, бесстрашно и вызывающе смотря ей в глаза. Если впереди была стена, — люди проламывали эту стену своею грудью и шли вперед. Если, свершая подвиг, погибал командир,— командиром в тот же момент оказывался любой из его бойцов. Если на страшном рубеже погибали бойцы, рубеж тотчас же оказывался сокрушенным и взятым неумолимой, неодолимой волною других бойцов. В этом — небывалом в истории единодушном массовом героизме, в боевом вдохновении, одинаковом у одного и у всех,—главная, исключительная особенность наступления, увенчавшегося прорывом блокады.

Слава каждому воину, слава всем, участвовавшим в решении этой исторической задачи!

3. Те, кто стали гвардейцами

Огромную роль в прорыве блокады Ленинграда сыграла ныне гвардейская дивизия генерал-майора Николая Павло-

Герой Советского Союза
Гвардии сержант ЛАПШОВ И. А.
В боях при прорыве блокады группа бойцов под командованием тов. Лапшова уничтожила до 150 гитлеровцев, захватила 8 складов, 400 лошадей, 28 автомашин, 8 мотоциклов

вича Симоняка. Задолго до решительных боев весь личный состав был блестяще подготовлен к преодолению открытых водных рубежей в кратчайшие сроки. Артиллерия ди-

визии в течение продолжительного времени наблюдала цели, точно намеченные для каждого орудия. 12 января — день начала общего наступления — на участке протяжением примерно в два с половиной километра — начался исключительно мощной артиллерийской подготовкой. С правого берега по левому било больше сотни орудий. Артподготовка продолжалась с 9 часов 30 минут утра до 12 часов дня. В ней приняли участие приданные артиллерийские подразделения.

Все основные огневые средства врага были превращены в прах, узлы сопротивления сломлены. Ошеломленный, подавленный враг смог ответить на этот ураган огня только жидкой и беспорядочной стрельбой отдельных уцелевших орудий.

В полдень все подразделения и части развернутыми цепями одновременно, по сигналу, предприняли бросок через Неву. От стремительности и внезапности этого броска зависел успех всей операции. Командиры батальонов и рот и все политработники, учитывая исключительность этого момента, находились впереди цепей, воодушевляя бойцов своим примером. В этом месте ширина Невы достигает шестисот метров, но боевой порыв отлично подготовленных людей был столь велик, что бойцы преодолели Неву за семь—десять минут. Немцы успели открыть огонь лишь тогда, когда до левого берега бойцам оставалось не более 150 метров. Огневые средства врага были так основательно уничтожены артподготовкой, что немцы не могли встретить атакующие войска пулеметным огнем. Ни один из наступающих бойцов не залег, ни один не отстал. Потеряв на льду Невы не более тридцати бойцов и только двух средних командиров, одна часть ворвалась в береговые траншеи противника, смяла и уничтожила все на своем пути. Подготовленный немцами в глубоком овраге следующий сильно укрепленный рубеж с «ласточкиными гнездами» — ячейками на обратных склонах оврага—был сломлен. Столь же стремительно промчавшись неудержимой лавиной дальше, ломая все узлы сопротивления, часть ворвалась в основной пункт обороны противника — деревню Марьино, с ходу взяла ее, прочистила все ее дзоты и блиндажи, захватила и уничтожила огневые средства и, миновав деревню, с тем же ураганным напором взяла населенный пункт Пильня Мельница — и продолжала двигаться дальше.

Пять следующих суток, не задерживаясь для отдыха, продолжала она вгрызаться в мощную систему укрепленных позиций противника. Накаленные накопленной за год

блокады небывалой ненавистью к фашистам, воины все эти пять суток ни на час не ослабляли боевого порыва. Ни танки, ни авиация, ни спешно подтягиваемые противником из глубокого тыла резервы не могли задержать неуклонного наступления. В эти дни бойцами, командирами и политработниками было совершено множество новых подвигов.

Гвардии капитан Ф. СОБАКИН с группой бойцов. Батальон Собакина первым встретился с бойцами Волховского фронта

Взаимодействуя с соседними стрелковыми частями и с артиллерией, дивизия Симоняка, в которой ведущими были батальоны капитанов Собакина, Душко и Малашенкова, к утру 18 января достигла Пятого поселка. В это время последние, полуокруженные под Шлиссельбургом немцы, колонной более 2000 человек, ища путей отхода, наткнулись на передовые части дивизии. В коротком бою колонна была уничтожена нашими пехотинцами — более 1500 немцев перебиты, а последние 600 взяты в плен. Другая группа отступающих немцев численностью около двухсот человек, напоровшись на командный пункт одного из артдивизионов, окружила его. Несколько десятков находившихся на КП бойцов и командиров вступили в рукопашный бой, бросая гранаты, стреляя из пистолетов. Все две

сотни «окружателей» были перебиты полностью. Капитан Мельников застрелил из пистолета 13 фрицев, многие другие командиры убили каждый по десятку врагов.

В 11 часов 35 минут 18 января в районе Пятого поселка батальон капитана Собакина сомкнулся с наступающим со стороны Волховского фронта батальоном капитана Демидова. Эта историческая встреча стала моментом прорыва блокады. Через несколько минут вслед за батальоном Собакина с волховчанами соединился батальон капитана Душко.

Накануне начала наступления 11 января батальон капитана Собакина посетил Климент Ефремович Ворошилов. Бойцы поклялись ему соединиться с войсками Волховского фронта. Через семь дней бойцы батальона свою священную клятву сдержали.

4. Батальон Епифанова

Маленький домик на снежном берегу Старо-Ладожского канала.

Два дня назад в этом домике жили немцы и, боже мой, сколько усилий понадобилось вернувшимся из землянки в лесу хозяевам, чтоб привести в прежний, давний порядок свое жилье!

На льду канала, пониже домика, еще лежат безобразные, замороженные трупы гитлеровцев, — их много, как корявые дрова они нагромождены один на другой. Желтая кожа немецких лиц кажется сделанной из картона. Рваные раны, скрюченные пальцы, изорванная окровавленная одежда — красно-черные повязки эсэсовцев на рукаве, соломенные эрзац-валенки и обмотки на распяленных ногах, — вот зрелище, венчающее черные дела 170-й немецкой пехотной дивизии, предавшей огню и мечу Одессу, Севастополь и Керчь, расстрелявшей и замучившей изуверскими пытками десятки тысяч ни в чем неповинных, мирных советских людей.

170-й немецкой дивизии больше нет. В Шлиссельбурге и в домиках на канале ни одного живого немца больше нет.

А в тихом уютном домике снова поселились получившие право на жизнь советские люди. Эта семья шестнадцать месяцев терпела немецкое иго: отец, мать, двое исхудалых, запуганных мальчиков. Вместе с ними в комнате, отделенной лишь занавесью, временно поселились два командира: капитан Александр Федорович Епифанов, комбат, и его за-

меститель по политчасти, капитан Михаил Иванович Семенов. Прежде чем поселиться здесь, семь суток дрались они с немцами во главе своего батальона, семь дней слышали только грохот да свист огненного металла, семь ночей провели на снегу, освещенном плывущей в морозной дымке луной, да фейерверком ракет, да вспышками разрывающихся мин и снарядов... В этот домик они принесли победу, их отдых короток, завтра они опять устремятся

Трупы немцев на левом берегу Невы

в бой, — туда, дальше, где сейчас гремит несусветная канонада развивающегося вглубь и вширь наступления.

Епифанов родился в Цимлянской. Там кто-то, такой же как он, недавно освободил от немецкого ига его семью: жену, дочек Олю и Алевтину. Хорошо! За это он тоже освободил от немецкого ига чьи-то семьи, здесь, на берегу Ладоги; какой-нибудь шлиссельбуржец, сражающийся там, на Дону, скажет ему за это спасибо.

Глаза у капитана серые, усталые, словно подернутые дымкой. Лицо обветрено, полнокровно. Он умный, опытный командир

Капитан Семенов моложе его на девять лет, но и он, кряжистый и уравновешенный, гладколицый, — опытен и в воспитании людей и в боях. Комсомольцы Старой Руссы могли бы многое рассказать о секретаре своего горкома, но о боевой его доблести они теперь услышат впервые.

Об этой доблести говорят все семь суток наступления батальона.

...Кончился период учебы. Отгремело широкое «ура» маршалу Ворошилову, вдруг вышедшему из машины, перед батальоном, в час разбора тактических учений в заснеженном лесу. Все теперь знали бойцы: и как наступать на укрепленную полосу противника, и как форсировать ледяные преграды, и как вести ночной бой в населенном пункте. Клятва маршалу была дана. Задача была ясна: впереди сжимаемые хищной немецкой рукой лежали омертвленные Нева, Ладога, Шлиссельбург. Надо было отрубить эту руку, восстановить дыхание советской жизни на освобожденной земле. Бойцы были готовы к любому подвигу.

По двум бревнышкам перешел батальон Черную речку в ту, еще тихую, ночь перед боем. Вышел на исходный рубеж. Утром прогрохотала общая артподготовка. Вперед, на Неву, за прорвавшим вражеские укрепления батальоном Гофмана, устремились части Смородкина и Середина. За ними, в шквал минометного огня, на лед Невы устремился батальон Епифанова. Взвод за взводом, рота за ротой, короткими перебежками, давя своим огнем немецкий косоприцельный автоматно-пулеметный огонь, выбирая для бросков моменты между разрывами вражеских мин,—батальон переправился на узкий левобережный участок прорыва. Четыре раза за это время возвращался через Неву к поочередно выступавшим подразделениям капитан Семенов и, ведя их за собой, вновь устремлялся вперед. Последним Семенов переправил на левый берег минометный взвод Тихомирова. Была темная ночь, Семенов опасался, что без него бойцы могут сбиться с пути, выйти не к участку прорыва, а на невзорванные по сторонам от него минные поля немцев.

Переправившись полностью, батальон до утра вел на берегу бой, расширяя прорыв, а утром, развернувшись вдоль берега, ворвавшись с фланга в немецкие траншеи, двинулся; позади батальона оставалась все ширящаяся полоса прорыва, на которую одна за другою вступали с Невы новые части. Проломив штурмом первые четыреста метров, батальон у разбитого, сгоревшего совхоза «Овощь» на-

кнулся на пять отчаянно сопротивляющихся немецких дзотов. Епифанов поднял бойцов в атаку, — все пять дзотов пали, и по трупам немцев бойцы устремились дальше. Под огнем артиллерии рушились землянки, немецкие пулеметы умолкали, бойцы кололи выскакивавших немцев штыком...

В разгаре боя была получена телеграмма товарища А. А. Жданова, поздравлявшего личный состав батальона с успешным наступлением. День уже был на исходе, люди были утомлены, но узнав об этой телеграмме, в новом порыве боевого вдохновения устремились дальше, в несколько минут заблокировали три дзота, строчившие пулеметным огнем и, захватив три дома, уничтожили всех бивших из окон и с крыш автоматчиков.

К середине ночи весь берег от места прорыва до подступов к высоте Преображенской был пройден героическим батальоном, — весь участок Невы на этом протяжении был очищен от немцев. Закрепившись на подступах к высоте, бойцы заночевали на снегу, в занятых ими траншеях.

На утро был получен приказ передать рубеж подошедшим подразделениям Середина и, выйдя самим восточнее, сковать противника на фланге так, чтоб ему некуда было податься из Шлиссельбурга. Трое суток лежал батальон на снегу, сковывая противника, трое суток, пока наши подразделения подготовлялись к штурму высоты и простирающегося за ней города. А на четвертые сутки, получив приказ о наступлении, батальон ринулся вперед в обход города, сразу же захватил немецкие склады — 30 грузовиков, 2 легковые машины, 50 лошадей, мастерские, продовольствие, боеприпасы и, не задерживаясь, взяв штурмом насыпь узкоколейной железной дороги, продолжая развивать успех, обошел город и к 14 часам вышел к крайним домикам Ново-Ладожского канала.

Это было 18-го числа. В эти часы высота Преображенская и город были взяты. Батальон Епифанова вместе с другими частями, обеспечивший своим обходным движением действия этих подразделений, выполнил свою задачу блестяще.

Дойдя до канала, увидев перед собой ледяные пространства Ладоги, батальон взял круто вправо и пошел по каналу в сторону Липок — на соединение с волховчанами. Здесь, на Ново-Ладожском канале, на полпути до деревни Липки, в 19 часов батальон встретился с бойцами Волховского фронта...

...А на следующий день вышедшие из заметенных снегом землянок в лесу прежние хозяева уцелевших вдоль по каналу домиков стирали белье, жарко топили русские печи, чтоб дорогие гости у них могли насладиться отдыхом.

И разговорам обо всем, что происходило здесь шестнадцать мучительных месяцев, не было ни конца, ни краю...

5. Взятие высоты Преображенской

Была ли когда-либо гладкой и ровной узкая полоса между Невой и дорогой?.. Нет сомнений: была. Стояли на ней аккуратные деревянные домики, с палисадниками, окруженные огородами. Над гнутыми прутиками, обводившими зеленые клумбы, поднимались анютины глазки, «иван-да-марья». Чистенькие мостки сбегали к невской воде, подтянутые к ним тугими цепочками, дремали, противясь течению, рыбацкие лодки... Как археолог находит следы некогда цветущей жизни под мрачным покровом пустыни, я устанавливаю прошлое этих мест по выброшенному взрывом мины на берег лодочному веслу, по пробитой пулеметною очередью зеленой садовой лейке, по черному обгло-дышу резного надкрылечного петуха, торчащему из еще дымящегося квадрата углей и золы...

Сейчас вся эта полоса — дикий и страшный хаос, заваленный немецкими трупами, изрезанный ходами сообщений, в которых снег еще запятнан красными ледяшками смерзшейся крови.

Я стою над коротким, пересекающим мне путь, оврагом. Он протянулся от дороги к Неве, он был естественной преградой на пути наших бойцов к высоте Преображенской. Он изрыт, он издолблен норами блиндажей, пулеметных гнезд, стрелковых ячеек. Поперек оврага — печальное зрелище — лежит разбитый в мелкие рваные куски самолет. Его мотором вбита в землю минометная установка. Слева на снегу распласталось обуглившееся тело летчика. Хвост штурмовика отлетел далеко, — на нем красная большая звезда... Я не знаю имени летчика. Но прекрасный подвиг его мне понятен. В пятнадцати метрах отсюда — дорога, на которой мог сделать посадку подбитый вражеским огнем самолет. Это, безусловно, вполне зависело от воли летчика. Конечно, он попался бы в плен... И мысль об этом в ту, последнюю секунду своего полета и своей жизни подсказала решение: воля героя склонила машину прямо на вражескую минометную батарею... Сегодня тело летчика похоронят. Через год, и че-

рез сотню лет сюда, к памятнику, который воздвигнется здесь, будут приходить советские люди, чтоб постоять в молчании, чтоб вспомнить о Великой Отечественной войне.

А сейчас на вторые сутки после откипевшего здесь сражения я стою над оврагом, еще не отдавая себе полностью отчета во всех впечатлениях. И рядом со мною стоит в ватной куртке, с автоматом, висящим поперек груди, маленький, говорливый, с черными усиками и обветренным лицом человек. Он был здесь и в тот момент, когда самолет упал, он видел все, но тогда ему было некогда,—он был занят тогда тем, что сам он называет делом, а я назову — совершением подвига.

С девятью товарищами, он первый переправился тогда на этот берег, сплошь еще занятый немцами. В ночной тьме он сумел проскочить Неву не задетый ни трассирующими пулями, ни предательским светом пронизывавших тьму ракет. Вместе с товарищами он пробрался вон к тому, ныне разбитому домику у дороги, и залег там, стреляя во всякого немца, который попадался ему на мушку. Немцы были заняты напряженною обороной, пулеметчики сидели у своих разгоряченных пулеметов, минометчики слали мины на правый берег, стрелки не смели высунуть головы из траншей... А десять разведчиков, затаившихся в самой гуще врагов, спокойно выбивали их одного за другим,— семь часов провели они здесь, и перед утром ворвались в тот одинокий домик с гранатами, убили немецкого офицера и с десяток его солдат. И воспользовавшись переполохом, сумели под покровом тьмы проскользнуть обратно к Неве, перейти ее, потеряв одного только человека, и доложили командованию обо всем, что видели, что узнали...

И когда на следующий день командир роты старший лейтенант Александр Гаркун оказался здесь, наступая уже не с Невы, а с фланга, вместе со своей ротой, то все вокруг было ему знакомо, — и домик этот, уже разбитый снарядами, и этот овраг, и высота Преображенская впереди, такая непонятная и таинственная в ту ночь, а теперь, в солнечном свете дня, оказавшаяся совсем близкой и досягаемой: вот налево церковь, которую нужно брать, потому что в ней засели немецкие автоматчики; вот дорога, обходящая высоту справа и устремленная вдаль, туда, за высоту, где уже видны строения Шлиссельбурга; вот, еще правее — гладкое снежное поле, простирающееся до самого леса, в котором уже действует батальон Проценко,

оттесняя немцев к железной дороге, идущей за высотою от леса к Неве; Гаркуну тоже придется ее пересечь, когда он займет высоту, и, спускаясь по ее склонам, выйдет на штурм Шлиссельбурга.

Все это было позавчера. Собственно говоря, командир батальона капитан Владимир Заводский совсем не приказывал Гаркуну брать высоту, слишком хорошо укрепленную, чтоб можно было овладеть ею силами двух имевшихся в наличии рот, к тому же утомленных предшествовавшими боями. Важно было хотя бы блокировать ее в ожидании спешащих уже подкреплений. И потому задача Гаркуну поставлена была ясно: пройти полем, правее дороги вперед и, обогнув высоту вдоль линии узкоколейки, дойдя до Невы, разобщить высоту и город.

А чтоб немцы, сидящие на высоте, не помешали этому, Заводский в момент, когда рота Гаркуна двинулась, вызвал по Преображенской огонь артиллерии с правого берега и одновременно стал глушить немцев своей собственной артиллерией,—было у него на этот предмет шесть противотанковых орудий и семь минометов.

Семь минут работала артиллерия: с девяти ноль пяти до девяти часов двенадцати минут утра 16 января. Поросшая густым высоким кладбищенским лесом, круглая, как гигантский свернувшийся еж, высота ответила артиллерии треском ветвей, стоном ломающихся стволов, скрежетом разлетающихся под разрывами могильных камней, бешеной чечеткою надрывающихся немецких пулеметов и автоматов... Но эта чечетка, обессиливая, слабела, рота Гаркуна прорвалась до самой узкоколейки вперед, с криком «ура!» перебежала дорогу обратно, достигла Невы, и, в момент, когда наша артиллерия разом замолкла, подхватив команду разгоряченного Гаркуна, устремилась со стороны немецкого тыла прямо на высоту...

Слыша несмолкающее «ура», Заводский, оставшийся по эту сторону высоты, понял, что Гаркун не остановился, что его рота — неудержима, и потому, не медля в решении поддержать инициативу Гаркуна, мгновенно двинул навстречу ему с этой стороны высоты роту старшего лейтенанта Василия Семенихина... Теперь «ура» гремело уже с двух сторон высоты. А со стороны дороги и поля к высоте двинулись три гусеничных трактора с укрепленными на них станковыми пулеметами. Позже пленные немцы признались, что шум этих тракторов был принят ими за громыхание танков и что потому, мол, нечего удивляться панике, охватившей в те минуты эсэсовцев...

Так или иначе, но ровно в 10.00, — через 55 минут после начала операции, высота Преображенская была взята, все немцы поголовно, кроме нескольких взятых в плен, истреблены в своих траншеях и дзотах, и только сотни полторы их, находившихся за узкоколейкой, побежали врассыпную в сторону Шлиссельбурга.

Белокурый, горбоносый, с раскрасневшимся лицом капитан Заводский, размахивая шапкой, командовал артиллеристам и минометчикам:

— Скорее, отсечный огонь!..

И этот отсечный огонь по убегавшим не заставил ждать себя долго. А рота Гаркуна, развернувшись, устремилась с высоты в обратную сторону, — в погоню за убегавшими немцами. Задержанные отсечным огнем немцы остановились, беспомощно заметались, пытались было залечь вдоль узкоколейки, но автоматы и штыки бойцов Гаркуна не дали им опомниться, — почти все они были перебиты. Рота Гаркуна устремилась дальше, на Шлиссельбург, ворвалась в окраинные его улицы, заняла три квартала...

Но это было еще преждевременно и неразумно,—фланг у Невы оказался открытым, другие наши части еще не успели закрыть его и потому Заводский приказал Гаркуну немедленно возвратиться из занятых им кварталов и закрепиться вдоль узкоколейки... Увлеченные прекрасной победой, разгоряченные бойцы остановились с явною неохотой. Но приказ есть приказ и он был немедленно выполнен... И Заводский, который и сам бы не прочь двигаться в то утро дальше, доложил своему командиру, что, взяв высоту Преображенскую и прочно закрепившись, ждет дальнейших его приказаний...

...А вот сейчас, через два дня после взятия Шлиссельбурга, я хожу с Гаркуном по хаосу, в который превращена высота. Лазаю по засыпанным обломками ветвей и расщепленными стволами траншеям, проникаю в опустевшие и разбитые дзоты, смотрю на застывшие трупы эсэсовцев, на освобожденный Шлиссельбург, на ледяные просторы Невы, по которым спокойно бегут наши автомобили...

6. Взятие Шлиссельбурга

Все ближе сходились бойцы двух фронтов. Параллельными дугами, тесно смыкаясь на флангах, словно циркулем вычерчивая кривую близящейся победы, обходили Шлиссельбург войска Ленинградского фронта. Все уже становился коридор между двумя сходящимися фронтами, все

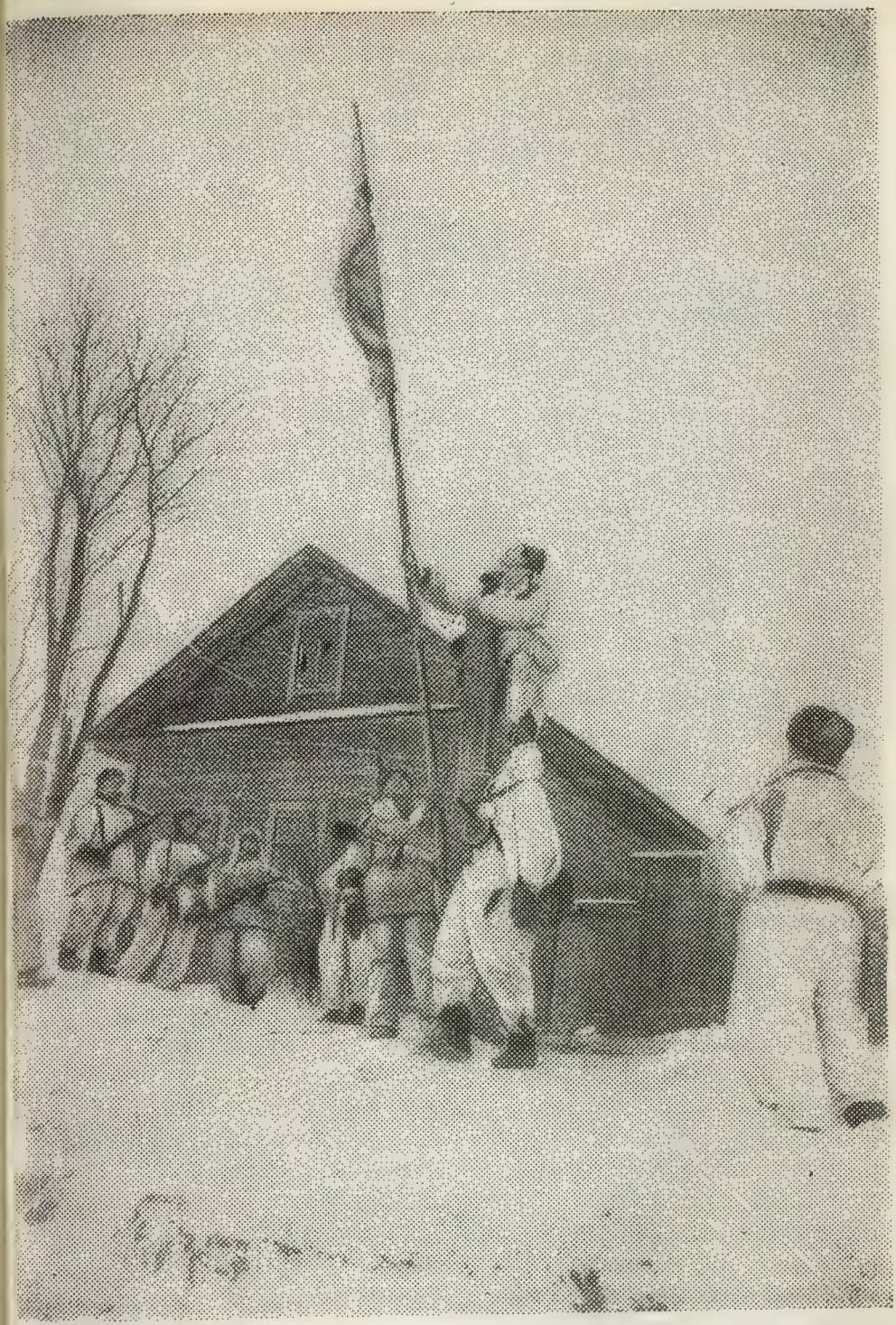
большим страхом и трепетом наполнялись замыкаемые в городе мировые бродяги, засланные к берегам Ладоги и Невы разбойной волею Гитлера. Так узок стал коридор, что наши войска уже не могли давать огневой вал артиллерии перед наступающими пехотинцами, — был риск поразить снарядами бойцов встречного фронта.

Тогда, видимо по примеру Юга, хорошо уяснив себе смысл слова «окружение», гитлеровцы начали драпать из Шлиссельбурга. Их давили, как расползающихся тараканов, наступающие на город и на его тылы с юга подразделения Героя Советского Союза полковника Трубачева и подполковника Потехина.

Мне довелось разговаривать со старшим лейтенантом Василием Федоровичем Кондрашевым, который в тот день — 18 января — «сгреб», как он выражается, фашистского капитана, командира 1-го батальона 401-го полка 170-й «гренадерской» дивизии, ныне навеки недвижимой и заметенной снегами почти в полном своем составе.

— Вбегаю в дом, вижу: сидит за столом офицер, зажав руками виски. На столе перед ним — револьвер. «Хенде хох!» — кричу ему по-немецки, с добавлением, понимаете, русского слова. Он встал, поднял руки... И объяснил мне так: был им получен приказ от фашистского командования, — немедленно отступить с остатками батальона. Но едва они пустились в драп, вдоль узкоколейки, — новый приказ: остановиться и оказать русским сопротивление «до последней капли крови». Этот капитан — фамилия его Штейрер — хотел было выполнить приказ, но пятки его гренадеров уже так были смазаны паникой, что никакие угрозы остановить их драпа не могли. Штейрер послал вдогонку своих офицеров. Те охотно помчались следом, но так же как и солдаты не вернулись. Штейрер остался один. Хотел было драпануть тоже, но понял, что начальство расстреляет его за невыполнение приказа. Тогда вернулся, сел за стол и стал дожидаться нашего появления, чтобы сдаться нам в плен... Плюгавый, надо сказать, офицеришка, вид у него был жалкий, и охотно выбалтывая нам все немецкие тайны, он поминутно спрашивал: «А отвечая вам на этот вопрос, я не нарушу своей чести офицера?» Мы со смехом говорили: «Нет, какая у вас может быть честь!» Он соглашался: «Какая может быть честь!», рассказывал решительно все и через минуту снова повторял ту же фразу...

Так вот, так же, как «храбрецы» Штейрера, вели себя все части фашистского гарнизона: драп был поспешным, паническим, образцовым. Немцы бросали в городе оружие и



Группа автоматчиков подразделения ФОМИЧЕВА подымает красный флаг у окраинного домика в Шлиссельбурге.

награбленное барахлишко, и казенные архивы со всеми секретными документами, и обмундирование.

Это было днем 18-го... Но в предшествующую ночь, когда гарнизону еще не было ясно, что он будет вот-вот окружен (ибо немецкое командование на сей счет обманывало его), — отдельные группы эсэсовцев еще яростно сопротивлялись.

Часть их засела в полуразрушенных корпусах ситценабивной фабрики. Фабрика эта отделена от города каналом, расположена на островке, между ним и Невой.

Сюда в ночь на 18-е двинулась с высоты Преображенской рота Гаркуна. Остальная часть батальона Заводского штурмовала соседствующие кварталы города, взаимодействуя на своем правом фланге с батальоном Проценко. Одновременно в город ворвались девять броневиков, приданные этим батальонам, и вкатились — действуя в боевых порядках пехоты — противотанковые орудия.

Гаркун прорвал баррикады из вагонеток и бочек, выставленные на оконечности островка, подошел к фабрике с двух сторон по очищенным им от немцев траншеям и занял разрушенное здание между ними. Немецкие автоматчики, засев во всех трех этажах фабрики, стреляли и вдоль траншей и в упор, сверху, по занятому красноармейцами зданию. Отсюда же, с фабрики била прямою наводкой и фашистская пушка. Окно за окном очищали бойцы от засевшего там врага. Переползали по руинам, выбивали фашистов гранатами. Из-за канала по фабрике били наши броневики и противотанковые орудия. Борьба продолжалась, пока Заводский не окружил фабрику. Все немецкие автоматчики были истреблены поголовно. После этого наступающую на город пехоту уже ничто не могло задержать. Был уже день, начался повальный немецкий драп, и только в тех домах, которые оказывались окруженными нашей пехотой, продолжались ожесточенные схватки. Но броневики уже пронеслись по всем улицам города, жители выбегали из домов, встречая наших бойцов и указывая крыши и подвалы, еще служившие убежищем немцам, рота Гаркуна добивала последних сопротивлявшихся автоматчиков в охваченной плотным кольцом церкви, боец Губанов уже воздвигал на ее колокольне красный советский флаг...

Город был взят к четырем часам дня. При прочесывании города рота Гаркуна потеряла только одного бойца убитым и одного раненым.

На чердаках, в подвалах, среди догорающих бревен, в

норах кирпичных руин лежали трупы фашистов, схваченные сильным морозом.

А того узенького, уходящего на юг, коридора между двумя нашими наступающими фронтами больше не существовало: ленинградцы и волховчане сомкнулись.

7. Встреча

В тот час, когда подразделения Середина очищали Шлиссельбург от последних оставшихся там фашистов, когда батальон капитана Епифанова, обойдя с тыла город, вышел к Ново-Ладожскому каналу и, упершись в свободные льды Ладожского озера, повернул направо, в сторону Липок, по бровке соседнего Старо-Ладожского канала, и по ледяному руслу его, в ту же сторону,—навстречу волховчанам двигался товарищ Фомичев, ведя за собой батальон. Он тоже обошел город с тыла, уничтожив всех встретившихся на его пути немцев. Последние группы их, еще пытавшиеся сопротивляться, были перебиты в короткой стычке на самой бровке канала.

Вечерело. Короткий январский день сменился тусклыми сумерками. Слева темнело леском узкое пространство между двумя каналами, справа на широком снежном поле вспыхивали разноцветные огни сигнальных ракет, вздымалось короткое пламя разрывов, доносились крики «ура» соседних, преследующих и истребляющих немца частей, так же как и Фомичев стремившихся как можно скорее сомкнуться с Волховским фронтом.

В полушубках, в валенках, в маскхалатах, не спавшие семь ночей, но радостно возбужденные уже явной для всех победой, бойцы двигались торопливым шагом. Явно обременительным всем казался теперь только двухдневный неприкосновенный запас продуктов, — который никому в наступлении не понадобился. Все семь суток боя бойцы регулярно, трижды в день, получали горячую пищу в термосах, нормы были повышенными, питание организовано хорошо. Правда, теперь, после того как взятая штурмом насыпь узкоколейки была пройдена, — груза у всех убавилось, потому что часть его распределили на захваченных сразу за узкоколейкою лошадей.

После того, как все пленные были отправлены в Шлиссельбург, а последние попавшиеся на пути автоматчики уже полегли на снег, и мороз сковывал их смертные судороги, бойцы шли по каналу, как на учении,—походной колонной.

Никто не знал, где в данный момент волховчане, и потому готовились, подойдя поближе к деревне Липки, развернуться к бою, чтоб взять эту деревню штурмом. Предполагалось, что еще немало немцев встретится на пути, а потому идущий впереди дозор внимательно вглядывался в белесую мглу.

Только что под бровкой канала был обнаружен продовольственный склад, задерживаться из-за него не хотелось, выделять для его охраны бойцов было бы неразумно, так как в тылу могли оказаться какие-либо удирающие из Шлиссельбурга и скрывшиеся в лесу фашисты. Майор Ломанов — красивый и рослый моряк, — предупредил всех об осторожности, — склад мог быть минирован. Оказалось, однако, что немцы, в поспешном драпе, не успели сделать этого...

Двинулись дальше уже в полной тьме. Полнощекая, здоровая сандружинница Ирина Альтшуллер, застрелившая в этот день из нагана немецкого офицера, угрожавшего ее жизни, замурлыкала какую-то песенку, кто-то из тьмы шикнул.

Впереди всех шли разведчики под командою старшего сержанта, командира взвода разведчиков Кириченко. Их было человек двадцать, — ребят, которых командир батальона, капитан Жуков называл не иначе, как орлами,— ибо и впрямь они в эти дни налетали на немцев всегда столь неожиданно, что успевали натворить немало, прежде чем тем удавалось открыть огонь...

И вдруг Кириченко тихо промолвил: — Стой! — Разведчики разом остановились: впереди, на бровке канала во тьме показались какие-то фигуры. Разведчики залегли, с автоматами наготове поползли вперед...

— Если фрицы,—капут им,—пробормотал Кириченко,— а если наши...

Всем очень захотелось, чтоб темные фигуры впереди оказались не немцами, чтоб *это* — великое и долгожданное, именно сейчас, незамедлительно, совершилось...

Каждый повторил про себя условленный пароль встречи.

Каждый боец знал, что в момент встречи он должен поднять свою винтовку или свой автомат двумя руками, параллельно земле, на уровень груди, и крикнуть: «Победа!». Разведчики уже взялись за оружие двумя руками, но тут же усомнились: «а вдруг, все-таки немцы?»... И если б это действительно оказались немцы, то бойцы прикончили бы их с удесятеренной обманутым ожиданием злобой...

Но, подпустив встречных на близкое расстояние, не обнаруживая себя, разведчики ясно различили такие же как у них самих маскхалаты, такие же шапки-ушанки и полу-

Ирина АЛЬТШУЛЛЕР, награжденная медалью „За отвагу".

шубки; на сером фоне ладожских просторов вырезались контуры наших советских автоматов...

Можно было вскочить, обрадоваться, кинуться навстречу с ликующими криками, но... Кириченко поступил по уставу: он подманил к себе рукою старшего сержанта Шалагина, взволнованно прошептал ему:

— Беги, докладывай!

И, напрягая зрение, взглянул на свои часы. Было 18 часов 40 минут...

Связной Шалагин опрометью пробежал сто метров назад, срывающимся голосом доложил Фомичеву:

— Товарищ командир... Волховские идут!..

— Не ошибся? — почувствовав, как екнуло сердце, переспросил Фомичев.

— Как можно! Да своими ж глазами!..

И Николай Иванович Фомичев приказал остановить батальон. А сам, вместе с майором Ломановым вышел вперед.

— Разрешите с вами, — торопливо проговорил его адъютант, лейтенант Шевченко.

— Да... И возьмите лучших автоматчиков... Человек семь...

Все эти фразы произносились торопливо, взволнованно, горячим полушопотом,—историческое значение происходящего обжигало сознание каждого.

И семь автоматчиков со своими командирами степенным шагом двинулись по береговой бровке канала, навстречу тем, кто там, впереди, также остановился во тьме, и откуда пока также не доносилось никаких голосов. Этими семью автоматчиками были: командир взвода старший сержант Иван Панков, старший сержант Владимир Мерцалов, помкомвзвода младший сержант Петр Копчун, красноармейцы Василий Мельник, Василий Жилкин, Леонтий Синенко, Усман Еникеев,—каждый из них сегодня перебил немало врагов, каждый из них сейчас ощущал волну человеческой нежности, поднимавшейся к сердцу.

— Кто идет? — впервые громко крикнул Фомичев, сблизившись вплотную с темнеющими во мраке, застывшими на месте фигурами.

— Свои, волховчане! — донесся радостный отклик.

И сразу кто-то из автоматчиков, не удержавшись, возгласил на всю тишину канала:

— Даешь Липки!..

— Липки наши...—послышался веселый голос из темноты.

— А... Наши?.. Значит все в порядке!..—прокричал Мерцалов...

Но никто не сдвинулся с места, потому что все видели: Фомичев и Ломанов при свете электрического фонарика проверяют документы двух волховских командиров, и показывают им свои.

— Ну, правильно все!.. — наконец, громко произнес Фомичев. — Здорово, друзья!.. — и направил луч фонаря

прямо в смеющееся лицо командира встречной колонны.

Фонарь тут же полетел в снег, широко распахнутые объятия двух командиров сомкнулись, они расцеловались так, словно были родными братьями.

И сразу же, как волной, смыло всякий порядок. Бойцы и командиры двух фронтов хлынули навстречу друг другу. Объятия и поцелуи прошедших сквозь смерть и огонь мужчин, — воинов в полушубках и маскхалатах, никогда прежде не видавших друг друга, — не запечатлеть никакими словами. Словно веселый лес зашумел над снежным и темным каналом, — вопросы и поздравления, и смех, слились в один непередаваемый гул ликования... Наконец, в этом гуле стало возможным различать отдельные фразы:

— Давно не виделись... Лица-то у вас здоровые, а мы думали вы дистрофики... Гляди, поздоровей наших!.. Ну, как Ленинград? Как жили?..

И новый друг Фомичева подхватил тот же вопрос:

— Как жили?

И Фомичев ответил:

— Было плохо, теперь хорошо, — и добавил (позже ему было смешно вспоминать об этом): — Двадцать семь линий трамвая ходит.

— Ну, да?

— Точно (Фомичев и сам не знает, почему он решил в ту минуту, что именно — двадцать семь).

— Свет, вода!.. Жить стали культурно, хорошо!..

— А как побит Ленинград?.. Очень сильно?

— Есть места побитые, а вообще — ничего... Стоит!

— Да еще как стоит! Победителем!.. А как продукты к вам поступали?

— По Ладожской...

— Это мы знаем, что по Ладожской, а все-таки трудно?

— Чего там трудного! Одинаковую норму возили, что вы, то и мы едим...

— А боеприпасы?

— А мы сами их делаем, еще вам взаймы можем дать... Небось, артиллерию нашу слышали?..

— Ого-го!.. Вот уж это действительно, мы удивлялись даже!..

И тут в разговор вмешался подскочивший сбоку волховский артиллерист капитан Коптев:

— Родные ленинградцы, я ваших всех перецеловал!..

— Ну, и мы тебя поцелуем! — расхохотался Фомичев, и минут пять все окружающие подряд мяли и целовали растерявшегося, уронившего шапку Коптева...

А затем подполковник Фомичев приказал восстановить порядок. Волховчане и ленинградцы разошлись на сто метров, построились. Начались митинги. Тут же, под насыпью, в дружно очищенной бойцами немецкой землянке связи была развернута найденная там кипа мануфактуры. Она помогла придать землянке праздничный вид. Совместный ужин командиров был назначен на 20 часов. Продуктов было хоть отбавляй, не нашлось лишь ни капли водки, — а двух бутылок найденного у кого-то красного вина хватило только, чтоб налить каждому по маленькой стопочке.

— Чем будем угощать ленинградцев? — воскликнул Копчук. — Как же это так не предусмотрели?

И тут связной капитана, Гриша, хитро сощурив глаз, вытянул из кармана своих ватных штанов заветную полулитровку. И только успели распить ее, волховчане получили приказ по радио: поскольку штурмовать Шлиссельбург оказалось ненужным, — отойти обратно на Липки.

А ровно через пятнадцать минут такой же приказ по радио получил Фомичев: поскольку штурмовать Липки оказалось ненужным, отойти обратно на Шлиссельбург...

И тотчас же, горячо распрощавшись, оставляя за собой боевое охранение, волховчане и ленинградцы пошли выполнять полученные ими приказы...

Так закончилась историческая встреча двух победивших фронтов.

В. САЯНОВ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЕ ЗАПИСИ

1. Шлиссельбург под немецким игом

— Нет у вас покурить, товарищ командир?

Из предрассветной мглы вырастает ладная, коренастая фигура в новеньком полушубке. Пока набиваем трубки и прикуриваем от дотлевающего костра на перекрестке, завязывается неторопливая беседа. Вьется над трубкой дымок и говорить как-то легче и веселей. У бойца перевязана левая рука, и он медленно шевелит ею, словно проверяет — будет ли она теперь действовать после перевязки.

— Ранен? — спрашиваю я.

Он кивает головой и протягивает мне раненую руку.

— Пустяки, осколком мины. Боль не утишилась. Я сразу же назад,—я связной командира и мне оставаться на ППМ во время боя нельзя. Пришлось, знаете ли, поскандалить... Я ведь сам уроженец из-под Мги... До войны работал на судоремонтном заводе в Шлиссельбурге, теперь, когда побывал в городе, ничего не узнал там, — все места, где жил и работал, — груда обгорелых кирпичей и бревен и только. И не терпится, знаете ли, на Родину — цел ли дедовский дом... Семья моя, правда, эвакуировалась, но все-таки туда...

Он прощается, лыжи его скрипят по снегу и вскоре, когда оглядываемся, его уже не видно в обступающем нас тумане.

Сколько людей, живших когда-то в Шлиссельбурге, с болью и ненавистью смотрело на следы немецкого хозяйничанья в этом городе... В дни немецкой оккупации пустынными и мрачными были эти дороги. Ходить из одного населенного пункта в другой русским было запрещено. Только тем, кого гнали на работу или на расстрел, удавалось увидеть, как живут люди в пригородных селениях. И по самому Шлиссельбургу разрешалось ходить только до двух часов. Того, кто появлялся на улицах города после этого часа, расстреливали на месте без предупреждения.

В городе до войны было до полутора десятков тысяч жителей, теперь в нем осталось всего несколько сот человек. «Расстрелян», «эвакуирован в Германию на работы», «умер от голода», «расстрелян при попытке перейти к советским войскам» — страшен мартиролог Шлиссельбурга в дни германской оккупации...

Но люди все-таки убегали от врага, уходили с этой временно захваченной врагом земли на те места, где свободно звучала свободная русская речь... Однажды бежала из Шлиссельбурга целая семья. Старики-родители обо многом успели переговорить с детьми в бессонные, голодные ночи.

— Лучше умереть, чем видеть, как вы будете страдать под немецким игом, — сказали старики детям.

— Лучше умереть, чем пойти по рукам грязной немецкой солдатни, — сказала дочь.

— Лучше умереть, чем быть рабом немцев, — сказал подросток сын.

В одну из темных ночей они бежали из города.

Они договорились обо всем. Было решено, что если кто-нибудь из них падет на невский лед, сраженный немецкой пулей, — остальные не будут задерживаться: ведь они должны рассказать советским властям о том, что делается в Шлиссельбурге. Мела метель, когда они уходили из города. Через передний немецкий край им удалось пройти незамеченными. Потом, когда немцы осветили ракетами лед, враги заметили ползущих по льду людей. Загремели выстрелы. Началась охота за беззащитными, голодными, выбивающимися из последних сил, людьми. Старуха и девушка были убиты. Мужчинам удалось все-таки перебежать на советский берег. Они рассказали много ценного о том, что делалось в Шлиссельбурге. Нашим войскам стали известны тогда огромные потери немцев от нашего артиллерийского и минометного огня. Оказалось, что в эти зимние дни в городе все население было брошено на производство гробов. Их делали для унтер-офицеров, солдат хоронили без гробов и все-таки в течение нескольких дней в Шлиссельбурге не успевали заготовлять гробы для всей перебитой нашими артиллеристами немецкой сволочи...

За полтора года хозяйничанья в Шлиссельбурге немцы истерзали город. Они вывезли в Германию все ценности, оборудование предприятий, продовольствие. Торговли в городе не было. Население питалось хряпой, дохлыми лошадьми. В городе не осталось собак и кошек...

В комендатуре каждый день вывешивались приказы о расстреле непокорившихся немцам русских людей. Когда

в городе загоралось какое-нибудь деревянное здание, немцы посылали стариков горожан тушить пожар, а сами прятались по убежищам. Физические наказания были «узаконены» немцами. Многие умирали под палками, под ударами плетей. Старуха Котомкина выкопала на огороде без разрешения немцев несколько картофелин. Ее за это в комендатуре били до тех пор, пока семидесятилетняя старуха не умерла от побоев...

Страшно смотреть на людей, перенесших в Шлиссельбурге весь гнет немецкого ига. Это было хуже рабства. Люди отучились громко говорить, ходить с высоко поднятой головой, смеяться, петь. Немало дней пройдет, пока они снова выйдут из этого страшного онемения, они, изведавшие до конца все мучения страшной оккупационной поры.

2. Цена предательства

Сотни шлиссельбуржцев заплатили своей жизнью и жизнью своих детей за верность Родине, но не опустили головы перед немецкими захватчиками. Снег занес теперь их безымянные могилы, но со временем их найдут, воздвигнут на них памятники, украсят красными флагами и цветами... Но нашлись среди шлиссельбуржцев выродки, недостойные называться русскими, предатели, продавшиеся самому заклятому врагу русского народа. О двух из них с особенным озлоблением и ненавистью говорят жители Шлиссельбурга.

В дни немецкой оккупации ходил по улицам города однорукий человек, пожилой, вечно пьяный, с бегающими, мышиными глазками. Это был городской бургомистр Кондрашев. О нем всегда ходила плохая слава в Шлиссельбурге. Руку он потерял когда-то во время пьянки. За пьянство и кражи его не раз выгоняли с работы, судили. Городской милиции он был известен как заядлый склочник. Этот выродок, презираемый всеми, вечно писал жалобы на горожан, строчил лживые заявления. Для немцев этот выродок стал отменной находкой. Его сделали бургомистром. Когда он проходил по улицам города, поглаживая левой рукой бородку, все знали, что это не к добру: готовится какое-то новое злодеяние, чьей-то жизни снова угрожает опасность...

Вот он идет по улицам Шлиссельбурга, мышиными глазками выглядывая, что делается на улицах города. Следом за ним идут его подхалимы-полицейские с белыми повяз-

ками на рукавах. Хихикая, он рассказывает им о своих последних разговорах с немецкими офицерами.

— Обер-лейтенант сказал мне, что после войны его жена работать не будет, а станет ходить в шляпке. А работать на нее и на него самого будут два десятка русских... Даже просил меня подобрать работниц посильней, помоложе... и посмазливей,—хихикая, добавил предатель.

Полицейские поддакивают ему. Кондрашеву кажется, что и на самом деле немцы ценят его. Но через несколько дней честные русские люди, встречаясь на улицах Шлиссельбурга, не могут скрыть улыбки: весь город уже знает, что Кондрашева за какое-то мелкое служебное упущение выпороли и на семь дней посадили в холодную комнату... Битый Кондрашев через семь дней снова показывается на улицах Шлиссельбурга. Никто не смеет рассмеяться ему в лицо, знают, что он сразу же арестует смеющегося над ним человека, донесет немецким властям, подведет под расстрел.

Одна только женщина решается насмехаться над Кондрашевым. Это городская потаскушка Соколова, которая работает переводчицей в комендатуре. Она с первых дней немецкой оккупации Шлиссельбурга предложила немцам свои услуги. Лейтенант Пашейка, первый комендант города, сделал ее своей любовницей. Когда Пашейка уехал, она стала любовницей сменившего его немецкого офицера. Напившись, она бегает по комендатуре и кричит:

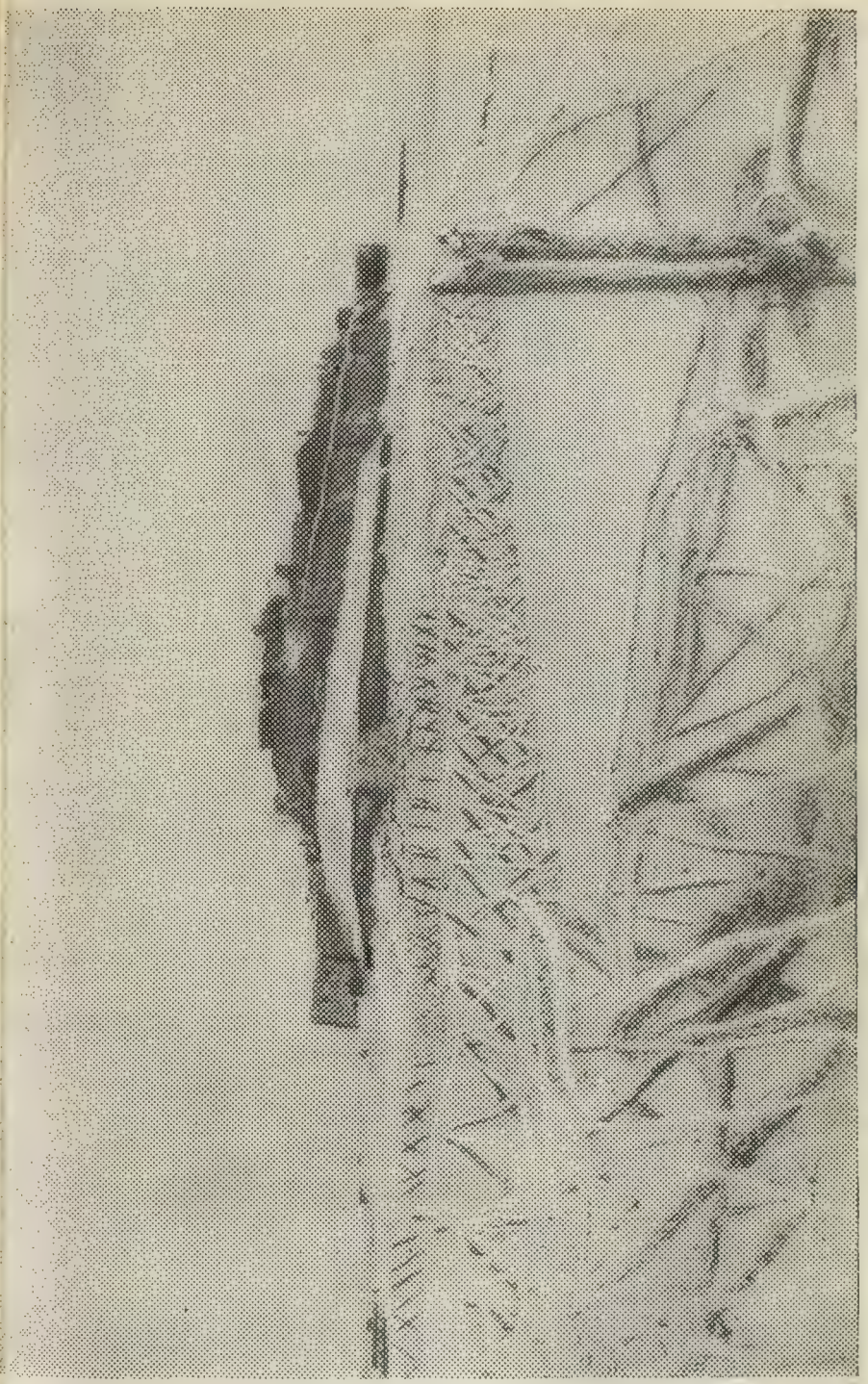
— Здесь Кондрашев ничто, мне одной от немцев доверие...

Ненавистью окружили этих людей жители Шлиссельбурга. Умирая, люди умоляли родных и близких отомстить выродкам Кондрашеву и Соколовой.

Когда немцы драпали из города, они бросили своих холуев. Жители города передали предателей в руки вступивших в Шлиссельбург советских частей. Изменники предстанут перед советским судом и понесут заслуженное наказание. Нет на свете более страшного преступления, чем измена Родине, и собачья смерть ждет этих предателей, холуев Гитлера, немецких шпионов.

3. Орешек

Гвардии капитана Строилова я знаю с финской войны. Он был тогда командиром роты в батальоне незабвенного Василия Маричева, двадцатитрехлетнего Героя Советского Союза, с которым я дружил в ту пору. Строилов и тогда



Крепость Орешек

выделялся своей храбростью, своим уменьем соединять в бою риск с холодным расчетом незаурядного тактика. С тех пор Строилов вырос, как командир. Отечественная война выделила его из многих ровесников. В боях на Неве он закалился, отличился, был награжден орденом Ленина. Мы ходим с ним теперь по старому зданию Шлиссельбургской крепости, вспоминаем давние встречи, эпизоды давно отгремевших боев.

Сейчас Шлиссельбургская крепость находится уже в тылу. А совсем еще недавно на нашей «малой» ленинградской земле она была одним из самых главных приневских форпостов. Никто не находился ближе к вражескому берегу, чем гарнизон Шлиссельбургской крепости, как огромный утес высилась она на подступах к Шлиссельбургу. Тысячи тонн металла обрушили немцы на эти стены, помнящие войны старины. Разрушались крепостные строения, пробоины зияли в стенах, в грозных бастионах валялись осколки немецких снарядов. И все-таки ни разу не осмелились немцы штурмовать эту твердыню.

С наблюдательного пункта крепости хорошо просматривался Шлиссельбург. От огня крепостной артиллерии немецкий гарнизон Шлиссельбурга нес огромные потери. Озверев от потерь, немцы обстреливали крепость, но не могли сломить волю ее защитников.

Когда-то эта крепость называлась Орешек. Много столетий вели мы борьбу с иноземными захватчиками за эту крепость. Петру Первому пришлось снова завоевывать ее. Он сказал об этой невской твердыне: «Зело жесток сей орех был, однако-ж, слава богу, счастливо разгрызен».

В дни Отечественной войны Орешку снова довелось войти в историю.

Когда немцы захватили Шлиссельбург, они не решились сразу захватить крепость. Трусость немцев послужила нам на пользу. Часть, державшая позиции на правом берегу Невы, отправила в крепость разведку через несколько дней после захвата Шлиссельбурга немцами.

Шесть человек причалили пасмурным сентябрьским рассветом к крепости. Лодку оставили в укрытом месте,—на всякий случай. Осторожно обошли крепость. Немцев в ней не оказалось. Не было и жителей: все, кто жил в крепости, эвакуировались. Оружейный мастер, старший сержант Коршунов, Корагалев и их товарищи знали, что здесь придется обосновываться всерьез и надолго. Они обрадовались, найдя здесь несколько живых существ, с которыми будет веселей коротать время: кошку, кота, собаку, лошадь. Из

Разрушенная огнем нашей артиллерии немецкая дзот на окраине Шлиссельбурга

всех этих четвероногих обитателей крепости осталась в живых только кошка «Машка». Лошадь из крепости взяли, собака куда-то исчезла, она скучала без старого хозяина, а «Машка» и старый кот остались на зимовку в крепости. Через несколько месяцев осколком немецкого снаряда убило кота. Уцелела только кошка «Машка». Она стала любимицей бойцов.

Так началась жизнь гарнизона Орешка осенью 1941 года. С тех пор прошло почти полтора года. Но Орешек не могли разгрызть гнилые зубы гитлеровской шпаны.

4. Боевые будни Орешка

Когда Шлиссельбург был занят нашими войсками, Строилов нашел на наблюдательном пункте немцев план крепости с засеченными огневыми точками Орешка. И все-таки и этот, старательно изученный, план крепостного огня не помог немцам. Орешек оставался грозной, непреодолимой преградой на пути вражеского вторжения.

Подходы к Орешку с правого берега просматривались немцами из Шлиссельбурга. Немецкая артиллерия постоянно била по переправам. Немцы разбивали лед зимой, летом снаряды рвались над широким водным простором. Осажденный гарнизон крепости нуждался в снарядах, в оружии, в продовольствии. Все это подвозилось по Неве. Нужны были смелые, ловкие, находчивые люди для того, чтобы обеспечить Орешек всем необходимым. И такие люди нашлись.

Старшина Чепурин, лодочники Касаткин, Коралалев, а в последнее время и Нехорошков, Закусов постоянно были на переправе. Переправляться приходилось ночью, когда немцам было трудней вести прицельный огонь. Хороши белые ночи на Неве. В эти ночи над волнами Ладоги, над свинцовыми водами великой русской реки низко склоняются прозрачные облака, и нежные дымные зори синим отсветом пламенеют над невскими берегами. Но эти белые ночи не радовали защитников Орешка. Трудней было переправляться, больше было потерь от огня. Немало лодок шло на дно, гибли люди, погибал ценный груз, но движение через Неву не прекращалось. Люди, работавшие на переправе, обеспечивали крепость всем необходимым.

И прежде всего заботились они о том, чтобы в крепости всегда было много снарядов. Огневая мощь Орешка росла с каждым днем. Орудия славной крепости непрерывно громили немчуру на левом берегу Невы.

Огнем орудий, минометов, пулеметным огнем старались немцы подавить огонь нашей артиллерии, вывести из строя защитников крепости. Система немецкого огня в 1941 году была иной, чем в году тысяча девятьсот сорок втором. В сорок первом году огонь немцев был более массированный. Вся сила огня выбрасывалась на крепость в течение двух-трех часов, и затем немецкие орудия надолго замолкали. В сорок втором году немцы перешли к новой тактике. Через каждые пятнадцать-двадцать минут они делали огневые налеты на крепость, постоянно беспокоили огнем защитников Орешка, старались расстроить всю жизнь гарнизона непрерывным огневым воздействием.

Но под огнем врага Орешек продолжал свою боевую работу и наносил врагу огромные потери. Рыли траншеи, укрепляли линии обороны, в трудном, непроходимом, каменистом грунте рыли окопы.

Наблюдение за вражеским берегом велось в Орешке непрерывно. Занятый немцами берег Невы имел немало преимуществ перед правым берегом: есть овраги, лощины, больше строений, легче скрытно передвигаться. И все-таки огонь советских артиллеристов накрывал врага всюду.

Разведчики ходили за «языком», на «бровку», в предместья Шлиссельбурга. Старшина Попков не один раз бывал на окраине города. С ним ходили его боевые друзья, такие же бесстрашные и смелые люди. Рвали связь, гранатами забрасывали блиндажи, уничтожали фрицев. Немцы боялись наших разведчиков, ракетами освещали подступы к левому берегу. Однажды под командой Белоглазова разведчики пошли в поиски. Подходили к Шлиссельбургу со стороны озера. Стали резать ножницами проволоку. Над немецким передним краем взвилась ракета. Разведчики залегли на льду, притаились. Пошли в другое место, там их тоже обстреляли. Терпеливо переждали, пошли на третье место. Там залегли в камышах. Неподалеку была немецкая огневая точка. Короткой траншеей соединялась эта огневая точка с землянкой, в которой находился немец. Разведчики наблюдали за ним. Выйдет фриц из землянки, подойдет к пулемету, прострочит несколькими очередями дымный морозный воздух и сразу обратно в землянку. Наступало время действовать. Разведчик Елисеев подобрался совсем близко к точке. Немец пострелял немного—и обратно в землянку. Но дойти до землянки он не успел: Елисеев ударил его гранатой по голове — и немец в беспамятстве растянулся на снегу. Его потащили в крепость. На морозе немец быстро пришел в себя, заорал благим матом, стал сопроти-

вляться. Потом выяснилось, что он боксер, и тогда разведчики поняли, почему не так легко было справиться с ним. Этот «язык» дал немало ценных сведений. А по разведанным целям и бить легче.

5. Дуня

«Дуня» — любимица Орешка. Сейчас она молчит и в проломе крепостной стены отдыхает после напряженных боев. А совсем еще недавно «Дуня» непрерывно трудилась, и результаты ее боевой работы были тягостны для немцев.

Каждое крепостное орудие имеет обычно свое имя. В Орешке были и «Воронка» и «Чайка», но «Дуня» все-таки всегда оставалась любимицей гарнизона. И расчет у «Дуни» подобрался особенный, слаженный, храбрый, теперь весь он представлен к правительственной награде. Гвардии лейтенант Костин охотней всего стрелял из «Дуни». Командир «Дуни» — сержант Русинов — рассказывает, что в дни боев за Шлиссельбург «Дуня» разбила тринадцать мест, где укрывались немцы, подавила три орудия.

— Славно поработала старушка, — ласково говорит артиллерист, поглаживая «Дуню».

Как только начнет рваться над немецкими траншеями шрапнель, посланная в Шлиссельбург «Дуней», среди немцев начинается паника...

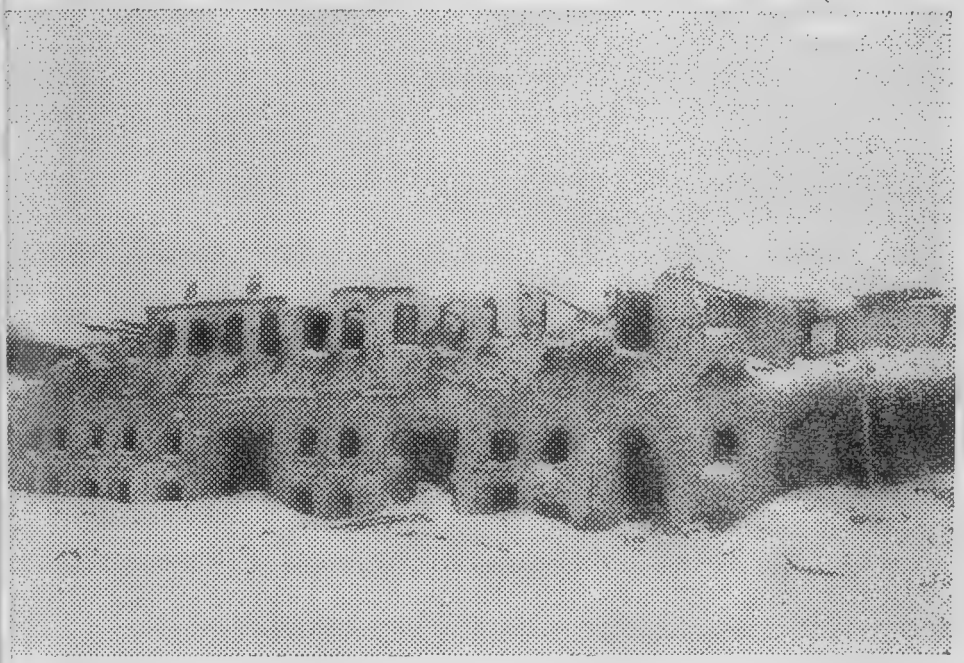
Особенно хорошо поработали орудия и минометы крепости в недавнюю рождественскую ночь. В ту ночь немцы перепились, иные спокойно разгуливали по улицам города. И вдруг над крепостью взвилась красная ракета. Это был сигнал. Тотчас грянули орудия. Шквальный огонь крепостных орудий много неприятностей доставил немцам в рождественскую ночь и для многих этот свинцовый концерт был последним в жизни. Много опорных пунктов немецкой обороны было уничтожено нашим огнем. Артиллеристам и минометчикам Орешка посчастливилось после победы проверить в Шлиссельбурге результаты своей работы. Они видели развороченные немецкие землянки, разбитые минометы и орудия.

6. Орешек сегодня

Шлиссельбург взят, немногие уцелевшие фрицы бежали из города. Орешек теперь уже в тылу... Мы обходим строения крепости. Здесь, в каменных казематах, томились годами русские революционеры. Здесь была могила каз-

ненного царскими палачами старшего брата великого Ленина — Александра Ульянова. Здесь томился в заключении незабвенный Серго Орджоникидзе — соратник и друг великого Сталина.

Крепость сильно пострадала от вражеского огня, от воздушных налетов. Развороченные лестницы, груды кирпичей, раскиданных во все стороны силой взрыва, разбитые казематы,—все это напоминает о недавних боевых днях. Разрушена старинная церковь, взрыто снарядами кладбище,



Крепость Орешек, пострадавшая от артиллерийского огня немцев

где покоится столько замечательных русских людей. Занесенные снегом бастионы, стены, запечатлевшие славу веков, — не забыть никогда. Далекий раскат канонады, зарево артиллерийских вспышек вдалеке, яростный грохот боя... Великая битва за Ленинград продолжается, но к стенам Орешка враги уже не подойдут никогда...

7. Бой за Шлиссельбург

Часть переправилась на левый берег Невы, ворвалась в город, начался бой за Шлиссельбург. Но немцы сопротивлялись отчаянно, опорные пункты вражеского сопротивления еще были сильны, борьба предстояла упорная и кровавая.

Под огнем врага Середин спокойно разрабатывал план дальнейших боевых действий.

На высоте Преображенской, в роще «Башмак», в некоторых других пунктах города были сосредоточены большие силы врага, нужно было наметить место прорыва, окружить немецкие части, истребить их, очистить город от немцев. Середин решил атаковать немцев на правом фланге и там сосредоточить главную ударную силу предстоящей атаки. Бить всем кулаком, а не растопыренными пальцами.

На левом фланге и на стыках с соседями он оставил совсем немного бойцов, но зато прикрыл эти участки хорошо продуманной системой пулеметного огня. Орудия прямой наводки должны были наступать вместе с атакующими подразделениями.

Атаковывать господствующую над городом высоту Преображенскую в лоб — значило нести излишние потери и рисковать попусту. Середин решил блокировать высоту, а первый удар нанести в роще «Башмак». Утром начался короткий трехминутный артиллерийский налет на рощу. А вслед за артиллерийским валом ринулись в атаку пехотинцы. Орудия били по врагу со 150 метров. Быстрым и решительным броском батальон Проценко вклинился в рощу. Вслед за пехотинцами к роще ринулись артиллеристы. Пехотинцы помогали им подтаскивать к «Башмаку» орудия прямой наводки.

Удар наших бойцов был так яростен и стремителен, что немцы стали уходить из «Башмака». Вскоре к Середину доставили захваченного в роще немецкого офицера.

Это был рыжеватый, бритый, коренастый немец, среднего роста. Он назвался капитаном Гофманом, эсэсовцем, командиром оборонявшего рощу батальона. Он вошел в помещение, которое занимал штаб полка, с поднятыми вверх руками. Гофман попросил разрешения опустить руки — затекли, пока красноармейцы вели его из рощи. Середин разрешил опустить руки, предложил немцу сесть.

— Где ваш штаб? — спросил Середин.

— Разбежался, — понурив голову, ответил немецкий капитан.

— Почему вы решили сдаться в плен?

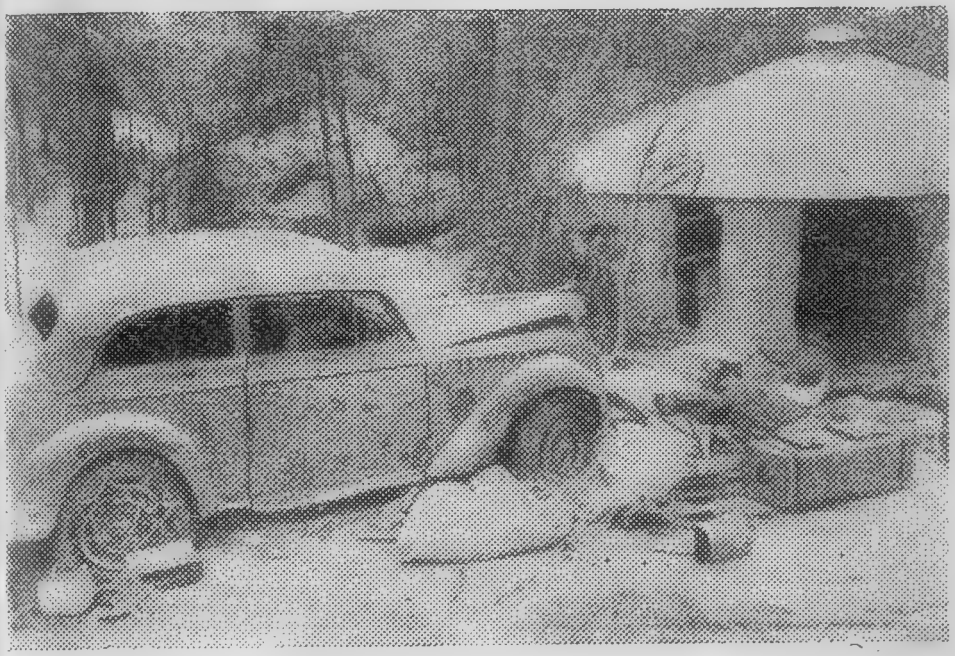
— Потому что считал положение немецких войск в Шлиссельбурге безнадежным.

— С каких пор?

— С тех пор, как прорвана первая линия обороны. Против такого натиска нам не устоять.

Спокойно и обстоятельно допрашивал немецкого офицера товарищ Середин. Допрос дал много ценного, помог выяснить точную систему огневой немецкой обороны, разобраться в положении на отдельных участках.

Пленного увели. Из батальона непрерывно поступали новые донесения. Вскоре Проценко донес, что его батальон занял «Башмак» и выходит к линии железной дороги.



На левом берегу Невы. У захваченного немецкого штаба

Одна из главных боевых задач была выполнена, но на высоте Преображенской еще находились немцы. В любую минуту можно было ожидать удара оттуда.

В это-то время и принял смелое решение действовавший против высоты — капитан Заводский. Ему удалось нащупать участок, на котором немцы, оборонявшие высоту, были слабей всего. И хотя Заводскому было приказано блокировать высоту, он принял смелое решение — взять высоту неожиданным ударом с тыла. Вскоре он смог уже донести Середину о том, что на высоте развевается красный флаг.

Успех батальонов Проценко и Заводского решил успех операции. Но битва за Шлиссельбург продолжалась. Немцы яростно сопротивлялись. Предстояло штурмовать центральную часть города, квартал за кварталом. В бой вступили лыжники подполковника Потехина: к Середину уже поступали сведения об успехе их удара.

Закрепившись на занятых рубежах, Середин начал готовить штурмовые группы. Штурмовые группы были усилены мощными огневыми средствами. В группах было от 18 до 25 человек. Каждой группе было указано, какие кварталы ей следует штурмовать. О занятии квартала группы должны были извещать условным сигналом.

Упорно и методически очищали бойцы кварталы города от врага. Одна за другой взвивались в дымную, морозную синь ракеты.

На третью ночь немцы перешли в контратаку, на одном из самых неудобных для наступления участков города. Середин разгадал план врага: немцы собираются отходить из Шлиссельбурга, контратаками пытаются они прикрыть свое отступление. Силы врага понесли серьезный урон, его воля к сопротивлению надломлена. Нажим на немцев следует усилить. Разведчики донесли, что в некоторых районах немецкие землянки пусты, немцы удирали оттуда в панике, побросав оружие, боеприпасы, вещи, во многих землянках еще горят свечи. Все больше трофеев и пленных захватывали бойцы наступавшего подразделения.

Вскоре город был очищен от немцев. Оставались только отдельные очаги сопротивления — в районе ситценабивной фабрики имени Петра Алексеева и в некоторых других местах. Это были последние вспышки затухавшего пожара. Оборонявшиеся на этих участках немцы были смертниками. И вскоре они были истреблены штурмовыми группами. Город Шлиссельбург снова стал советским.

8. Действия лыжников Потехина

Я был у бойцов тов. Потехина за несколько дней до боев. Тогда лыжники были заняты боевой учебой и еще не знали о предстоящих им вскорости боевых задачах. Подполковник Потехин, уроженец Сибири, профессионал военный, рожденный для войны и страстно любящий военное дело. Совсем еще недавно он был военным журналистом, писал брошюры о боевом опыте частей Ленинградского фронта, а теперь сам стал боевым командиром.

В дни боев за Шлиссельбург лыжникам Потехина было приказано окружить Шлиссельбург, отрезать пути отхода оборонявшей Шлиссельбург вражеской группировке, взять восточную часть города.

Участок, на котором предстояло действовать, был сильно укреплен. Особенно сильным был участок немецкого сопротивления на правом фланге, вдоль узкоколейной же-

лезной дороги. Там у немцев было понастроено немало дзотов, сильно были укреплены траншеи, противотанковый ров. На флангах немцы установили пулеметы, расставили автоматчиков. В тылу, в лесу было много кукушек.

Потехин воспитал своих бойцов в наступательном духе, он учил их действовать в бою решительно и быстро. Стремительным ударом выполнили лыжники поставленную перед ними задачу. Подразделение Потехина почти полностью состоит из коммунистов и комсомольцев. Сотни заявлений о вступлении в партию и комсомол было подано лыжниками в эти грозные дни проверки человеческого мужества и воли. Десятки лыжников отличились в боях за Шлиссельбург. Лейтенант Гольцов заменил в бою выбывшего командира роты, повел бойцов в атаку, взял несколько дзотов, форсировал Старо-Ладожский канал. Много дзотов взял в этом бою лейтенант Бик. Когда он вышел из боя, все с уважением рассматривали его маскировочный халат: весь халат был прострелян пулями, а сам Бик не был даже ранен. Товарищи назвали его боевым счастьем, которое сопутствует смелому.

Осколком мины были отбиты сошки противотанкового ружья. Боец Серебряков под огнем врага лег на снег и телом своим заменил отбитые сошки. Товарищи его смогли благодаря этому вести огонь и подавили три дзота. Когда подразделение ринулось в атаку, Серебряков шел в первых рядах и уничтожил шесть фрицев. Раненный в бою лейтенант Игнатенко продолжал командовать ротой. Красноармеец Герасимов, когда огонь из немецкого дзота преградил путь наступавшему подразделению, выдвинулся во фланг дзоту и уничтожил в рукопашной схватке шесть гитлеровцев. Артиллеристы — младший лейтенант Зверев и старший сержант Фефелов огнем и колесами сопровождали пехоту, не отставали от нее ни на шаг. Фефелов так точно корректировал огонь, что амбразуры немецких дзотов сразу же разлетались после первых выстрелов его орудия...

Героизм лыжников ускорил захват Шлиссельбурга и разгром оборонявшей город немецкой группировки. Сразу же по пятам жалких остатков отступавших вражеских войск ринулись лыжники на восток, навстречу бойцам Волховского фронта. Группа разведчиков лейтенанта Дмитриева на окраине небольшого селения в легендарную ночь встретилась с лыжной разведкой Волховского фронта. Гремели выстрелы, не смолкал раскат канонады, мела поземка, заметая узкие лыжни.

— Смерть фашизму! — крикнули бойцы-волховцы.

— Да здравствует победа! — радостно воскликнули бойцы-ленинградцы.

Короткая остановка. При свете карманных фонарей составлен и подписан обеими группами акт о встрече товарищей по оружию, ленинградцев и шедших на соединение с ними бойцов с «большой земли». Подполковник Потехин показывал мне этот акт, которому со временем будет место в музее. Простые слова, короткие фразы, твердый, уверенный почерк сильной руки. А в каждом слове — чувства, взволновавшие миллионы людей во всем мире, радость победы, великое торжество победителей, святая клятва мести врагу...

9. На улицах Шлиссельбурга

Немцы запакостили Шлиссельбург, город они обрекли на вымирание. Тихо было на пустынных улицах, ветер свистел в пролетах разрушенных лестниц, метель заметала сугробы на центральных улицах города.

Теперь Шлиссельбург возрождается к новой жизни. Ветер колышет красный флаг на самом высоком здании города. Клочья разорванного на мелкие части фашистского флага валяются на снегу. Снимаются с домов немецкие надписи. Снова хозяевами пришли в Шлиссельбург русские люди. Гремит в городе слава героев, выбивших врага из старого русского города. Ясны зори над Ладогой, торжественны закаты, светлы январские полдни. Вместе с двумя бойцами я шел по одной из улиц Шлиссельбурга. Немного домов уцелело на этой улице. Мы миновали пожарище и вышли к берегу озера. Огромное, багровое солнце, окруженное дымными, темными тучами, мохнатыми, как медвежья шкура, восходило над нами. Как огромный, израненный в бою корабль, ставший на якорь посредине реки, высилась вдалеке громада Орешка. Мы постояли там, помолчали и вдруг один из бойцов тихо сказал мне:

— Надо подсказать городскому совету, чтобы главную улицу в городе назвали по-новому.

— Как?

— Вот в Ленинграде есть улица Третьего Июля, проспект Двадцать Пятого Октября. И каждый мальчонка, как только начинает говорить, сразу же узнает — в память каких дней были названы его родные улицы. А в Шлиссельбурге должна быть улица Восемнадцатого Января. Со временем застроим эту улицу, сады насадим, памятники поставим,— ничто и напоминать не будет о том разорении, которое здесь сегодня.

Михаил ДУДИН

ГВАРДЕЙЦАМ

Умолкнет гром последнего раската,
Мы где-нибудь да встретимся опять.
Нам есть о чем поговорить, ребята.
Нам есть что вспомнить, что порассказать.

Мороз такой, что спирт не отогреет,
Но кверху поднимается ладонь,
И голос Давиденко: «Батарея!..»
И следом оглушительно: «Огонь!»

Снарядами разрытые, сухие,
В золе и пепле черные снега.
И мне припоминаются другие
Скалистые, седые берега...

Жарынь-жара... И в переблесках алых
Ночь, словно день, тревожна и светла.
Дурман-трава и лишаи на скалах,
Лес и болота сожжены дотла.

Мы не тряслись, как хвост у трясогузки.
Огонь и пыл вовек неистребим.
Напористо, размашисто, по-русски
Мы шли вперед сквозь полымя и дым.

И вот опять на брустверах и дзотах
Сдувает взрывом инея налет.
Обстрелянная матушка-пехота
Тремя волнами хлынула на лед.

И словом оборотистым, покруче,
От раны незавязанной бапрян,
Уже ведет своих бойцов по круче
На левый берег капитан Салтан.

А позади (за них отплатим все мы),
Подкошенные пулей на бегу,
Лежат друзья, безропотны и немы,
На розовом подтаявшем снегу, —

Здесь жизнь проста, а смерть подавно проще.
Из немцев душу вышибая вон,
За разнесенной в щепки «Редкой рощей»
Уже проходит третий батальон...

Уже в конюшне вспыхнула солома,
Уже, до крови закусив губу,
В немецкий дзот гранату бросил Шлома
Через печную ржавую трубу.

И вслед за взрывом отлетают двери,
Как будто ад наружу лезет сам.
На четвереньках выползают звери
И поднимают лапы к небесам.

Они дрожат. Налево и направо,
Через Неву и вдоль и поперек,
По грубым деревянным переправам,
По рытвинам разъезженных дорог

Уже проходят танки. А в сторонке,
Ободранные выставив горбы,
Тяжелые немецкие трехтонки,
Как лошади, подъяты на дыбы.

За Марьином, за лесом, на опушке,
Где ветер снегу по-уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.

Они уже не изрыгают пламя.
Пехота рвется дальше сквозь сосняк.
Путилов — с нами. Говгаленко — с нами.
И берегом проходит Симоняк...

Мы знаем боевого генерала,
Он — батька нам, он нам и друг, и брат.
Обстрелянный, настойчивый, бывалый,
Огонь и воду видевший солдат.

Вот он идет. Во тьме свистят осколки...
Суровое спокойное лицо.
Мы забираем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо.

Уже последним натиском атаки,
Разгоряченный боем, как снаряд,
С бойцами прорывается Собакин:
— Товарищи, свободен Ленинград!

Еще об этом песня не пропета,
Еще «ура» несется по рядам.
Всю страсть и вдохновение поэта
Я этой песней с кровью передам.

Мы соберемся снова, как бывало,
Друзья по гроб. И сразу — пробки вон.
Кутузов, Черноус и Чичеланов,
Никем незаменимый почтальон.

Мы выбьемся до праздника такого,
С врагами рассчитаемся сполна.
Мы Зотова помянем и Уткова,
И Виктора помянем Чухнина.

Война не ждет. Иди вперед и бейся,
Мы жизни не щадили на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,
Так, значит, с нас и спросится вдвойне.

В. САЯНОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГВАРДЕЙСКИЙ

1. Псков, год 1918

Это было в Пскове, в февральский вечер 1918 года. В город вступали немецкие войска. По занесенным снегом улицам древнего русского города шел низкорослый немецкий ландвер, — последние, жалкие остатки резервов кайзеровской Германии; тяжело грохоча, катились орудия на конной и механической тяге: на рысях неслась кавалерия. Красная Армия еще только создавалась в те дни. Остатки полков царской армии, расположенные в Пскове, и небольшие красногвардейские отряды не смогли отбить натиска немцев на Псков, и немецким генералам уже мерещились новые победы, они мечтали об ударе на твердыню советской власти — Петроград. В Петрограде в то время жили Ленин и Сталин, там находилось Советское Правительство.

Немцы были уверены в легком и быстром завершении разбойничьего похода на молодую Советскую республику. Но русские люди, псковичи, не хотели сдаваться на милость победителя. Огнем ответили они на огонь и пулей на пулю. Много лет прошло с той поры, и многое забылось, но один рассказ, слышанный мною в Пскове лет десять тому назад, не забыть никогда.

...На людной улице Пскова уже появились первые немецкие разъезды, а два русских человека, два солдата, только что вернувшиеся с фронта, все еще медлили уходить отсюда с этих милых, заметенных сугробами улиц, с этих тихих переулков старого Пскова. Они плохо знали Псков, но от псковичан слышали, что поблизости от этого места — склад, где много взрывчатых веществ, и вот теперь, прячась в подворотнях от назойливо-любопытных глаз немецких солдат, искали склад. Они еще не договаривались друг с другом о том, что им следует предпринять, но каждый решил про себя, как он отомстит немецким

разбойникам, вступившим в город и каждый рассчитывал на помощь фронтового друга.

Долго шли они по деревянным тротуарам городской окраины. На рысях пронеслись мимо них два конных немецких разъезда. Солдаты упали в сугроб, под липы, и вражеские всадники проскакали мимо, громко говоря по-немецки и размахивая обнаженными шашками.

— Проехали? — спросил старший солдат, бородатый, веселый, в спаленной у походных костров короткой шинели.

— А я знаю, — строго сказал старший, — за этими будут еще и еще, много конных разъездов, много солдат под ружьем и каждый из них, если увидит нас, не задумавшись, пустит в нас пулю...

— Отобьемся...

— Не об этом думаю я, а о другом...

— О чем же?

— В складе пироксилина много.

— Много?..

— И если его взорвать...

— Плохо тогда тем немцам будет, которые по улицам проедут: все взлетят на воздух....

— Верно.

О том, что следует делать дальше, солдаты сговорились быстро. Вскоре они уже были возле склада, на перекрестке. Здесь было шумно, горели факелы. Сотни немецких солдат и офицеров стояли возле повозок и орудий. Они ждали приказа. Всадники то скакали вперед, то снова возвращались обратно, слезали с коней и присоединялись к немцам, стоявшим на перекрестке.

Немцы еще не успели отыскать склад, а стража куда-то бежала. Русские солдаты, решившие отомстить немецким разбойникам, торопились. Медлить было невозможно. Еще немного времени пройдет и уйдут немцы с этого перекрестка, и тогда не удастся отомстить им...

Луна серебрила сугробы. В черных сучьях деревьев клочьями висел туман. Пламя факелов освещало широкую дорожную колею, заборы, кривые палисады... И вот уже другое, робкое, медленное пламя бежало по проводу. Солдаты обнялись напоследок. Страшный взрыв потряс округу, огромное пламя взметнулось кверху. Солдаты, взорвавшие склад, погибли, но вместе с ними погибли десятки немецких «завоевателей». Во все стороны разбегались кони без всадников, немногие уцелевшие немцы, стоны раненых становились все громче и пламя пожара все ярче разгоралось во мгле февральской ночи.

Весь город не спал в эту ночь. Так и не узнал никто, ка звали русских героев, так смело отомстивших врагу з родной Псков. А на немецкое кладбище, на окраине Пско ва, потянулись назавтра вереницы гробов. Немецкие гене ралы скрывали от населения и собственных солдат истин ные размеры своих потерь в эту грозную ночь. И только потом стало известно, что два безвестных русских геро истребили 30 немецких офицеров, 34 унтер-офицера, 20 солдат; 270 немцев в ту ночь заплатили своими жизнями за бредовый план германских генералов, мечтавших о за хвате Петрограда.

Казнями, расстрелами, жестокими пытками и истязания ми ответили немцы на этот акт справедливой народной мести, но не удалось им смирить русских людей, поставить их на колени.

Питерские рабочие шли на фронт громить немцев, поды мали народные восстания в немецком тылу, организовыва ли партизанские отряды. Однажды прибыл в Гдов отряд путиловских рабочих. Это были мужественные, закаленны в боях люди, но их было немного. В городе в то время находились остатки демобилизовывавшегося в то время Карпатского полка.

Командир путиловского отряда приехал к солдатам, рас сказал им о немецкой угрозе Петрограду. Солдаты едино душно решили вступить в отряд, бок-о-бок с рабочим драться против исконных врагов России—немецких захват чиков. Так был основан новый полк Красной Армии. Вско ре он пополнился. Шестьсот рабочих Путиловского и Об ховского заводов вступили в его ряды. Этому полку дове лось вести много победоносных боев с немцами. Двадцат четвертого ноября 1918 года полк вступил в Псков. Коман дир полка телеграфировал питерским рабочим: «Привет ствуем вас из родного русского Пскова». Остатки немецки войск в страхе бежали, и полк продвигался на Запад, очи щая от немцев временно оккупированные кайзеровским войсками советские районы.

2. Боевая слава

С тех пор прошло много лет. Бойцы полка, громивши немцев в Пскове и Прибалтике, стали стариками. Вырос новое поколение советских людей. А боевая слава множи лась и крепла, их сыновья и внуки приходили в полк, ста новились в строй, брали в руки оружие и громили врага нашей Родины. Где только не побывал Петроградский по

с той поры. Слава о нем гремела на полях сражений гражданской войны. В 1924 году полк был переименован в Ленинградский. С честью носил он новое славное имя. На снежных полях Финляндии, на подступах к «линии Маннергейма», под Выборгом, всюду полк действовал с успехом и славой. Один из воспитанников полка — Василий Комаров стал Героем Советского Союза.

В дни Отечественной войны полк был на самых главных решающих участках. Заместитель командира полка в декабрьские дни 1942 года писал в военной газете: «Ленинградский полк оправдает свое высокое звание. На славных боевых традициях питерских рабочих мы воспитываем закаленных воинов, готовых до последней капли крови драться за нашу победу над немецкими варварами».

В те дни в полк приехала делегация рабочих Кировского завода. Питерские рабочие знали, что костяком полка были когда-то славные путиловцы, что слава его неотделима от славы ленинградских рабочих. В 1930 году полку было торжественно вручено знамя Центрального Исполнительного Комитета Советов. Теперь кировские рабочие привезли полку еще одно боевое знамя. Вручение знамени стало праздником полка. Обветренные на полях Отечественной войны, опаленные порохом в бессчетных боях за родную землю, строго и торжественно поклялись бойцы и командиры с честью нести его на полях сражений. Думы и чувства полка ярко выразил тогда в простых, проникновенных словах капитан Ефремов. Он сказал, принимая знамя:

— Клянемся продолжать боевые традиции путиловцев и бить врага так, как били его наши отцы.

В январских боях на левом берегу великой русской реки Невы полк с честью выполнил свой долг. Он участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Вместе с родной дивизией он стал гвардейским.

Я приехал в полк после боев. Заместителя командира полка я знал еще с дней финской войны молодым комиссаром саперного батальона. Теперь он стал уже испытанным, закаленным в боях командиром. В тот день, когда я приехал в полк, ему был вручен орден Отечественной войны. Это третий боевой орден, которым наградила страна боевого командира.

Он жил в отбитом от немцев поселке, в блиндаже, в котором прежде жили немецкие офицеры. Блиндаж этот был построен добротно, старательно, видно было по всему, что долго собирались в нем жить немцы. На стенках ви-

сели наворованные немцами в русских домах картинки, о
туда же была свезена и загромождавшая блиндаж мебе
В окошко были видны трубы и печи сожженных домо
развалины, черные пожарища на месте когда-то весель
улиц. Все носило печать разрушения. Везде были видн
следы постылого хозяйничанья немцев.

Много он рассказал мне в тот день о героических п
двигах бойцов и командиров полка.

3. Невское левобережье

Выйдя на Неву, немцы овладели Шлиссельбургом. Э
было в осенние дни 1941 года. С тех пор немало боев
левый берег Невы вели наши войска. В этих боях бы
перемолоты десятки немецких полков, истреблены мно
тысячи гитлеровских мерзавцев. Но ценой тяжелых поте
противнику все же удалось удержать свои позиции на Не
ском левобережье.

Левый берег и все подступы к нему немцы укрепля
непрерывно, много месяцев, с немецкой обстоятельност
и точностью. Были воздвигнуты многочисленные укреп
ния, сооружены мощные огневые точки — долговремен
и деревянно-земляные, создана сильная и хорошо продума
ная система огня. Позиции на левом берегу казались не
цам неприступными.

Но нет крепостей, которых не взяли бы большевики, н
на свете преград богатырской русской силе.

В январские дни 1943 года части Ленинградского фро
га начали наступательные операции огромного размаха.

Предстояло прорвать кольцо блокады и соединиться
частями Волховского фронта.

Задолго до начала боев все было подготовлено для ст
мительного броска через Неву. Были созданы штурмов
группы из самых смелых и решительных бойцов. Их ве
в бой лучшие испытанные командиры. Все было подго
влено для штурма «Ледяного Измаила», все было пред
смотрено заранее. Лестницы и багры, дымовые гранаты
взрывчатку несли с собой бойцы. Ничто не могло оста
вить их наступательного порыва.

И вот настало, наконец, утро великой битвы. Могуч
артиллерийский удар по опорным пунктам вражеской об
роны. Вскоре ринулся вперед полк. Бросок через Не
был стремителен, яростен, неудержим. Огнем и колеса
сопровождала артиллерия наступающую пехоту. Нача

жестокий бой за левый берег Невы, за населенные пункты левобережья. Каждый боец понимал значение этих исторических боев и всю силу ненависти своей вкладывал в удар по заклятому врагу.

4. Со знаменем кировских рабочих

Принимая боевое знамя от кировских рабочих, бойцы и командиры полка поклялись нести его с честью в грядущих сражениях. Во время боя высокая честь нести это знамя выпала на долю красноармейца Семенова. Семенов шел в бой впереди своего подразделения. Был морозный, солнечный день. Ни на мгновение не смолкал гул канонады. Окутанное пороховым дымом, высоко над наступающими цепями, развевалось Красное Знамя. Все ближе немецкие траншеи. Вот уж видны копошащиеся в них фрицы. Траншейный бой — бой упорный, жестокий, беспощадный... Вот упал боец, шедший рядом с Семеновым... Вот еще один советский воин кровью своей обагрил невские сугробы. Семенов спешит вперед, фронтовые товарищи не отстают от него. Они стреляют на ходу из автоматов, штыками винтовок, прикладами автоматов бьют немцев. Семенов тяжело ранен. Товарищи хотят доставить его на полковой пункт медицинской помощи. Каждый шаг по скрипучему снегу стоит Семенову неимоверных усилий, но раз полк доверил ему знамя кировцев, он не выпустит его из рук пока жив. Семенов идет в штаб полка. Он передает знамя командиру. Только теперь, когда долг выполнен до конца и священное боевое знамя сохранено, может он вспомнить о своей ране...

5. Подвиг Молодцова

Дмитрию Молодцову шел тридцать пятый год. Он был не очень словоохотлив, и немногие товарищи знали, как была им прожита жизнь. Он любил свою Родину той неистребимой, великой любовью, которой любят обычно цельные, сильные люди; он никому не говорил о ней, он привык показывать свою любовь делами.

В день боя за один из самых сильных опорных пунктов немецкого сопротивления Молодцов шел во главе наступающего подразделения. Потом он вырвался вперед. Огонь немцев становился все сильней, и Молодцов ненадолго залег на снегу. Он ясно видел вспышки выстрелов над бившей по наступавшим немецкой батареей. Батарею прикрывал дзот. Из дзота, непрерывно стрекоча, прорезали колкий морозный воздух пулеметные очереди.

Молодцов внимательно наблюдал за дзотом. В каждо
бою бывают минуты, когда многое зависит от почина о
дельного бойца. Не каждому под силу взять на себя с
мую трудную задачу в бою. Молодцов видел, как торм
зилось наше наступление под фланговым огнем, бившим
немецкого дзота. Он медленно пополз в обход дзота. О
полз, плотно прижимаясь к земле, и лицо его скоро стал
мокрым от снега. Пули свистели над его головой, чертил
длинные бороздки по снежному полю. Немцы не замеча
Молодцова. Советский боец полз и полз вперед по снег
Вот уже видно ему торчащее из дзота дуло вражеско
пулемета. Но как уничтожить его? Молодцов снова засты
на снегу. Где-то рядом взвизгнула мина, широко раскину
руки, упал на январский снег человек в полушубке — на
советский боец. Ярость ударила в сердце. Молодцов сраз
вспомнил всю прожитую жизнь, весь путь свой, пройде
ный с боями по русской земле, и сразу как-то мучительно
сладко заныло сердце. Он уже не сводил больше глаз
дула немецкого пулемета. Он пополз дальше в обхо
дзота. Странно, немцы его не замечали. Он спокойно по
бирался все ближе к дзоту. Вдруг они увидели его, пул
засвистели совсем близко. Он пополз тогда за снежный б
гор. Здесь кончался путь обхода. Теперь и вражеский дзо
и дуло пулемета были уже внизу под ним. Молодцов от
вел на мгновение глаза от пулемета. Он увидел необозри
мое снежное поле, темную громаду застывшего вдалек
соснового бора, вспышки пламени над перелесками, гд
стояли наши замаскированные батареи, людей в полушуб
ках, в маскировочных халатах, в теплых ватниках, отовсю
ду идущих наперерез вражеским позициям, — он увиде
все поле великого боя, которое ждало теперь того, чт
сделает он, рядовой советский воин, Дмитрий Молодцов
Самая трудная задача в бою пала теперь на него. От нег
зависит исход боя. Захлебнется немецкий пулемет, захлеб
нется дзот, замолчат немецкие батареи. И все те люди, ко
торые сейчас медленно движутся по снежному полю, стре
мительно рванутся вперед, и могучее «ура» перекатится по
рядам от леса до леса, и ни одного немца не останется
больше на всем этом просторе, а простор этот стал тепер
для него, Дмитрия Молодцова, таким же огромным и пре
красным, как вся родная русская земля. Больше медлить
было нельзя. Он прыгнул вниз, прямо на торчавшее дул
вражеского пулемета, навалился на него животом, сбросил
рукавицы, ухватился за дуло голыми руками, пригибая
земле. Это движение было последним, что он мог еще

чувствовать и знать. Его безжизненное тело повисло на пулемете. Огонь из вражеского дзота прекратился. Бойцы сразу заметили это. Со всех сторон необозримого снежного поля они рванулись вперед. Атака. Могучий штыковой удар. Немцы выбежали из дзота. Они падают на снег. Немецкие артиллеристы разбежались, путь к батарее открыт. И вскоре батарея тяжелых 305-миллиметровых орудий становится нашим трофеем. Бойцы бережно сняли с пулемета застывшее, безжизненное тело Молодцова. Вскоре вся дивизия уже знала о его подвиге.

Минометчики — Н. П. МАРКОВ, И. Г. ТРЕТЬЯКОВ и А. С. ТРЕТЬЯКОВ (слева направо). Минометным огнем ими уничтожено больше 50 немецких оккупантов

6. Подвиги гвардейцев

В эти дни десятки и сотни людей дрались с небывалым геройством и силой. Отличались и старые, испытанные воины, и молодые бойцы. Долго ждали этого дня бойцы и не было силы, которая могла бы задержать их. Они шли навстречу Волховскому фронту. Зажатые в тиски с двух сторон, свирепо огрызаясь, отбиваясь огнем, непрерывно переходя в контратаки, все-таки вынуждены были отступить немецкие части.

Младший сержант Жиженко дрался в батальоне капитана Душко. Три раза в течение дня спас он жизнь своему командиру. В траншеях навстречу Душко бросился немецкий офицер. Жиженко, неотступно следовавший за своим командиром, успел застрелить и этого немецкого гада. Схватки становились все яростней и кровопролитней. Немцы перешли в контратаку. Немецкий автоматчик прицелился в Душко. И в какую-то сотую долю секунды Жиженко успел прикрыть своим телом любимого командира. Пули попали в Жиженко, легко его ранили, а жизнь командира была спасена.

Командир отделения пулеметчиков Николай Виноградов первым форсировал Неву. С группой бойцов он захватил немецкую тяжелую батарею и лагерь с легкими пушками. Немцы открыли бешеный огонь по Виноградову. Осколком мины был разбит станок станкового пулемета. И сразу стало наступающим нехватать огонька. Виноградов не растерялся. Он положил тело пулемета на большой пень, одиноко торчавший среди поляны, и снова в упор продолжал расстреливать немцев. В кровавом бою за дни наступления Виноградов лично истребил около 150 немцев и 30 гитлеровских молодчиков захватил в плен.

Младший сержант Пирогов находился на командном пункте батальона, когда немцы попытались окружить его. С двумя красноармейцами Козловым и Бурмистровым, отражал Пирогов отчаянный натиск врага. Он непрерывно стрелял из автомата и горы немецких трупов вырастали на подступах к участку, который защищал Пирогов. Он так метко и быстро стрелял, перебегая с места на место, что два бойца едва успевали набивать пули в автоматные диски, которые расстреливал он, отражая атаки врага. Немцы отступили, оставив больше 200 трупов на поле боя.

Когда в начале боя минометчики вкладывали первую мину в ствол миномета, командир расчета Карамышев подозвал минометчика Губина.

— Видишь, — сказал командир, показывая рукой на чернеющие вдалеке укрепления невского левобережья, где засел враг.

— Вижу, — тихо сказал Губин, щуря светлые глаза.

— Там враг, — сказал командир. — Там гад немецкий. Что он сделал тебе?

— Разорил мой дом, семью мою погубил, — тихо ответил Губин, сжимая в ярости кулаки.

— Хочешь первым дать выстрел по немцам?

— Хочу.

— Что же, стреляй!

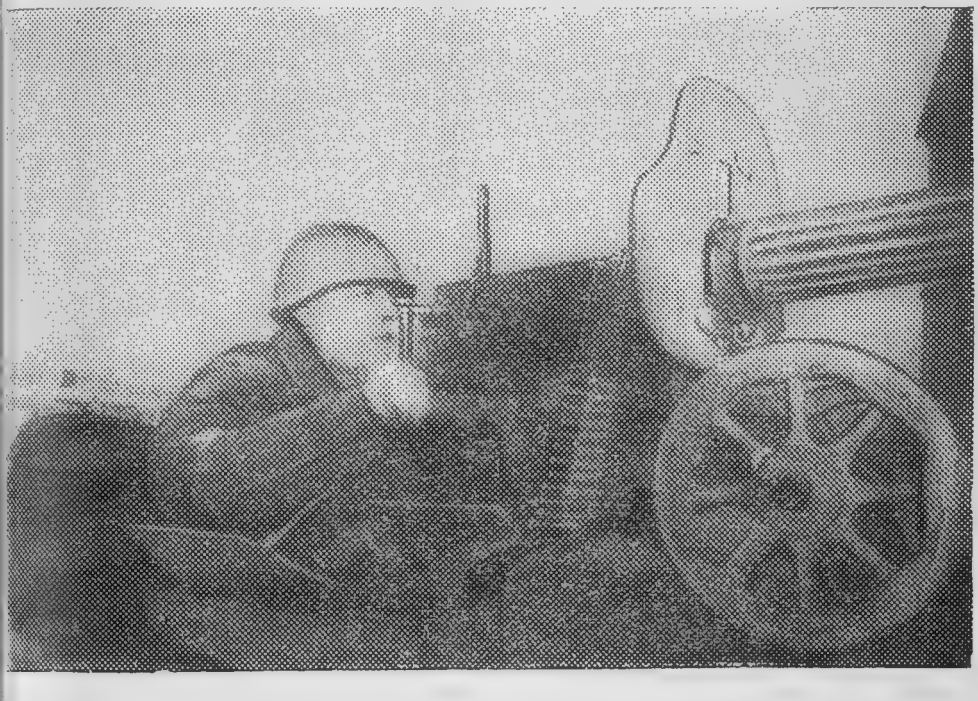
— Я грудь с грудью хочу встретиться с немцами,—сказал Губин, все еще не в силах отвести глаза от притихших, затаившихся укреплений врага.

— Встретишься еще, будет время. А пока — стреляй.

Губин занял свое место у миномета.

— За погибшую семью Губина по немцам—огонь,—громко и отчетливо скомандовал Карамышев.

Мины, воя, полетели на занятый немцами берег. Так начался в тот день счет мести минометчика Губина. Когда



Гвардии младший сержант КОЗЮРА И. В. Будучи один у пулемета, отбил контратаку немцев и уничтожил 117 гитлеровских мерзавцев

минометчики двинулись вперед вместе с наступающей пехотой, Губин ворвался в немецкие траншеи одним из первых. Четырех немцев убил он в рукопашной схватке. К концу дня бойцы узнали, что Губин пал смертью храбрых. Боевые товарищи жестоко отомстили за его смерть.

Агитатор полка капитан Щеглов учит бойцов своим боевым примером. Когда он ворвался в траншею, на него набросился немецкий солдат, схватил за горло, стал душить. Связной Щеглова — Виноградов застрелил этого немца и спас жизнь своего командира, любимого бойцами агитатора.

7. Легендарный полк

Много подвигов совершили гвардейцы в дни славных январских боев, прорывая блокаду города Ленина. С радостью встречали волховчане славных ленинградских бойцов.

За дни январских боев полк занял важные позиции, соединился с частями Волховского фронта, прорвал блокаду Ленинграда на одном из самых трудных и напряженных районов боев. Полк истребил больше 1500 немцев, взял в плен больше 700 немецких солдат и офицеров.

Присвоение полку звания гвардейского было с радостью встречено бойцами и командирами. Впереди новые бои и новая слава. Любимец ленинградцев — Ленинградский гвардейский полк, созданный рабочими-путиловцами в дни боев с немцами в 1918 году, смело и уверенно идет вперед, верный клятве бессмертной сталинской гвардии.

Лейтенант М. КАРЛОВИЧ
Интендант 3 ранга М. ГОЛЬДБЕРГ

ЭКИПАЖ ГЕРОЕВ

Залезая в танк, лейтенант Осатюк сказал своему механику:

— Помни, хлопец, машина должна плясать.

Макаренко с полуслова понял своего командира.

— Ишь, хитрый украинец, любит зигзаги выписывать, бережет танк, — с любовью подумал он о своем земляке. Крепкая мужская дружба, скупая на слова, почти незаметная для постороннего глаза, связывала этих людей. Главным звеном в ней был их танк — легкая, на редкость юркая машина, почти танкетка, о которой оба танкиста говорили с отцовской нежностью:

— Это, конечно, не «КВ», но немцев на ней бить можно.

А когда находились сомневающиеся, насмешники, оба — и Осатюк и его механик — стискивали литые, крепкие кулаки и грозили запальчиво обидчику:

— Погоди, вот вертаемся с бою с победой — отдубасим трошки: не дразни!

Но сейчас, когда предстоял настоящий бой, танкисты хранили спокойную деловитость. Только одна думка неотвязная: как крепче, умнее, сподручнее бить немца? Лейтенант видел решение задачи в сочетании огня и маневра. Острым, пытливым умом разгадал он самое сильное качество своей машины: замечательную подвижность и сильное, скорострельное вооружение. Об «огоньке» в бою позаботится он сам. А вот управление в руках Макаренко. Потому-то и напомнил ему командир о пляске.

1. Маленький против большого

Танки шли в бой вместе с пехотой. Двигались осторожно, огня не вели. Где-то впереди, за близкими теперь зарницами орудийных вспышек были свои — волховцы, спешившие на соединение. Когда впереди показалась тяжелая туша крупного танка, Осатюк так было и решил: волховцы.

Радостно дрогнуло сердце, хотелось выскочить из машины, сбросив шлем, приветливо размахивая им в морозном воздухе, бежать навстречу товарищам с «Большой земли». Он сдержал себя только большим усилием воли.

— Обожди, обожди, Дмитрий. Тут надо проверить, — сказал себе лейтенант.

Танки остановились, и Осатюк приказал механику одной из машин — Мухину — разузнать, кто там ползет навстречу. Мухин вернулся скоро, доложил, еле переводя дух:

— Немецкие. Два тяжелых.

Первый фашистский танк был уже совсем близко. В сумерках его экипаж, видимо, не заметил наши легкие танки, прошел стороной. Он слепо шел прямо на нашу батарею, навстречу гибели. Скоро за него принялись артиллеристы, и, он намертво прирос к снегу. Зато второй танк фашистов, целя на дорогу светлое бельмо фары, решительно направился в сторону Осатюка. Лейтенант молча оценил крепость его брони: «не одолеть» — с горечью подумал он. А немец все ближе. Вращает башней, пушка в ней такая, что нога влезет. Не иначе в упор расстрелять хочет. Вот когда настала очередь механика.

— Ну, Ваня, танцуй! — крикнул Осатюк водителю.

И танк затанцовал. Он выписывал такие замысловатые фигуры, то стремительно прыгая на сугробы рвался вперед, то почти волчком крутился на месте, — казалось, что сорвался с места и пошел откалывать залихватского гопака веселый разгулявшийся парубок. А на самом деле, в тесной стальной коробке танка, жадно припав к механизмам, поминутно больно ударяясь о стенки машины, сидели двое людей, которым было совсем не до шуток. Макаренко быстро-быстро орудовал рычагами, переключал скорость. Лейтенант непрерывно бил по немцам из пушки, бил, чтобы оглушить, чтобы сбить с толку, ослепить. Фашисты не поспевали за легкой машиной. Их башенный стрелок никак не мог поймать в прицел увертливый советский танк. Но они упрямо, нагло, уверенные в конечной победе, преследовали его.

«Ну, гад, сейчас ты у нас отстанешь», — зло подумал Осатюк. Нагнувшись, чтобы Макаренко хоть что-нибудь услышал, он приказал ему, не переставая маневрировать, вести машину к опушке небольшой рощи. Механик только кивнул головой. И на этот раз он сразу понял и оценил замысел командира.

Еще несколько тяжких минут продолжалась страшная гонка. Казалось вот-вот настигнет их грузное бронирован-

ное чудовище, навалится, раздавит. Наконец, когда до опушки оставалось метров восемьдесят и Осатюк нажатием руки на плечо товарища дал знать, что пора совер-

Герой Советского Союза лейтенант ОСАТЮК Д. И.

шить решительный маневр, Макаренко резко выключил левую гусеницу. Машину рвануло, вихрь снежной пыли взметнулся к небу. Рыча от колоссального напряжения, танк развернулся под прямым углом и дерзко проскочил под носом у фашистов. Немцы неуклюже развернули свою машину, поставив ее бортом к роще. В ту же секунду

светящаяся полоска вырвалась из-за деревьев. Наши танкисты рассчитали точно. Хитрым маневром они вывели врагов прямо на скрытое в засаде орудие. Вторым снарядом немецкий танк был подбит.

Осматривая потом его исковерканный остов, Осатюк весело подмигнул пехотинцам:

— Вот как маленький большого одурачил. Бачите теперь, какая у меня машина? То-то!

И очень довольный своим успехом, снова полез в танк.

2. Точный приказ

К ночи танковый батальон вклинился в немецкую оборону. Получился узкий огневой мешок. Держать его час от часу становилось труднее. Командир вызвал лейтенанта Осатюка, спросил, сколько у него в строю машин.

— Три, — удивляясь, что комбат спрашивает о том, что всем известно, ответил Осатюк.

Тот, словно, перехватил мысль лейтенанта.

— Знаю, что три, потому и спрашиваю, — раздельно произнес он. — Вы, наверно, думаете, что это совсем скромно. Выкиньте такую мысль из головы. Деритесь так, словно у вас целое соединение. Главное — удержать позиции. Назад ни шагу! Помните наше правило: сколько занял, столько и держи.

И красный карандаш командира провел на карте жирную линию.

— Вот на этом рубеже вы на рассвете получите подкрепление. Приказ поняли точно? — спросил комбат.

— Чего точнее! Сколько занял — все удержать.

Танки лейтенант расставил для обороны излюбленным способом: на флангах пехотного подразделения. Машины Ничипуренко и Глинского справа, сам он — слева.

Только расположились, приходит от стрелков капитан Шишихин.

— Где лейтенант?

Осатюк высунулся из башни.

— Справа движется колонна немцев. Поддержи.

Лейтенант отдал команду и правофланговые машины пошли в бой.

Но вскоре и слева снежное поле почернело от надвигающихся цепей. Фашисты шли в контратаку.

— Густо идут, — протяжно сказал кто-то из пехотинцев.

С минуту Осатюк что-то решал. Затем, сразу загорясь, спросил механика:

Артиллеристы ведут огонь по противнику прямой наводкой у населенного пункта Марьино

— Ваня, какую ты скоростенку дать можешь? Максимальную?

Макаренко назвал.

— Тогда вперед!

— Но машина только одна, — удивился старшина.

— Вперед!

Танк помчался по снежной глади. Пока сближались с противником, Осатюк возился у пулемета. Он снял чеку, соединяющую затыльник со ствольной коробкой, отбил его вниз. Теперь шептало уже не служило помехой — пулемет мог сам лить огонь непрерывным потоком — успевай только менять диски.

До немцев оставалось метров полтораста, когда разом ударило все вооружение танка. Это был разящий, все сметающий огненный смерч. Немцы валились рядами, кучами, мертвые становились преградой еще живым. «Реконструированный» пулемет работал отлично. Словно могучий косец, попавший на тучное, густое жнивье, срезал танк черные цепи гитлеровцев. Их пули градом цокали по броне, рядом рвались гранаты, но Осатюк и Макаренко видели только одно: врагов. Темп стрельбы был настолько высок, оружие так накалилось, что нечем стало дышать. Осатюк отбросил верхний люк — не помогло. Тогда он сбросил полушубок, стащил фуфайку и, горячий, пропахший порохом и бензиновой гарью, продолжал поливать фашистов смертоносным огнем. Несколько сот немцев атаковало наши позиции с этого фланга. Только двадцати, поднявшим руки, сохранили танкисты жизнь.

Наши пехотинцы, двигавшиеся за танком, закрепили победу экипажа.

Наутро, когда прибыло обещанное подкрепление, танков Осатюка на условном месте не оказалось. Они ушли вперед.

Комбат снова вызвал к себе лейтенанта.

— Вы нарушили мой приказ, — притворно сурово сказал он. — Я же приказал: сколько занято, столько и держать.

— Приказ выполнен точно, — возразил Осатюк. — Правда, я занял больше, чем предполагалось, но зато все удержал.

И, рассмеявшись, комбат горячо обнял лейтенанта.

3. Встреча

Еще не было никаких вестей с той стороны блокады, еще в рабочем поселке № 5 были немцы, но сердцем бойцы уже чувствовали: теперь скоро. Тонкий язычок земли—

от Шлиссельбурга к Синявино — вот все, что разделяло теперь наступающие войска Ленинградского и Волховского фронтов. Но эта узкая полоса была насыщена невиданной яростью огнем. Его надо было смять, подавить. Короче: надо было окончательно прорвать блокаду.

И вот в такой миг в машину Осатюка попал снаряд. Сзади оторвало второй лист брони, отбило ленивец, сорвало гусеницу. Когда стих грохот разрыва, командир крикнул, не слыша собственного голоса:

— Ты жив?

— Ранен, — послышалось в ответ.

— Вылазь.

— Не могу...

И минуты не стал раздумывать лейтенант. Острая боль за друга заставила позабыть о смертельной угрозе. Он под огнем пристрелявшегося врага прополз к нижнему люку, втиснулся в машину. Бережно, стараясь не бередить раны товарища, Осатюк вынес его из танка, отнес в укрытие. Здесь сам разорвал штанину на перебитой ноге, один за другим вынул шесть застрявших в теле осколков, перевязал.

— Ну вот и отвоевался, — тихо, с трудом проговорил Макаренко. — А ведь не соединились еще.

— Соединимся, — вдруг упрямо, с жаром воскликнул лейтенант и, проведя рукой по усталому лицу, торжественно сказал:

— Это я тебе обещаю, хлопец, я, Осатюк.

Машину починили и скоро она снова пошла в бой. С утроенной силой било оружие в твердых руках лейтенанта — мстителя за родину, за Ленинград, за друга. В одном месте он подавил три огневых точки фашистов, в другом с хода атаковал и рассеял большую группу немецких пехотинцев. Стрелял так, что вышел весь боекомплект. Тут, среди груды убитых им фашистов, и застала его группа пехотинцев.

Лейтенант в маскировочном халате, восторженно разводя руками, выговорил нараспев:

— Вот это дело. Сколько же вы фрицев положили! Теперь и умирать не обидно.

— Зачем же умирать? — Осатюк внимательно посмотрел на говорившего. — Поживем еще.

И видя, что пехотинец не уходит, прибавил почти сердито:

— Да кто вы будете-то?

— С Волховского фронта.

Дрогнула и разом расправилась тяжелая складка на лбу танкиста. Широкой счастливой улыбкой озарилось пылающее на морозе лицо.

— Дорогие мои!

Они обнялись. С минуту постояли молча, полные величия этой встречи, храня торжественное молчание.

— Ну, что же, братцы, — сказал, наконец, Осатюк, — теперь туда, — и он указал рукой на юг, где еще огрызались фашисты пулеметными очередями.

Танкисты пошли вперед. Они шли под стальной броней. Они шли под броней несгибаемой человеческой воли.

* * *

Через несколько дней товарищи горячо поздравляли лейтенанта и его механика. Дмитрий Осатюк и Иван Макаренко стали Героями Советского Союза.

Евгений ФЕДОРОВ

ИДУТ БОИ

1. В лесах Приладожья

К югу от озерных просторов Ладоги раскинулись хмурые ельники, обширные торфяные болота, зыбуны, овраги да безыменные ручьи. Здесь тихий задумчивый край. Тут лежат искони русские земли; кругом сельбища древних рыбарей, сплавщиков да метких лесовиков-охотников. По озерным деревням, по старым погостам в седые времена шумела тут слава новгородских ушкуйников и неустрашимых русских воинов Александра Невского.

Двести сорок лет назад после долгих и тяжелых трудов сюда—к Ладожскому простору—подошел с фрегатами царь Петр Алексеевич, с юга поспешали войска фельдмаршала Шереметьева. Под древним русским Орешком—Шлиссельбургом загремели пушки, и священная родная земля была освобождена от иноземных захватчиков. Враги бились остервенело, насмерть, но 11 октября 1702 года русские войска взяли крепкий каменными стенами и орудиями Орешек, и царь назвал его Ключом-городом—Шлиссельбургом, что означало ключ к долгожданному морю...

Сейчас снова премят здесь орудия и много дней кипит неслыханная по напряженности схватка. В хмурых приладожских лесах и болотах темнеют звериные норы — немецкие траншеи, блиндажи, сложная сеть проволочных заграждений и противотанковые рвы. Здесь окопался немец — наш лютый враг и не хочет уйти с окровавленной земли. День и ночь здесь беспрерывно гремит потрясающая пальба. Тихие задумчивые ельники и рощи, условно названные поэтическими именами — Василёк, Колокольчик, Сирень, Ландыш — клонятся долу, подрезанные невиданным шквальным огнем артиллерии. С 12 января и по сегодня, когда пишутся эти строки, здесь содрогается земля и небо от гула и грохота орудий. Добро работают русские артиллеристы, прославленные потомки старинных пушка-

рей. Они вколачивают врага в землю: получай ее до отказа! Сельские проселки, лесные тропы, овраги и кочковатые болота Приладожья усеяны брошенным военным имуществом врага и немецкими трупами. Скованные жгучим морозом, трупы лежат со скрюченными пальцами. На их потемневших лицах застыл предсмертный оскал подбитого зверя. Они пришли сюда получить землю и они получили ее вдоволь. В последней агонии их грязные лапы простерлись вперед и судорожно схватили ее, но она, мерзлая и напоенная ненавистью, не хочет отпустить их. Пусть стынут и рушатся кости презренной твари на леденящем ветру! Вот у ручья, подле земляной норы лежит втоптанный в снег ефрейтор Ганс Курс. Глядя на него, сердце наливается жгучей ненавистью. В роще над приневским высоким яром у костра грелись утомленные красноармейцы и один из них совсем юный, с лицом, обожженным январскими морозами, с волнением сказал мне:

— У зверя есть сердце и свой нерушимый закон: сытый он не трогает человека. А немец — хуже зверя! Я в сказке слыхал про вампиров, что пьют человеческую кровь. Немецкий корень от этой нечисти. Судите сами, может ли человек сделать такое. Я из Марьина, вот оно сожженное, изничтоженное лежит за оврагом. Видите, черную трубу, это родительский дом был. А где он? Нет ни его, ни людей наших. В декабре в лютую метелицу немцы угнали всех сельчан в Германию. И нет в моей груди ни капельки жалости к такому врагу. Нет! Сердце мое горит, и бью я немца остервенело...

Подлинно, хорошо и метко бьет советский воин немца. В овраге под Марьином лежат груды застывших немецких трупов и последние движения их, скованные морозом, говорят о повадке этой нечисти. Я видел скрюченного немецкого солдата; мертвый он крепко прижал к груди медный самовар без крана. Куда бежал он, куда торопился? Меткая русская пуля настигла мародера.

Красные воины идут вперед. Они идут вперед, несмотря ни на что. Их сердца полны ненасытной ненависти к врагу, они не думают о себе, они думают только о мести врагу.

2. Мы дали клятву ленинградцам, мы ее сдержим

Наша часть ведет бой. Она рвется вперед — в самое логово зверя. Бойцы и командиры дали ленинградцам клятву: освободить от блокады великий город. Перед выступлением части в бой, из Ленинграда приехала делегация от

рабочих, инженеров и служащих одного завода. Они привезли письмо ко всем бойцам, командирам и политическим работникам. Это письмо зачитали перед фронтом. Коллектив завода сообщал в нем:

«Дорогие друзья, братья, славные защитники города Ленина! Мы сейчас работаем по-фронтовому. Недавно нам выпала большая честь — мы выполняли специальный заказ Военного Совета Ленинградского фронта. Для выполнения заказа был дан десятидневный срок, но мы его выполнили в четыре дня. Мы все четверо суток не выходили с завода, считали себя обязанными дать вам нужное вооружение для прорыва блокады, дать раньше срока, в большем количестве и хорошего качества. Стахановцы нашего завода — старый питерский рабочий орденоносец Сторонкин выполнял нормы на 600—700 процентов, бригада Сафронова выполняла нормы на 300—400 процентов, сварщица Петрова (до войны — домохозяйка) выполняла норму на 250—300 процентов...»

Когда зачитали письмо, руководитель делегации, старый питерский рабочий, обнажил седую голову и сказал с ноткой суровости:

— Время такое подошло. Мы сделали все, чтобы обеспечить вас в бою. Теперь мы ждем от вас самого главного — победы. Ленинградцы — все от мала до велика — смотрят на вас и требуют освобождения от блокады. Пусть совершится час мести и настанет радостный день победы!

За частым ельником пылал закат; в лесу синели и удлинялись тени. На морозе голос старика звучал четко и торжественно. В ответ на речь гостя, на импровизированную трибуну поднялся майор Я. И. Иванов и от имени всех бойцов в предвечерней тишине сказал:

— Мы даем ленинградцам клятву освободить великий город от блокады. Мы эту клятву сдержим!

В ночь часть готовилась к решительному броску. В лесу горели костры; из-за чернолесья величаво поднялся и покатился над широкой рекой багряный месяц. Река, одетая в нетронутые снега, сверкала синеватым блеском. На вражьем берегу, на крутоярье стыла тишина. Там берлога залегшего зверя. Невольно глаза вглядывались в смутные очертания далекого яра.

В этот час на бивуаке у костров бойцы вспоминали старые дела и добрые традиции. Весело потрескивали сухие лесины в костре и притихшие бойцы с волнением слушали капитана Никольского. Стройный и подвижный, он вдохновенно читал бойцам поэму ленинградского поэта Ильи

Авраменко «Ночь накануне бессмертия». В ней воспевались подвиги героев части.

Все понимали, осязали торжественные минуты перед боем. Все было так, как велось издревле на нашей русской земле. Сердце каждого было полно переживанием. Суровость и величие лежали на лицах воинов. И мне невольно вспомнились знакомые с детства строки Лермонтова:

Но тих был наш бивак открытый;
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус...
. . . . . .
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой...

Воины шли в бой, за родную землю, за нашу вековую культуру, за наше будущее.

3. Так дерутся советские воины

Серебристый рассвет. Дали туманны, в морозной мгле. И над серыми перелесками вьются сизые дымки невидимых селений. Тишина бодрящего зимнего утра. Подчеркивая ее, где-то на лесном перепутье проскрипели полозья военного обоза. В землянке нежданно закукарекал петух, — совсем по-деревенски возвестил утро.

Часы показывали 9.30.

И вдруг разом, словно по волшебному мановению во всю ширь от истоков и до устья Невы, от старинного каменного, утопающего в снегах Орешка и до Северной Пальмиры — родного любимого Ленинграда могуче рявкнули пушки и над окрестностями покатился потрясающий грохот и гул. Полки тронулись в бой...

Над высоким яром, над Невой-рекой высится громада серых башен. Здесь была электростанция. Одетая в железобетон, вознесенная на холм, она сторожит речные просторы в сторону Невского устья. За камнями, за бетоном сидит враг. И в ответ на первый залп наших батарей, по дорогам, ведущим через реку, по переправам ударили вражьи залпы... Поздно!

Бойцы стремительным широким потоком катятся к восточному яру. Над замерзшей рекой несется раскатистое «ура». Первые цепи берут высокий берег. Страшные штыковые удары опрокидывают врага. Смерть настигает немцев. Она настигает их, как неумолимый рок, как возмездие.

Гвардейцы артиллеристы части генерала СИМОНЯКА ведут огонь по немцам

Не спасли их ни высокий яр, ни глубокие траншеи и дзоты. В амбразуры немецких дотов летели брошенные меткой рукой красноармейцев гранаты и тогда вспыхивал грохот и смолкали пулеметы врага. Многие из немцев выскакивали на бруствер, но могучий удар русского штыка опрокидывал их в глубокую щель. И спустя день можно было видеть закоченевшие трупы фрицев, опрокинутых ногами вверх. Они так и застыли...

От огневого шквала содрогались земля и небо. К низким белесым облакам поднимались клубы дыма. И неудержимые цепи советских воинов, как сокрушительные морские валы, катились на берег. Порыв и отвага их были неукротимы.

Красноармеец-комсомолец Николай Чазов первым ворвался в немецкие окопы и метко бросил гранату во вражеский блиндаж. Ему преградили путь немцы. В стремительном штыковом бою он заколол троих.

Нет ничего страшнее для немца русского штыка. Он разит насмерть. Велика сила русского штыка, и этой силой мастерски овладели молодые русские воины.

Как вихрь ворвался во вражеские траншеи лейтенант Юдинцев со своим подразделением. Там, где прошел наш штык, лежали сраженные наповал немцы.

Старший лейтенант Заика в рукопашном бою убил восемь немцев, а девятого заколол. Тут же на поле боя он написал заявление о принятии его в ряды партии.

От края до края на многие километры кипел жестокий бой. И каждый метр родной земли брался из вражьего плена бесстрашием и отвагой советских воинов. В этот день и час они показали образцы невиданного мужества и непревзойденной храбрости. На изрытом снарядами поле наши бойцы шли в атаку. Кругом рвались мины, и невидимые, укрытые немецкие пулеметы сеяли смерть, но герои презирали ее и опасности. Советские богатыри совершали незабываемые подвиги, слава о которых не померкнет в веках.

Родина никогда не забудет подвига комсомольца Степана Судаса. Этот красноармеец с группой товарищей ушел в разведку и встретил немцев. Он не отступил и бесстрашно ринулся вперед; в бою он лично заколол семь немцев.

Немалую отвагу и стремительность показал боец-комсомолец Иван Пылынов. Он уложил в схватке двух немцев и захватил две вражеские пушки с лошадьми.

На бивуаках, в своей газете все читали о подвиге подносчика патронов Ипеченко. Наши наступающие цепи

залегли, иссякали патроны. Красноармеец Ипеченко торопился доставить их. Он тащил их по тропке через оснеженные кусты. И когда подносчик был почти у цели, в десятках метров от передовой, из кустов выскочили три немца.

Наглецы самоуверенно крикнули Ипеченко:

— Сдавайс, русс!

Бойцы-гвардейцы на привале

Ипеченко был не из трусливых. Он ринулся вперед и прыгнул на первого немца. Он сбил его на землю и вырвал винтовку. В следующее мгновение он размахнулся прикладом и саданул.

Он уложил трех немцев. Бездыханные, с разбитыми черепами они лежали у ног победителя. Ипеченко схватил патронный ящик и продолжал свой путь.

Минометчики, пулеметчики, разведчики, санитарные дружинницы — советская молодежь — старались превзойти друг друга в беззаветной храбрости и отваге на поле боя. Мне пришлось наблюдать ленинградскую девушку-бойца Елизавету Миронову. Она была наводчиком минометного расчета. Суровая и спокойная она шла в боевых порядках наступающей пехоты. Немцы в бешенстве били из мино-

метов и пулеметов по нашим цепям. Лиза Миронова определяла местоположение вражеских огневых точек и своими минами подавляла их. Немецкие пулеметы и минометы смолкали навсегда. У Лизы Мироновой — ленинградской девушки — меткий глаз и отважное сердце.

Десятки самоотверженных комсомолок из Ленинграда плечо к плечу с бойцами громили врага. Они подбирали и уносили с поля боя раненых. Комсомолка Антонина Кокшина под ураганным огнем противника вынесла 40 бойцов и много оружия. Евгения Гейке—вчерашняя парикмахерша, сегодня санитарный инструктор пулеметного батальона вынесла из огня десятки тяжело раненых воинов.

Мужество и храбрость наших девушек беспредельны.

Смертным боем бьют наши воины врага. Охваченные единым могучим порывом разить немца насмерть, они бьются отважно и самоотверженно, устилая леса и болота Приладожья немецкими трупами.

4. Чести полка не опозорим

В окрестностях рощи «Мак» кипел невиданный по напряжению бой. Немецкие танки непрерывно атаковали наши боевые порядки, стремясь остановить их поток, сбить наш наступательный порыв. Ничего не могли поделать немецкие танки. Молодые воины-бронебойщики, как древнерусские богатыри, зачастую один-на-один выходили на поединок со стальным немецким чудовищем и побеждали его. Они делали небывалое, показывая чудеса храбрости. В дивизии и по всей армии гремит и покрывается легендой имя молодого лейтенанта Татаринова. В час, когда решался исход боя, он вел свое подразделение и нежданно наткнулся на вражеские танки. Тупорылые чудовища с ревом приминали к мерзлой земле вековые ели, валили сосняк. Храбрец Татаринов знал одно — враг не должен пройти. Лейтенант неустрашимо бросился вперед, прямо на головной танк. Стремительный, неожиданный прыжок. Немцы обалдели: никогда и нигде они не видели подобную дерзость. Татаринов с бега вскочил на стальное чудовище и бросил в люк гранату.

— Ауф видерзеен! — крикнул храбрец. — До свидания! Колесом дорога!

Ни один враг не ушел от смерти.

В этом неравном поединке лейтенант Татаринов был ранен, но он категорически отказался уйти и не покинул своего подразделения.

Рядом с нами рвалась вперед пулеметная рота лейтенанта Крутикова. Пороховая копоть и дым покрывали лица бойцов. Они устали, истомились, но они твердо и решительно заявили своему командиру:

Герой Советского Союза МАТУЗОВ К. Г., командир подразделения противотанковых ружей

— Веди нас вперед! Нас осталось немного, но чести полка мы не опозорим!

Пулеметчики сдержали свое слово. Под шквальным огнем, в снегах, среди болот и кочек, из воронки в воронку, из рытвинки в рытвинку они неудержимо двигались вперед и били немцев. Жестоко били! Дважды ранило ко-

мандира лейтенанта Михаила Крутикова, его уговаривали итти в медсанбат, но он остался непреклонен. Сжимая от нестерпимой боли челюсти, он указал рукой вперед.

Пока видят глаза, пока бьется сердце в груди и руки держат оружие, наш боец остается в рядах сражающихся. Так делают все, так поступило и подразделение бронебойщиков Героя Советского Союза капитана Матузова. В разгар боя они подбили два немецких танка. В жаркой схватке враги ранили Матузова и старшего лейтенанта Прояева, но оба они остались в строю. Раненые красноармейцы Звездин и Семенов на предложение своего командира итти в медсанбат сказали:

— Умрем, а золотого ружья не отдадим и никуда с поля боя не уйдем.

Немцы в зверином отчаянии заминировали леса и поляны. На обширном торфяном болоте они жгли штабели сухого торфа. И темное звездное небо пылало багровым заревом, горький дым стлался по болоту. Враг упорно сопротивлялся. Он держался за каждую кочку, рытвинку, за каждый кустик. Но нет таких сил, которые сдержали бы поступь воинов Красной Армии.

5. Герои-бронебойщики

Было так. Из леса, взрывая землю, сотрясая ревом окрестности, вышли тяжелые немецкие танки. Они устремились вперед, в расположение наших частей. И перед ними в маленьком окопчике встал расчет старшего сержанта Порвина. Тут были комсомольцы Ганеев, Аксенов и Елпанов. Молодые бойцы дали клятву—не уступать врагу занятого рубежа. Они припали к мерзлой земле, слились со снегами. Их сердца пылали гневом, рука крепко держала бронебойное ружье. Глаза зорко смотрели вперед. И может быть в эту минуту каждый из них вспомнил о любимой, о таких же лесах, убранных зимней бахромой инея, там—на родине. А может быть думалось иное,—никто не знает об этом. Но все знают, что они до последней капли крови преданно бились за родную советскую землю. Они задержали врага, не уступили ни пяди священной русской земли. Они погибли, но враг, устрашенный их стойкостью, бежал. И когда подошли наши части, они нашли два подбитых немецких танка и бездыханные тела героев. Даже мертвые они крепко держали в руках смертоносное оружие, направленное в сторону немцев.

Так же поступили бронебойщики комсомольцы Конькин, Емельянов и Шильников. Они дрались до последнего. Их железная стойкость преградила путь немецким танкам. Бронебойщики удержали рубеж до подхода нашей пехоты.

Для советских воинов не страшны танки врага. Мужественный боец настигает врага, укрывшегося и в танке. Сержант взвода бронебойщиков Николай Масловский смело выдвинулся далеко вперед и, когда показались немецкие танки, он мгновенно прошил броню башни головной машины. Немцы выскочили из танка и — в рассыпную. Но сержант проворно перебил их.

Меткий глаз и мужественное сердце у красноармейца-бронебойщика Григория Васильева. Славные дела его известны за пределами части, — храбрец подбил тяжелый танк врага и уничтожил весь его экипаж.

В части каждый знает крепкого, кряжистого пулеметчика Коляду. Он скромен и незаметен. Он суров, как подобает воину, видевшему смерть в глаза и победившему ее своим хладнокровием. Коляда один захватил три немецких танка. Они были закопаны, искусно замаскированы и вели бешеный огонь, мешая продвижению нашей пехоты. Красноармеец Коляда зарядил свой ручной пулемет бронебойными пулями и, пробираясь среди кустов и кочек, вплотную подполз к врагу. Он заставил замолчать его.

Пехотное подразделение в бою потеряло своего командира, Коляда возглавил его и повел в бой. Стремительный Коляда с товарищами дали жару немецкой мрази. Я видел траншеи, заполненные вражьими трупами. Они лежали, как мороженые судаки, с серыми остекляневшими глазами. Чуть поодаль от них с пронзительным криком носилось воронье.

— Будет пир! — улыбнулся Коляда. — Ворон ворона видит издалека, чует запах падали.

Немецкая падаль валяется здесь всюду: в оврагах и в кустах, подле узкоколейки и в ручье.

6. Бессмертие

Сержант Александр Барсуков со своим небольшим подразделением был окружен немцами. Наши воины не сдались, смелость и отвага выручили их. Они прорвались к своим. Александр Барсуков прикрыл выход товарищей из кольца. Его трижды ранило, друзья уговаривали уйти с опасного места, уступив его другому. Сержант сурово сдвинул брови и сказал:

— Нет! Командир уходит последним с поля боя.

Голос его был тверд и четок. Болью сжимались сердца боевых товарищей, но долг суров и строг приказ командира. И не должно быть места унынию во время боя. Воины отошли. Александр Барсуков остался один. Он залег за пулемет и бил немцев до последнего патрона. Храбрый пулеметчик навалил десятки немецких трупов, а враги все лезли. И когда иссякли все патроны, он взорвал себя и пулемет. Комсомолец Александр Барсуков не пощадил своей жизни во имя Родины.

И он не одинок. Наши воины испокон веков славились самоотверженностью. Они любят жизнь и радости, они восторгаются восходом и заходом солнца. Цветы и улыбка любимой девушки веселят их душу. Благословением они считают жизнь и юную, вечно светлую любовь. Но если призовет долг, они грудью заслонят просторы Родины. Третий день шел жаркий бой. Подразделение капитана Кулибаба врезалось во вражеские боевые порядки. Немцы чуяли свою гибель и дрались отчаянно, с лютой злостью. Так затравленный волчий выводок огрызается до последнего. В пылу схватки враг прицелился в капитана Кулибабу. Мгновение—выстрел и все было бы кончено. Но в этот короткий, как молния, миг красноармеец Аскнадзе выскочил вперед и своим телом прикрыл командира. Кулибаба был спасен.

Может быть невиданное поразило немца или случилось другое, но рука врага дрогнула, и красноармеец Аскнадзе был только ранен. Истекая кровью, он бросился вперед и штыком пришил к земле проклятого немца.

7. Русская смекалка и неустрашимость

Дерзко и смело разить врага, не теряться в бою, вовремя найти выход и решение боевой задачи,—в этом деле помогают русская смекалка, неустрашимость и решительность.

Именно так рассуждал и так действовал молодой энергичный лейтенант Иван Киселев. Наши части отбросили немцев, но враг не угомонился. Получив подкрепление, противник перешел в контратаку. Создалась напряженная обстановка. Три немецких танка ворвались в наши боевые порядки. Позади их двигалась многочисленная вражеская пехота. «Что же делать? Как помочь своим?» — было первой мыслью молодого лейтенанта. Его внезапно осенило. Выход найден. Вот он! На поле боя осталось отбитое не-

мецкое орудие. Хотя в нем имелся затвор, зато не было стреляющего механизма.

— Не беда, — решил Киселев. — Теперь не до раздумий, надо действовать.

Лейтенант быстро подхватил снаряд и вложил его в немецкое орудие. Ударом штыка в отверстие он взорвал капсюль. Раздался выстрел, и головной танк противника окутался дымкой. Два других повернули обратно, за ними в панике улепетывала немецкая пехота.

В один из этих незабываемых дней наша батарея вела огонь по противнику. Батарейцы весело переглядывались: «Дает фрицам жизни!»

Сокрушающий огонь нашей батареи сметал все на пути. В чем дело? А дело было в простом — огонь советской батареи корректировал бесстрашный сержант Аймурадбеков. Он забрался на верхушку сосны и зорко следил за разрывами. Долго искали немцы, где укрылся наш корректировщик. Когда они догадались, то открыли по нему огонь, но Аймурадбеков не ушел с наблюдательного поста. Он неустрашимо выполнял свой воинский долг до тех пор, пока немцы не были разгромлены...

Храбро и неустрашимо ведут себя в боях артиллерийские разведчики младший лейтенант Кондратенко и красноармейцы Андрианов и Дюков. Они четыре раза пробирались в тыл врага, отыскивали его огневые позиции и давали указания нашим артиллеристам. Метким огнем артиллеристы сокрушительно били по немцам.

Широкое поле простиралось впереди. Справа—кочковатое торфяное болото. Сизый дым тянулся по унылой оснеженной равнине от горящих холмиков торфа. На широкое поле выползли шесть немецких танков. Командир подразделения и сапер ефрейтор Акулов стояли под елью. Заслышав гул, ефрейтор поднял голову, всмотрелся в оснеженный простор и перевел взгляд на командира:

— Они намереваются контратаковать. Разрешите?

Командир молча кивнул.

Акулов ушел в простор, в снега. Он все видел, оставаясь невидимым для врага. О замеченном он немедленно докладывал...

Враг не прошел. Его поджидали, окружили и четыре дымящихся немецких танка остались среди равнины. Успели удрать только два...

Мы записали отдельные эпизоды боя, но они составляют одно целое — проявление единой воли, единого стремления. Часть ведет бой, и воины горят одним стремлением уни-

чтожить врага. От края до края фронта идет ожесточенная схватка, дымятся поля и рушится лес. И среди хаоса и смертоносного огня рождаются герои и их дела.

8. Молодые бойцы вступают в комсомол

Идут дни и длится бой. В передовых рядах штурмующих советских колонн идет молодежь. Она показывает образцы мужества и отваги. Ленинградский комсомол воспитал беззаветных патриотов Родины, бесстрашных советских богатырей. В дни горячих схваток, как никогда, молодежь тянется в ряды ленинско-сталинского комсомола. В боевом подразделении, в котором секретарем комсомольской организации тов. Сороковой, за три дня боев поступило 87 заявлений. На помятых и наспех написанных документах видны следы боевой страды. Пламен и жгуч язык этих заявлений. Вот выдержка одного из них. Пишет сержант Жуков:

«На фронте у меня было восемь родных братьев. Двое из них погибли в борьбе с ненавистным врагом. В бою отомщу немцу за Родину и погибших братьев. Прошу принять в ленинско-сталинский комсомол».

Скупы и предельно просты приведенные строки, но сколько беззаветной любви к Родине и ненависти к врагу звучит в них!

9. Ненависть и месть!

Одно неугасимое чувство охватило всех, — ненависть, святая ненависть к врагу! Она ведет советских воинов вперед, воодушевляет их на подвиги. Ненавистью к немцам дышит осквернённая наша земля — вспаханные снарядами поля, пепелище когда-то цветущих и радостных селений взывают к мести. Ненавистью зажглось и горит сердце советского ребенка. Мы находимся в роще, где огневой шквал рушит мачтовые сосны и сокрушает звонкие ели. Под этим несмолкаемым огнем орудий, среди елочек крохотная палатка. Четыре человека могут вползти в нее и улечься в ряд. Ветер гуляет в палатке, в брезенте зияют дыры, их сделали осколки мин. Гуляет ветер и трепетно колеблется пламя тонкой восковой свечи. Идет бой и в эту палатку то и дело вползают с донесениями связисты. Начальник политотдела внимательно выслушивает их и отдает короткие, скупые приказы. В эти часы здесь все просто, как просты под звуки канонады и визг мин — жизнь

и смерть. И вот начальник политотдела вскрывает конверт. Пишет ему из далекой Татарии, из села Цильна маленькая-маленькая школьница Нелли Дзюбенко. Она часто пишет письма Якову Ивановичу. Первое письмо ее пришло с подарком и с тех пор возникла переписка. У Нелли на фронте погиб отец — Герой Советского Союза Дзюбенко. Она любила отца и теперь всю неистраченную дочернюю любовь

Советский богатырь — Гвардии младший лейтенант МИХАЙЛОВ. В боях на левом берегу Невы в рукопашной схватке уничтожил из автомата 21 фашиста и 4 фашистов убил кулаком

перенесла на сурового Якова Ивановича. И вот в разгар боя, в палатке, при неверном свете восковой свечечки начальник политотдела читает: «Дорогой дядя Яша, не забывай меня. Мне будет это больно. Я часто-часто вспоминаю отца и думаю: — дядя Яша, отомсти за него. Убей немца!..»

Гневом и глубокой ненавистью дышат строки детского письма. Горе осиротелой девочки взывает к мести.

Ненависть — святое слово. Ненавистью к врагу дышат наши воины. Они не переносят его вида, его смрадного дыхания. Ярость и гнев их понятен. На бивуаке в роще «Сирень» к нашему костру приполз раненый ефрейтор Николайчук. Он рассказывал нам, губы его запеклись, а глаза жгли, как раскаленные угли в костре:

— Вон видите овражек! Там немцы, и после боя остались наши тяжело раненые бойцы. Я лежал в кустах среди хлама и видел все. Немцы обнаружили наших раненых и стащили в одну кучу. Они свалили их на дрова и живьем сожгли. Я все видел. Перевяжите мне раны и я пойду.

— Куда ты? — усадили мы его к огню. — Куда ты?

— Нет, я пойду с вами! Я отомщу...

Разве можно было ему отказать в его законной просьбе? Если бы даже он ослеп и не видел врага, то глазами своего гневного сердца, чутьем он отыскал бы немца и сокрушил бы его.

Разведчики младшего лейтенанта Александра Соколова с боем вошли в рощу «Мак». Здесь вдоль узкоколейки немцами были вырыты ямы глубиной по грудь — пулеметные гнезда. И немцы вели ожесточенный огонь, задерживая продвижение нашей пехоты. Тогда Александр Соколов подобрался к одному пулеметному гнезду. Он бил врагов и уложил их всех, кроме одного. Этот один — высокий и рыжий немец, расстреляв все патроны, вдруг поднял руки и закричал.

Пленные немцы вызывают чувство омерзения и брезгливости. Они резко делятся на два типа: одни либо тупы и молчаливы, другие трусливо лебезят. Вот перед нами захваченный в плен старшим лейтенантом М. Мисоченко и его связным Фроловым немецкий ефрейтор из полицейской дивизии «СС» — Вильгельм Пейч. Он угрюмо молчит, смотрит исподлобья, как затравленный волк. Он грязен, неопрятен и небрит много дней. Как две капли воды он походит на бандита с большой дороги. На самом деле он и есть бандит. На все вопросы он твердит одно:

— Германия победит.

Это вызывает улыбку у красноармейцев.

Второй пленный, солдат 96-й пехотной немецкой дивизии Ганс Фишер дрожит и лебезит.

— Капут Гитлер, капут! — беспрестанно повторяет он.

И когда он узнает о победе советских войск, он услужливо предлагает:

— Возьмите меня на Берлин?

Как на первого, так и на второго красноармейцы смотрят с нескрываемым презрением.

— Бандитская сволочь в дружки набивается, — возмущенно говорят они.

Ярость и ненависть переполняют сердца наших воинов. Ярость и ненависть ведут их вперед. И как ни отчаянно сопротивляется враг, он будет сломлен и растоптан.

В лесах Приладожья еще гремят раскаты ожесточенной битвы, но исход ее предрешен. Его предрешили жгучая ненависть наших воинов к врагу и неудержимая жажда мести за поруганную отчизну.

Победа за нами!

Капитан А. МИХАЙЛОВ
Лейтенант В. ВАСИЛЕВСКИЙ

НАСТУПАЕТ ПЕРВЫЙ БАТАЛЬОН

1

В этот день бойцов первого батальона навестили ленинградцы. В мелкодонном овраге, на снегу, прислонившись к стволам сосен, сидели красноармейцы. Невысокая, худощавая женщина в полушубке и белом, пуховом платке, Зарубинская рассказывала им о злой зиме прошлого года, страданиях ленинградцев. Она говорила тихо, медленно. Изредка она замолкала: так мучительны были воспоминания, что судорога перехватывала горло...

Неожиданно к Зарубинской подошел лейтенант, приложил руку к мохнатой, запорошенной инеем шапке, сказал что-то негромко.

— Ну, и я ведь об этом толковала,—улыбнулась радостно она. — Тут все к одному. Желаю боевой удачи, товарищи!

И звонко разнеслась по перелеску команда:

— Ста-нови-ись!

Вскоре по узкой военной дороге шел первый батальон к передней линии фронта. Размеренно шагали бойцы. На волокушах везли минометы и станковые пулеметы. Сытые кони тянули сани, груженые боеприпасами и продовольствием. И блики холодного зимнего солнца радужно горели на остриях штыков.

2

В канаве, на северной опушке рощи «Лилия» лежали командир батальона Банников и его заместитель по политической части Гайк Мелконян.

— Ну, обстановка прояснилась,—задумчиво сказал Банников. — В лесу артиллерия не развернется. А у немцев вокруг поселка — дзоты и капониры. Смекаешь?

И было решено пробить брешь в кольце немецкой обороны огнем минометов и противотанковых ружей. Было решено в лесном бою, там, где не могут стрелять прямой на-

водкой пушки,—послать вперед сквозь бурелом и завалы бронебойщиков Воротняка. А минометчикам Доронина надлежало могучим огневым ударом ошеломить схоронившихся в поселке немцев, ошеломить, искромсать и втоптать в землю.

Хрипло пищали телефоны. Проворно шныряли среди деревьев, увязая в глубоком снегу, связные. Рота Калугова выдвинулась на правый фланг и залегла во рву. Батальон был готов к бою. И скоро грянул бой!

Бойцы-бронебойщики направляются на передовую

Диковинной жар-птицей взлетела в небо ракета. И разом та тревожная тишина, которая бывает только на войне, сменилась лязгающим и воющим грохотом пальбы.

По приказу капитана Банникова минометчики вышли на опушку, опередив стрелков. Дальше—мелколесье, поляна и поселок, а в нем немцы. В этом решительном броске—не только смелость. Командир желал наперекор тому, что нет артиллерии, захватить в предстоящем бою огневую инициативу. А немцы открыли шквальный огонь из минометов и 30 пушек. Бушевал в лесу ураган: падали подкошенные взрывами сосны. Но уже был занесен огненный меч над поселком, ослепительно сверкнул и врезался в нутро вражеских укреплений — то грянул залп приданной батальону

минометной батареи Доронина. Тысячу триста мин обрушили на поселок минометчики и багровое пламя поднялось над домами; заметались, забегали фрицы и замертво валились на снег.

А в это время бронебойщики приданной роты ПТР ползли по сугробам, словно огромные белые ящерицы. Красноармеец Ащенков пробрался по чаще леса на фланг, не простреливаемый из немецкой дзот, и уничтожил ее. Чернышев верными выстрелами вогнал три бронебойно-зажигательных пули в двухамбразурную дзот, и захлебнулись немецкие пулеметы. Лейтенант Воротняк сам поджег две дзот.

И ослабевал, — волна за волной — опадал, затихал огневой отпор врага.

— Ну, время к атаке идет,—сказал капитан Банников.— Слава бронебойщикам! Слава минометчикам!

И тут грянуло рядом да так оглушительно, что, почудилось — это сама земля завыла от нестерпимой боли. Капитан прислонился к стенке канавы и плотно зажал рукою кровоточащую рану.

— Эх, неужто отвоевался,— горестно вздохнул он.— Делать, однако, нечего, — командуй батальоном товарищ Мелконян.

Пронзительно запищал полевой телефон, и Доронин доложил, что немецкие автоматчики обошли с трех сторон минометную батарею.

3

Ранен сержант Соловьев. Ранен красноармеец Новиков. Ранен старший сержант Жуков. Но ни слова жалобы не вырвалось из их побелевших уст. Лежали в снежных окопах и били в упор по наседающим немцам.

— Мы отсюда никуда не уйдем!—сказал минометчик Полудин.—Где мы—там и Ленинград! А кто покинет родимый город?

Доронин и не помышлял о том, что минометчики отдадут врагам рубеж. Томила командира другая забота: близок срок атаки и важно не ослабить огневой напор. Крепко били немецкие автоматчики, но это была шалая, неприцельная стрельба. И мужество не покинуло бойцов Доронина.

— Держишься?—спросил по телефону Мелконян.

— До последнего вздоха,—сказал Доронин.

Отогнали, истребили немцев минометчики. Снова дружными залпами принялась батарея дробить твердыню неприятельской обороны.

Мелконян подал сигнал, и штурмовые группы пошли на немецкие дзоты. Рядом с ними двигались бронебойщики. За корневищами огромного дерева укрыл расчет своего ружья Чернышев. Фашистские минометы били из-за лесной сторожки. Три выстрела. И жаркое пламя охватило сторожку. Немцы бросились к поселку, но им перерезали путь бойцы лейтенанта Павлова и многих уложили штыками и пулями и тридцать восемь фрицев взяли в плен.

Уже взвод Кондрашева блокировал и уничтожил две дзот. Уже ползли по поляне стрелки Калугова и Ракова. Красноармейца Филатова пуля опрокинула в снег. Он приподнялся, крикнул:

— Вперед, ребята! Бейтесь до последнего фрица!—встал и, превозмогая боль, побежал на врага, не выпуская из рук винтовки.

Штурмовики старшего лейтенанта Иванова осадили двухамбразурную дзот. Они самоотверженно сражались и погибли честно и храбро, как подобает солдатам; раненый Иванов распростерся на заалевшем от крови снегу. Но немецкая дзот рухнула, вздыбленная разрывами противотанковых гранат.

В тот час сообщили Мелконяну, что соседи справа — стрелки Мандрыкина, захватили фланговый опорный пункт немцев. Пора и ему было покинуть узкую канаву у леса и вести свой батальон в атаку.

— Товарищ командир, гляньте-ка! — изумленно сказал связной Анисимов.

Капитан Банников и старший сержант Петрусов, обнявшись, тяжело, неуклюже ступая по дороге, шли к канаве.

— Что ж, Гайк,—твердо вымолвил капитан,—ноги мои еще ходят, глаза мои врагов еще видят! Негоже мне лежать в лазарете.

Голова Петрусова была обмотана окровавленным бинтом.

— Ленинград-то весь пораненный был, — сказал он, — а выстоял! Разрешите вернуться в роту, товарищ командир!

Мелконян выпрямился, сердечно приложил руку к груди.

— Братья...

Но не было у него времени для задушевного разговора.

— Атака!—приказал он, и полетели золотокрылыми соколами ракеты в вышину. Вскоре «ура» заглушило пулеметную трескотню; рванулись вперед стрелки, ринулись на немцев, словно речной ледоход, и не было в мире силы, чтобы остановить этот рывок вперед.

— А правый фланг?—спросил Банников.

— Я выставил заслон,—сказал Мелконян,—автоматчики, станковые пулеметы. Я за правый фланг не боюсь. У меня теперь одна дума: разведать огневые точки немцев в поселке...

Они сидели в блиндаже и пили чай. Капитан бледный, утомленный держал на коленях карту. «Ай, ай, совсем ослаб»,—горестно думал Мелконян и сердито просил командира уйти в госпиталь.

— Ты не ругайся,—миролюбиво отвечал капитан.—Я уж и позабыл о ранении. Сейчас придет офицер связи от Мандрыкина. Побеседуем.

Батальон стремительным штурмом захватил в лесу рубеж немецкой обороны и вышел к окраине поселка. Бойцы отрывали снежные окопы, чистили винтовки и пулеметы. Начальник тыла Багно доложил, что ужин — щи и рисовая каша—доставлены в роты, боеприпасы подвезены. Позвонил Доронин: минометчики заняли скрытную и выгодную позицию. Ночь проходила над приневскими берегами, военная ночь с золотыми звездами в небе и одинокими выстрелами на земле...

Наконец Мелконяну удалось уговорить капитана пойти в полевой госпиталь. Он обнял, поцеловал друга и проводил его до дороги. Вернувшись в блиндаж, он вновь взял карту. Он знал, что поселок—центральный утес немецкого узла сопротивления—надежно укреплен. Пленные рассказали, что в нем 20 дзотов и капониров и не менее 30 орудий. Но где расположены огневые точки немцев? Этого Мелконян не знал, а он должен был точно узнать об этом еще ночью, до начала боя. Он не имел права действовать завтра на авось, вслепую. Разведка? Немцы отгонят ее огнем автоматов. Пленный? Он может соврать. Тут он вспомнил о противотанковых ружьях и велел позвать Воротняка.

...А старший лейтенант Иванов еще лежал, истекая кровью, в двадцати пяти метрах от немецких траншей. И рядом с ним—раненый лейтенант Моисеенко. Три раза пытались проползти к ним санитары, но плотный пулеметный огонь отгонял их.

— Терентьев,—сказал Мелконян старшему сержанту,—помнишь слова Суворова?

— Сам погибай, а товарища выручай! — ответил тот.

— Иди,—приказал Мелконян.

И Григорий Терентьев ушел в ночную темь...

Непрерывно звонили телефоны, приходили связные из рот. Мелконян спрашивал: накормлены ли бойцы, выставлены ли дозоры на флангах, читают ли агитаторы свежие газеты красноармейцам, смазаны ли пулеметы, сушат ли у костров портянки и валенки, ведут ли командиры рекогносцировку? Он отдавал короткие, но точные приказы. Потом пришел Воротняк.

А Терентьев и связной Оленин ползли, глубоко зарываясь в снег, к немецким траншеям. Они пробились сквозь огонь, они отыскали и, бережно подняв на руки любимых отцов-командиров, вынесли их с поля боя и благополучно доставили на санитарный пункт...

Мелконян решил провести огневую разведку. По его приказу бронебойщики Воротняка выползли за линию нашего боевого охранения и открыли неприцельный огонь. Немцы увидели яркие вспышки выстрелов, ничего не поняли и подняли бесшабашную стрельбу трассирующими пулями из дзотов. Ротные наблюдатели и Воротняк в это время «засекали» вражеские огневые точки.

К рассвету Мелконяну принесли схему огневой защиты поселка. В последний раз он поговорил подробно, вдумчиво с соседом Мандрыкиным, которому надлежало утром нанести по поселку фланговый удар. Радостной вестью для Мелконяна был рапорт Терентьева, что командиры Иванов и Моисеенко спасены. Затем он позвонил подполковнику и рассказал ему о плане предстоящей операции, внимательно выслушал указания и советы.

Светлело небо на востоке. Спали в наспех отрытых землянках, шалашах и палатках бойцы. Не спали только часовые, наблюдатели, повара, телефонисты. И Мелконян сидел у воткнутой в горлышко бутылки свечи, разглядывал карту. О многом надо было ему подумать, чтобы встретить первый луч солнца спокойно, уверенно, весело.

5

Утренний бой начали минометчики Доронина. Они бросили на поселок тысячу пятьсот мин. Накалились до красна стволы минометов, бойцы швыряли на них пригоршнями снег. Огневой удар минометной батареи буквально расплющил немецкие траншеи и артиллерийские позиции. Вновь храбро шли рядом со стрелками бронебойщики Воротняка и выживали фашистов из дзотов. Батальон сражался своим огнем и это было самым главным. Внезапно немецкие ми-

нометы остановили густой волной огня роту Ракова. «Маневрируй!»—крикнул Мелконян в телефонную трубку Доронину, и лейтенант Ивченко с расчетом миномета прокрался по балке к вражеской батарее. Двадцать мин выпустил его миномет и четыре немецких миномета были разбиты.

...Нет, не улежал в полевом госпитале капитан Банников. Опираясь на палочку, брел он по тропинке. Сердце воина не знает покоя. Шел к своему батальону Банников и у самого командного пункта осколок немецкой мины вторично ранил его.

— Не судьба, — вздохнул он и попросил у санитара махорки. Увезли на волокуше капитана. Так и не довелось ему повидать Мелконяна и бойцов в это утро...

Разгоралось пламя битвы. Рота Голубева уцепилась за окраину поселка и начала выбивать гитлеровцев из домов. Старший сержант Горелов гранатой и штыком беспощадно крошил пруссаков. Бойцы Ракова храбро бились в немецких траншеях.

Подполковник сообщил Мелконяну, что подразделение Махиненко на левом фланге перерезало железную дорогу и вышло в тыл поселку. И добавил:

— Встречай командира батальона. Косарь. Знаешь?

— Поработаем!—просто сказал Мелконян.

А на правом фланге шли в наступление бойцы Мандрыкина. Немцы были вынуждены рассредоточить свой огонь на три стороны. Это и погубило их. Когда пришел старший лейтенант Косарь, то Мелконян передал ему управление батальоном и пошел к минометчикам. Батарея Доронина била залпами. Это был молот огромной огневой силы. Рота Калугова напоролась на немецкие пулеметы. Наблюдатели передали целеуказания. «По пятнадцать мин, беглым»,—приказал Доронин. Группа автоматчиков собиралась за развалинами домов. Контратака? — Не выйдет! И сюда хлестнула батарея Доронина. Мелконян умело переносил залпы минометов на наиболее опасные участки боя.

Счастьем наполнилась душа его, когда услышал бурное, восторженное «ура». Батальон ворвался в деревню. Немцы выбегали из траншей и подвалов. Их кололи, глушили гранатами, били в упор. Наступила тишина. Тишина победы опустилась на дымящиеся развалины поселка.

Со всех сторон вели к Мелконяну пленных. Оборванные и грязные фрицы, воровато озираясь, ползли, как крысы, по дороге. Триста пленных. Захвачено 30 орудий. Склады с боеприпасами и продовольствием.

— Бей немцев!—гневно вскричал сержант Горелов и вскинул автомат.

— Отставить!—резко сказал Мелконян.

— Командир! Командир!—и Горелов, рыдая, упал на грудь Мелконяну. — Я тебе так верил... Они убили моего брата! Растерзали отца...

— Отставить!—повторил Мелконян.—Слава солдата, милый Горелов,—боевая слава! Сегодня ты храбро сражался. Горжусь тобой. А пленные? Пусть топают в тыл,— с отвращением выговорил он.

6

А немцы еще были в левом поселке, и понимал Мелконян, что важно не дать им опомниться, подтянуть резервы. Он кликнул бойцов и побежал по дороге. Связной Анисимов и Горелов бежали рядом с ним. Тут уже не было расчета на минометный огонь, на бронебойщиков, на пулеметы. Тут разгулялась на поле боя русская удаль, воинская смелость.

Бежал Мелконян к поселку, и не так уж много было у него бойцов, но вела их путеводная звезда отваги. Не выдержали фрицы, оторопело метнулись в лес, но их настигли и уничтожили. Черная кровь многих фашистов запеклась на штыке винтовки Мелконяна. Пули Горелова без промаха разили пруссаков. Вот где твоя солдатская слава, Горелов! Вот когда ты отомстил за погубленных немцами отца и брата.

Конец. Старший лейтенант Косарь ввел в поселок батальон. По твердому насту Мелконян и его связной Анисимов медленно шли к лесу. Лыжники в белых халатах, легко скользя по сугробам, показались на опушке. Свои?! И через минуту Мелконян обнял, счастливо смеясь, волховчанина майора Мельникова. Анисимов крепко пожал руку незнакомому бойцу Волховского фронта. Из поселка торопились красноармейцы.

7

— Анисимов, скажи мне, давно командир Мелконян в армии? Бывалый, видно, начальник?

—Тю,—протяжно свистнул Анисимов.—Он же секретарь райкома партии. Он — большевик. Только война началась, он и взял винтовку...

Мелконян и Косарь стояли на холме. Крепчайший пот боевой страды покрывал их темные лица. Они стояли на обломках огромной мощной, неустанно из месяца в месяц создаваемой немцами плотины, охватившей Ленинград кольцом блокады. Здесь сомкнулась Большая советская земля с освобожденным городом.

— Доложите подполковнику,—сказал старший лейтенант Косарь,—что первый батальон его приказ выполнил.

Майор В. КАРП

КОМБАТ ФЕДОР СОБАКИН

Дымится пятый поселок. Бой грохочет рядом. На завалинке уцелевшей избы согнулся над картой комбат Федор Собакин. Усталое лицо — в рыжеватой щетине. Рукав тулупа обуглился... Вот уж седьмые сутки батальон не выходит из боя, ожесточенного, кровопролитного, изменчивого. Наше наступление перемежается яростными немецкими контратаками. Седьмые сутки не спит командир батальона. Вчера, в маленьком своем блиндаже пододвинулся он к печурке, сделанной из ведра, и помимо воли своей задремал на несколько минут. Запах тлеющей овчины поднял комбата.

— Вот и хорошо, — пробормотал Собакин, — вроде будильника.

Из рядовых солдат поднялся в офицеры Федор Собакин. Он был красноармейцем, курсантом полковой школы, младшим командиром. В финскую войну командовал ротой. Два с лишним года пробыл Собакин в школе имени ВЦИК, многому там научился, но главный его университет — бой. В бою этот высокий, жилистый, немного угловатый в движениях человек чувствует себя как в привычной стихии. В приказаниях его, в действиях видна и тактическая подкованность и истинная лихость русского солдата. Порой кажется, что Собакин действует наобум, рубит с плеча, на деле же он умеет в бою взвесить все «за» и «против». Он дважды, а подчас и трижды снаряжает разведку, чтобы узнать расположение и силы противника. Но там, где другой стал бы, возможно, обороняться, Собакин приказывает: атаковать! Атака для него—любимый род боя.

Днем 9 января, когда батальон прибыл в район сосредоточения и бойцы расположились отдыхать, Собакин вместе с командирами рот и взводов отправился к берегу Невы на рекогносцировку местности. Собственными руками командиры сделали зарубки на деревьях, поставили небольшие вешки. Эти знаки указывали, где, какое отделение ринется на невский лед.

Как раз в эту пору в батальон прибыл Ворошилов. О[н] узнал, что комбат на рекогносцировке и сказал, что вызывать его не нужно, а только записал в книжечку фамилию

Гвардии капитан Ф. СОБАКИН, награжден орденом Суворова 3-й степени

Собакина. Маршал беседовал с бойцами, отпробовал каши из красноармейского котла. Заместитель командира батальона Шелепа заверил Ворошилова, что батальон будет первым в прорыве блокады.

В 7.20 12 января батальон занял исходное положение. Наблюдательный пункт Собакина находился на берегу

Невы, впереди штаба батальона. Разрубленные корни деревьев торчали из стенок землянки. Тут же, на НП разместились командир артиллерийского дивизиона Сыроедов и командир батареи Козлов. Весь батальон вместе с приданными средствами был как бы собран в кулак. И когда раздался условный залп, когда вслед за ним, сотрясая все вокруг, слились в бешеном гуле тысячи орудийных выстрелов, Собакин стал нервно следить за часами.

— Штурмовым группам приготовиться! — передал он в штаб. — Основная волна ждет!

Начальник штаба передал приказ в роты. Люди, как наэлектризованные, готовились к броску. Каждый выдолбил в стене траншеи ступеньку. И только часовая стрелка достигла нужной черточки, на лед уже высыпали белые халаты. За штурмовыми группами пошла, дыбясь, основная волна. Собакин передал в штаб:

— Выхожу! Вам подготовиться!

Вместе со своим резервом — двумя пулеметными расчетами, отделением ПТР, противотанковой пушкой, стрелковым взводом и отделением обслуживания — комбат выскочил на лед. Он видел, как его правофланговая блокгруппа зацепилась за левый берег реки и поползла вверх. Весь батальон пробежал Неву за четыре минуты. На самых удачных батальонных учениях не получалось такого стремительного, отточенного и грозного прыжка.

Мимо ревущих фонтанов льда, вздымаемых немецкими снарядами, мимо трупов двигался Собакин к боевым цепям батальона. Рядом, то справа, то слева, появлялся худощавый связной Пасека, любимец комбата. Телефонисты тянули провод. Рацию, которая связывала Собакина с полком, разбило миной, но вскоре заговорила новая рация. Батальон уже миновал первый ряд траншей, откуда немцы в панике бежали, и, ворвавшись во второй ряд, колол, расстреливал фашистов.

Через цепочку связных и по телефону комбат связывался с ротами. С левого фланга донесли, что в траншеях накопились немецкие автоматчики числом более взвода. Боевые порядки нашей роты ушли вперед.

— Не беда! Два пулемета на фланг! Сам двигайся вперед! — торопил Собакин комроты Михайлова и тут же приказал части своего резерва обойти немецких автоматчиков. Пасеку комбат послал ознакомиться с обстановкой на месте.

В центре по батальону била неподавленная батарея трехорудийного состава. Она спряталась в лесной опушке перед

Беляевским болотом. По коду Собакин запросил у командира артдивизиона Сыроедова 10-минутный огневой налет. Бойцы шли вплотную за огневым валом и выросли из разрывов, как привидения, перед трясущимися немецкими батарейцами. Батальон захватил орудия и переколол расчеты.

В это время к Собакину принесли раненого Пасеку. Связной долго бежал с простреленной ногой, в горячке боя не слыша боли, но упал, и его подобрали. Пасеку несли

Гвардии младший лейтенант ГОНЧАРОВ П. А. (слева) и Гвардии ефрейтор ПОДСТАВКИН П. И. корректируют огонь батареи

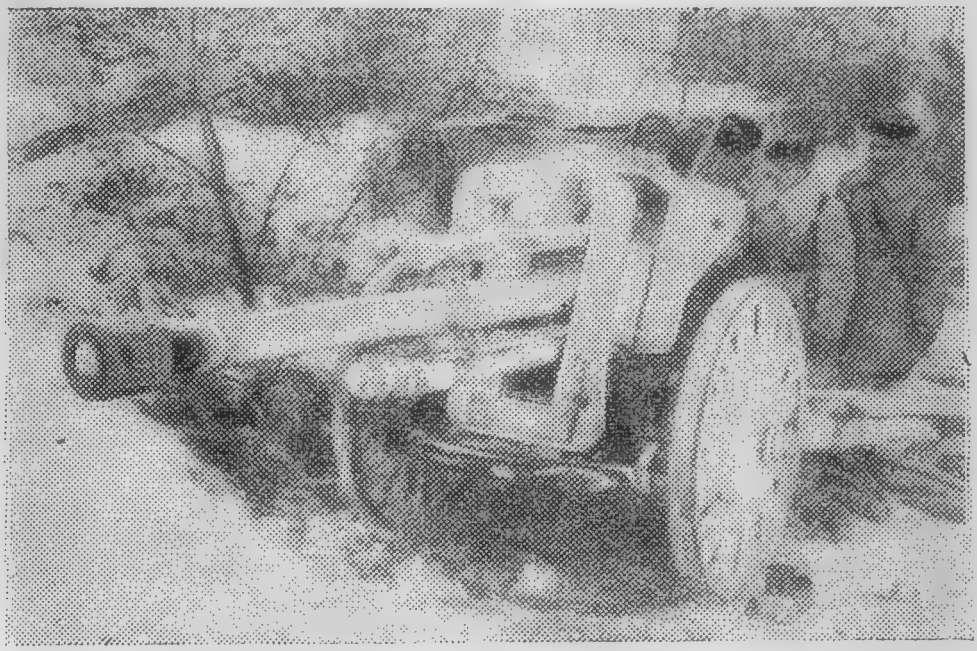
в медсанбат, а он кричал, что должен явиться к своему командиру и доложить обстановку... Немецкие автоматчики на левом фланге попали в огневую ловушку: между пулеметами роты Михайлова и автоматным огнем резерва комбата. Они уничтожены... Все до одного!

— Что и требовалось доказать! — удовлетворенно заметил Собакин.

Надвигалась ночь. Батальон вырвался за Неву на четыре километра. Комбат пошел в роты, восстановил боевые порядки и приказал с рассвета снова наступать.

По пять и шесть раз в сутки переносил Собакин свой наблюдательный пункт — то в блиндаж, брошенный нем-

нами, то в щель, то в воронку от снаряда. Он час за часом видел поле боя, осязал бой во всей его быстротечности, со всеми его хитросплетениями, и поэтому мог управлять боем. Утопая в снегу, продираясь через лес, отбивая то и дело яростные контратаки врага, батальон шел вперед. Тысяча немецких трупов полегла на его пути. 160 отборных рыжих немцев бойцы Собакина взяли в плен, захватили тридцать складов с боеприпасами и продовольствием, двадцать восемь орудий, шестьдесят тысяч снарядов.



Тяжелое немецкое орудие, захваченное гвардейцами

На шестой день боя батальон Собакина вошел в рощу «Ромашка» и вскоре вновь двинулся вперед, стараясь оседлать узкоколейную железную дорогу за поселком № 5, но попал под губительный огонь немцев. Собакин приказал ротам окопаться в снегу. Он распорядился выдать бойцам горячей пищи и водки и тут же, не теряя ни минуты, выслал отделение сапер на разведку к полотну железной дороги.

Комбат узнал о том, что командование собирается отвести батальон на отдых. Многодневное напряжение боя дало себя знать. Люди устали. Немалые потери понес батальон. Но весть о близком отдыхе не обрадовала, а огор-

чила бойцов. Наступательный порыв овладел сердцами людей. Физическая усталость, тяготы боевой обстановки, свирепые морозы, сон на снегу — все это не только не надломило дух красноармейцев, а наоборот, до предела разожгло их злость к врагу. Освободить великий Ленинград! — этот клич был у всех на устах, он стучал в крови, он рождал презрение ко всем невзгодам и к самой смерти. Бойцы Собакина жаждали — чего греха таить — чтобы именно их батальон первым соединился с волховцами.

Комбат Собакин, полный неуемной энергии, искал щель в обороне немцев. Вслед за саперами он выслал вторую группу разведчиков в тыл фашистам. В два часа ночи из роты Михайлова ушла третья разведка. На рассвете командир батальона знал силы противника, его огневую систему. Вот здесь, в снежных окопах у железной дороги, залегла немецкая пехота. В рощах с флангов — крупнокалиберные пулеметы. В створе наших боевых порядков, в подбитом танке — фашистские автоматчики. Так до клочка была разгадана вражеская оборона на участке батальона. Комбат решил наступать в направлении безыменной рощицы, которую сам он назвал «Палец». Время атаки 8.00. Условный сигнал — «Волна».

Лес гудел. Все было напоено боем далеко вокруг. Справа и слева дрались, сокрушая врага, другие наши батальоны и полки.

— Волна! — объявил Собакин. Артиллеристы по заявке комбата дали неподвижный заградительный огонь по роще «Палец» и железной дороге, чтобы немцы не могли подвести резервы. Батальон ринулся вперед.

Слева поднялась контрударная группа немецких автоматчиков. Она была скошена нашим пулеметным огнем. Из оврага пошла в контратаку вторая группа фашистов. Сквозь огонь рвались вперед бойцы Собакина. Огрубевшими, вздутыми от мороза руками сжимали они свои автоматы, тащили пулеметные салазки, хриплыми голосами кричали: «Ура», «Вперед!», «Свобода Ленинграду!» Лихим прыжком батальон оседлал железную дорогу. Через несколько минут сюда подошел батальон Демидова—с Волховского фронта.

Так, здесь, у этого вот овражка, у этой занесенной снегом железнодорожной насыпи, окончательно надломилось и стало крошиться, расползаться кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Михаил ДУДИН

ГЕРОЯМ

Я славлю вас, в дыму и громе стали
За родину встающих, как гора,
Стремительных и яростных баталий,
Атак и наступлений мастера!

Я вспоминаю: ночь была свинцова.
И день пришел, как ночь, тяжел и хмур.
Я вижу снова Митю Молодцова,
Заткнувшего глазницы амбразур.

На пулемет без трепета и крика
Он навалился. И задохся враг!
... Проходит с боем командир Заика
Сквозь семь остервенелых контратак.

И вижу я, как, надвигаясь, снова
Косит и мнет врагов наверняка
Огонь из автоматов Пирогова,
Неумолимый танк Осатюка.

Бей немца, бей! И не жалей патронов!
Пусть падает на землю и хрипит.
И славный асс Василий Харитонов
Двадцатый добивает «Мессершмитт».

Туман и дым. Чертовская погодка.
Снег почернел, осыпался, обмяк...
И вот идет, я вижу по походке,
Мой командир — товарищ Симоняк.

Он с нами был — и мы, как сталь, стояли.
Он звал вперед — мы выбились туда.
Мы никогда, нигде не отступали,
И, верю, не отступим никогда!

Метут снега... И ходят тучи рваны,
Земля гудит в пороховой пыли.
Я славлю вас, солдаты-ветераны,
Богатыри своей родной земли!

Капитан И. ФРАНТИШЕВ

АВТОМАТЧИКИ

Поздним вечером, когда в землянке остались лишь ротный Сергей Перевалов и его заместитель по политчасти лейтенант Набоко, писарь Федор Бархатов громко кашлянул и нарочито зашуршал бумагами. Перевалов обернулся и недовольно посмотрел в его сторону.

— Ты что шумишь? — спросил ротный.

— Разрешите обратиться по личному вопросу, — молодцевато отчеканил Бархатов.

— Опять за старое? — уже улыбнулся ротный. — В бой, небось, хочешь?..

— Сердце не позволяет этим делом заниматься, — указывая на разложенные ведомости, обиженно продолжал Бархатов, — или я не такой как все? В финскую войну пулеметчиком был, на Ханко в разведку ходил и восемь лахтарей прикончил. А тут сиди и пиши. Мне, товарищ ротный, кости поразмять хочется, с немцами всерьез поговорить. А сил у меня предостаточно. Эх!..

И он глубоко вздохнул, до треска в костях расправляя широкие плечи.

Тихо стало в землянке. Облокотившись на стол, пристально смотрел на мигающий язычок каганца ротный. О чем он думал — о просьбе Бархатова или о завтрашнем наступлении?..

— Я его с собой возьму, — оборвал молчание лейтенант Набоко. — А писаря подберем из новичков...

— Что же, не возражаю, — согласился командир роты.— Посмотрим у тебя в бою почерк...

И младший лейтенант Перевалов, тряхнув головой, не раздеваясь, прилег на короткие нары. Набоко, поправив каганец, сел писать письмо. Федор, накинув полушубок, вышел из блиндажа.

Лениво текла звездная январская ночь. Над лесом, выхватывая из тьмы запорошенные деревья, полыхали то багровые, то зеленые немецкие ракеты. Непрестанно ворчала

нервная дробь тяжелых пулеметов, как бы напоминая, что враг где-то рядом.

Приоткрыв скрипучую дверь, Бархатов нырнул в просторный блиндаж. Красноармейцы сидели на нарах, на полу у чадящей буржуйки. Кто чистил автомат, кто перезаряжал диск, а кто просто еще не ложился спать...

Нет ничего томительнее ожидания перед боем. О чем только не передумаешь, какие мысли не полезут в голову! И прошлое зашевелится в памяти, и о будущем загадаешь. Удастся ли вновь побывать в родных местах, не повернется ли спиной солдатское счастье?..

Бой предстоял серьезный. Об этом знал и думал каждый. Немец тут, на Неве, глубоко корни пустил, в землю с головой врос. Попробуй — выковырни его. За всякий бугорок цепляться станет, ни одного вершка без боя не отдаст.

— И все-таки мы его побьем, — говорил сержант Дорофеев, — из земли достанем, и в землю вгоним. Верно, Бархатов?

— Не перепрыгнув речки, не говори гоп, — отшутился Федор.

Он хорошо знал и уважал парторга роты Дмитрия Дорофеева. Этот, уже немолодой, вологодский крестьянин на фронте чувствовал себя как в родном хозяйстве. Любая работа кипела у него в руках. Блиндаж строить — у него всегда умный совет находится. В разведку итти, опять лучше его никто к немцам не подползет. И из автомата стрелял, как никто другой.

— Нашел у кого спрашивать, — сказал кто-то, сидевший в темном углу.

Бархатов узнал голос Ивана Ракова.

— И верно, — согласился Дорофеев. — Он у нас воюет...

— Кончилась моя писарская карьера, — не вытерпел Федор. — А завтра посмотрим, что и как...

* * *

Рассвет застал Набоко и Бархатова в траншее у Невы. Федор наблюдал за левым берегом и докладывал обо всем замеченном лейтенанту. А тот сообщал по телефону на командный пункт.

— У сломанной березы три немца волокут бревно, — сообщал Бархатов.

Не отрывая глаз от согбенных немецких фигур, он вспомнил вчерашний разговор и, не оборачиваясь к Набоко, заговорил уже о своем, о передуманном в долгие месяцы солдатской жизни.

— Писарем, конечно, спокойнее. Сиди и пиши. Только не такая у меня натура. Я полсвета объездил, Арктику вдоль и поперек на тральщике исходил. Матросом был, мотористом, третьим штурманом. Привык к беспокойству. А тут сиди и пиши. Да притом, сильно зол я на немцев. За Ленинград, за свою семью. Отец и мать на старости лет покоя не знают. Отправились из родного Ленинграда неизвестно куда. Мы с братом Борисом — он во флоте служит — от них уже давно вестей не имеем...

Грохот артиллерийской канонады помешал Федору продолжить рассказ. Задрожала земля. Левый берег заволокло дымом. Началась артиллерийская обработка вражеского переднего края. Бархатов видел, как на левом берегу вздымаются к небу огромные столбы огня и черного дыма, падают деревья, летят вверх обломки кирпича и бревен. А вскоре все левобережье заволокло мутной до непроницаемости поволокой...

Медленно бежало время. Автоматчики, в белых халатах, лежали в траншеях, готовые по первому сигналу соскользнуть с обрыва на лед и ринуться туда, где жалобно дрожит и стонет от снарядов земля...

Сергей Перевалов, молчаливый и сосредоточенный, был сейчас особенно озабочен. Успех зависит от быстроты и стремительности первого броска. Чем скорее автоматчики сблизятся с немцами, тем больше шансов на успех. Немец привык воевать издали, а когда дело доходит до ближнего боя, до рукопашной схватки, он бежит без оглядки. И тут его надо гнать без роздыха, бить со всего плеча.

Ослепительно белая ракета прочертила хмурое, плотно завешенное грузными тучами небо. Ротный крикнул:

— Вперед, за Ленинград!

...Федор Бархатов бежал рядом с лейтенантом Набоко. Валенки проваливались в снег и казались неимоверно тяжелыми. Лейтенант вдруг споткнулся и упал лицом вниз...

— Товарищ лейтенант, — позвал Бархатов, — уже недалеко...

Набоко не поднимался и не шевелился. Страшная догадка осенила Федора: убит! И он подбежал к Набоко. Сверкающий наст у его головы стал розовым.

Бархатов пощупал пульс. Сердце перестало биться. Тогда, поцеловав лейтенанта в похолодевшие губы, писарь побежал дальше... догонять ушедших вперед товарищей.

На крутой и скользкий обрыв Федор взобрался вместе с Иваном Раковым. Тот, прижав автомат к груди, прочесывал разнесенные огнем артиллерии немецкие позиции.

В передовых траншеях фашистов оказалось мало. Их быстро перестреляли и рота пошла дальше. Перевалов один взвод отправил влево, в обход занятой немцами деревни, а сам с двумя остальными пошел напрямик.

Лейтенант ПОЦЕЛУЕВ. Из ручного пулемета им сбит вражеский бомбардировщик „Ю-88"

Лес глухо дрожал от артиллерийской и пулеметной стрельбы. Резко визжа, проносились осколки снарядов и мин, свистели пули. Но Бархатов этого не замечал. Им всецело овладел азарт боя. Хотелось побыстрее сойтись лицом

к лицу с немцами, и, проваливаясь по пояс в сугробы, горячий и потный он торопливо рвался вперед и вперед...

На опушке рощи, которая вплотную примыкала к деревне, автоматчики остановились. Федор смахнул со лба рукавом халата соленые капли. В просвет между соснами он различал опушенные снегом хаты, заделанные фанерой окна. По улице суетливо бегали немцы. До них рукой подать — каких-нибудь 100—150 метров. Палец невольно потянулся к спусковому крючку.

— Приготовиться к атаке! — услышал он голос стоявшего слева Дмитрия Дорофеева. — Передай товарищу.

— Приготовиться к атаке! — сообщил Федор Ивану Ракову.

Через несколько минут автоматчики ринулись в деревню. Парторг Дорофеев метнул тяжелую гранату в пулеметный дзот. Из амбразуры метнулся густой дым. А Бархатов, увидев выбежавшего на крыльцо крайнего домика офицера, резанул по нему очередью. Немец свалился с крыльца.

Иван Раков, увидев, что немцы бегут к лесу, бросился за ними.

— И до чего прытки, — сожалел он, — не угнаться.

Рядом раздалось лошадиное ржание. Раков открыл дверь сарая, вывел пегого коня. Вскочив на него, автоматчик устремился в погоню, с хода расстреливая фашистов. Уложил семерых...

Прячась за сараями, навстречу автоматчикам бежали два немца. Один тащил в руке тяжелый портфель, а второй строчил из автомата. Пули просвистели совсем рядом, изорвали маскировочный халат у Дорофеева.

Автоматчики припали к земле. Федор Бархатов, вскинув ППШ, четырьмя патронами прикончил немца. А второй, бросив портфель, поднял руки.

— Сдаюсь, — вопил он, — Гитлеру капут!

Бархатов выхватил у него пистолет, втолкнул немца в блиндаж, подпер дверь бревном и осмотрелся по сторонам. Неподалеку от себя он увидел лежавшего за сараем взводного. Над ним наклонился связной Хитрин. Командир, морщась от нестерпимой боли, спрашивал связного:

— С командованием справишься?

— Не знаю.

— А ты? — задал взводный тот же вопрос подбежавшему Бархатову.

— Есть, принять командование.

Бархатов вывел своих людей к околице, отрезал фашистам пути отхода. За какой-нибудь час наши автоматчики

перебили около восьми десятков немецких солдат и офицеров. Сам Бархатов уложил семерых.

Расположившись в немецких траншеях, Бархатов направил красноармейца Романова к командиру роты.

— Иди и сообщи, — приказал он, — деревня наша. Скажи, захватили четырех пленных, два орудия, много пулеметов и винтовок, склад с боеприпасами. И еще скажи: деревню обратно ни за что не отдадим.

Бархатов отправился осматривать домики. Из подвалов вылезали мужчины и женщины. Седой бородач подошел к Федору, обнял его и крепко поцеловал.

— Припас тебе подарок, сынок,— и он протянул Бархатову бутылку водки.—Полтора года берег. Чуяло мое сердце — придете.

— Не надо, отец,—отказывался Бархатов.

— Не обижай старика,—продолжал крестьянин.—Выпей за победу. Вам еще далеко немцев гнать надо.

Стоявшая рядом со стариком немолодая женщина, бледная, исхудалая, заботливо спрашивала:

— А вы немцев сюда больше не пустите?

— Помни, мамаша,—ответил Федор,—там где ступил теперешний советский солдат, немцу больше не бывать...

Лев СЛАВИН

НАВСТРЕЧУ ЛЕНИНГРАДУ

Снег, снег... Местами на нем кровь и грязь боя, местами он девственно чист. Кое-где ветер смел его, и проглядывает черная торфяная земля. Она густо пересечена узкоколейками, по которым когда-то возили торф.

Остатки леса, прежде могучего. Развалины домов, брошенные немецкие землянки, обломки дзотов. Медленно движутся саперы, выискивая под снегом мины. Пушки не умолкают ни на минуту. До того привыкаешь к этому круглосуточному грохоту, что перестаешь замечать его. Замечаешь только редкие-редкие, короткие мгновенья затишья.

От рабочих поселков, отныне знаменитых, не осталось ничего. Они лишены даже голых печных труб, этой унылой и неизменной приметы военных пейзажей. Жестокая рука боя смела здесь все. Только в поселке № 5 торчат руины завода, разрушенного немецкими варварами.

Всюду валяется брошенное немцами имущество, шинели, краденое барахло, женские кофты, платки. Всюду трофеи— от пушек с маркой «Геринг-Верке» до эрзац-валенок, сплетенных из соломы или выдолбленных из дерева.

Все в нашем наступлении застигло немецких «стратегов» врасплох: и сроки наступления, и размах его, и направление удара. Они отступили в глубину своей сильно развитой обороны. Наши люди показали поистине невиданные примеры героизма.

Перед нами лежит окровавленный комсомольский билет. В нем девять пулевых отверстий. Он лежал на сердце. Девять пуль пробили сердце комсомольца Якова Богданова, когда он телом своим закрыл амбразуру немецкого дзота, когда он сердцем своим прильнул к дулу немецкого пулемета.

Это произошло на глазах всей роты, когда брали населенный пункт. Рота имела задание захватить часть кладбища, опорный пункт фашистов.

Уже были подавлены огневые точки впереди, когда внезапно открыла огонь новая точка, тщательно замаскированная и до того не замеченная. Рота залегла. Это грозило большой задержкой ей и соседям.

Тогда-то Яков Богданов закрыл своим телом огонь дзота. Рота поднялась. За ней другие. Люди, воспламененные героизмом Богданова, с хода взяли опорный пункт.

Таких опорных пунктов здесь, у немцев, много. За долгие месяцы своего сидения здесь они превратили пояс ленинградской блокады в область сплошных укреплений. На многих дзотах, захваченных у немцев, находили объявления, гласившие, что в случае сдачи дзота будут подвергнуты репрессиям члены семей солдат.

И немцы сопротивляются с бешенством обреченных.

Каждый метр этой многострадальной земли, каждую воронку приходится вырывать у немцев ожесточенным боем. Они ставят перед нашими наступающими частями стены шквального огня, казалось бы, непроходимые. Однако наши бойцы находят способы подавить и этот огонь. Ползком они подбираются к дзотам и взрывают их. Пехотинцы делают бросок на следующий рубеж.

В одном из подразделений был убит командир. Тотчас командование принял на себя красноармеец коммунист Андрей Степанов. Он повел бойцов в атаку, восклицая: «За родной Ленинград!» После победоносной атаки Степанов тут же, на поле боя, был награжден медалью «За отвагу».

Не спасают немцев и столь обильные у них минные поля. Подвиги саперов гремят по фронту. Недавно, работая всю ночь, группа саперов во главе с коммунистами Ананьиным и Артемьевым проложила в минном поле широкие проходы для пехоты и танков.

Немецкие части, сидящие волками под Ленинградом,— старые, опытные солдаты. У многих пленных немцев находят ленточки, выданные за первую зиму на Восточном фронте. Здесь стоят и эсэсовские, и полицейские части. Захваченные в плен, матерые бандиты быстро «линяют» и уныло бормочут:

— Пока будет Гитлер, Германия будет воевать. Вот если Гитлера не будет, тогда Германия не будет воевать...

На нескольких платформах немцы приволокли одно огромное дальнобойное орудие. Они, повидимому, сильно рассчитывали на устрашительное действие своей гигантской пушки. Нам пришлось побывать в районе ее действия. Мы насчитали 19 взрывов, через промежутки в 8—10 минут.

Разрывы действительно очень громкие. Но потерь у нас не было.

Сила нашего наступления ужаснула немцев. Особенно огонь нашей артиллерии. Сейчас часты и рукопашные схватки. Действуют штык, приклад, лопатка. Очень популярна граната. Граната летит в амбразуры немецких дзотов, она выкуривает гитлеровцев из траншей, она расчищает их блиндажи, она глушит их огневые точки.

Неотступно вместе с частями ползут связисты, разматывая свои катушки. Мины и снаряды часто рвут провода. За один день связист Горин исправил 70 повреждений провода на своей телефонной линии.

В воздухе стоит беспрерывный гул моторов. Пролетают наши пикировщики. Летчики Гресыкова и Валыкова громят врага. Лейтенант Каразанов на своем истребителе сбил уже пять гитлеровских самолетов.

...Мы сидим в избе. Телефонист прильнул к трубке. Раннее утро. Встает красное солнце. Ясно, очень морозно. Пролетели «Юнкерсы» и сбросили бомбы. Взрывные волны шатают избу. Телефонист, просияв, сообщает:

— Наши танки ворвались на окраину деревни...

* * *

Только что захватили немецкую полевую почту № 24659. Здесь много неотправленных писем, посылки, газеты. Все это брошено немцами во время отступления.

Переводчик подымает со снега газету «Дер нейе таг». Газета свежая, № 4 за 1943 год.

— Ого! — говорит он. — Тут пишут о Ленинграде.

Бойцы придвигаются поближе.

— Статья называется, — говорит переводчик, — «Зима в Ленинграде». Подписана: Валыдеман Рехардт. Вот что он пишет: «Население Ленинграда обречено. Его можно считать списанным со счета».

— Это значит, мы списаны со счета? — изумленно кричит один боец.

Он — ленинградец. Здесь много ленинградцев. Они стоят вокруг с автоматами на груди, с задымленными лицами под белыми капюшонами. Они только что из боя. Они гнали немцев с ленинградской земли.

А мимо проводят тех, кто хотел списать их со счета, — пленных фрицев. Они в фантастических одеяниях — соломенные валенки с брезентовыми голенищами, самодельные мантильи из ковров, женские салопы.

Таков внешний вид тех, кто считал ленинградцев «обреченными». А внутренний мир их раскрывается в письмах. Вот некоторые из них. Они написаны в эти дни, в дни прорыва ленинградской блокады.

Пишет унтер-офицер Тео Росс:

«Дорогая Гильда! Уже несколько дней, как здесь кипит ужасный бой, который превосходит все, что было до сих пор. Русские наступают с ужасной силой с трех сторон — лобовым ударом через озеро, слева — через Неву и справа — от бугров. Мы сидим в мешке, который открыт только на пару километров. То, что нам приходится переживать, это ад. Уже в первое утро только от огня артиллерии у нас вышло из строя сразу сорок человек... Если мне удастся пережить и этот спектакль, я расскажу тебе все при нашей встрече. Теперь же я могу сказать только одно: пожелай мне счастья...»

Надо принять во внимание, что немецкая цензура писем стала в последнее время гораздо строже и солдаты выражаются в письмах теперь гораздо сдержанней, чем прежде.

Солдат Адольф Бахман пишет своему отцу в город Дуисбург, Голененштрассе 11-бис:

«Дорогой отец! О том, что у нас здесь творится, ты, должно быть, уже сам слышал. Не будем терять надежды, что пляска эта скоро окончится. О том, что наступление Красной Армии должно начаться, мы знали. Но мы не думали, что это будет так внезапно».

То, что Росс называет «спектаклем», а Бахман «пляской», обер-ефрейтор Герман Пауль именует «музыкой».

С Германом мы разговариваем лично, войдя в избу, куда привели пленных.

Они дуют на синие распухшие пальцы и нервно дергают головой, невольно прислушиваясь к неистовому грохоту артиллерии, бушующему там, на юге.

Пауль Герман, обер-ефрейтор 3-го батальона 159-го пехотного полка 69-й пехотной дивизии, говорит:

— За пять дней у нас в батальоне выбыло из строя до 80 процентов солдат. Потом вдруг в полдень тревога. Я дежурил при штабе. Мне дали винтовку и отправили на позиции. Вскоре показались прорвавшиеся русские танки. Я и обер-ефрейтор Путцель влезли в яму. Русские автоматчики взяли нас в плен. Другие немецкие солдаты удрали. Я не хотел удирать. Как вся эта «музыка» мне надоела!

Унылый, долговязый шофер Эрнст Залаф из 1-го взвода 2-й роты 1-го батальона 162-го полка бубнит, стараясь со-

общить чувствительность своему сиплому, промерзшему басу:

— В последние дни солдатам было особенно тяжело на душе. Когда поблизости не было офицеров, солдаты ругались на чем свет стоит: «Будь проклята война!» Да, ругали офицеров. Унтер-офицеры держались более спокойно, только посмеивались.

И он косится на сидящего рядом с ним унтер-офицера Бернштайнта. На невыразительном лице Бернштайнта не отражается ничего. Он только подергивает плечами, то ли в знак согласия, то ли в припадке нестерпимого зуда, владеющего им.

Почему они дерутся?

Если бы фрицы под Ленинградом знали о всех огромных поражениях германской армии на наших фронтах, сила их сопротивления, несомненно, уменьшилась бы?

— Нет, нам ничего неизвестно, — говорит Эрнст Фиц из 12-й роты 366-го пехотного полка, — ни о продвижениях Красной Армии, ни о потерях немцев, за исключением того, что под Сталинградом окружена германская группировка. Я узнал об этом по слухам. О положении на юге в газетах ничего не пишут, только упоминают о тяжелых оборонительных боях.

Бойцы называют фрицев, стоявших в блокаде, «старыми» немцами. Старыми — потому, что они здесь с начала блокады. Это ветераны, опытные солдаты, один из самых устойчивых гитлеровских полков. Правда, многочисленные кровопускания изменили и их состав.

— Большинство офицеров 22-го полка 1-й пехотной дивизии — новые,—говорит обер-ефрейтор Курт фон Януш.— Они здесь с сентября. Среди офицеров теперь много летчиков, они командуют пехотными подразделениями. Это объясняется тем, что для всех офицеров-летчиков нехватает самолетов, а для пехоты нехватает офицеров, так как за последнее время наши потери возросли. Что касается солдат, то наш полк получил последнее пополнение в августе — 600 человек. Это, главным образом, дети крестьян. Раньше они пользовались отсрочкой, как единственные сыновья в семье. Летом их призвали.

Первая пехотная дивизия, к которой принадлежал пленный обер-ефрейтор, — одно из старейших кадровых соединений германской армии, укомплектованное пруссаками. Дивизия эта участвовала в завоевании Польши и Франции. 22 июня 1941 года она перешла советскую границу. С ноября 1941 года она стоит под Ленинградом, держа блокаду.

Сейчас она рассыпается под мощными ударами наших наступающих частей.

Однако не внешние перемены делают иным лицо германской армии сегодня, а тот внутренний надлом, признаки которого становятся заметными в германском солдате.

— Артиллерийский огонь русских, — говорит унтерофицер Бернштайнт,— обрушился на нас со страшной силой, и наши ряды дрогнули. Разрушено было много огневых точек. Создалось безвыходное положение. Это понудило меня и других сдаться.

Командир 11-й роты 366-го полка лейтенант Штраубе бросил своих солдат на произвол судьбы и убежал первым.

Фрицы и раньше бежали, и раньше сдавались, но никогда они не говорили так, как говорит Эрнст Помренке, ефрейтор 2-го батальона 320-го полка 227-й пехотной дивизии:

— Когда начался обстрел позиций под Шлиссельбургом русской артиллерией, солдаты побежали. Раньше такого сильного бегства не было, солдаты защищались и оборонялись более упорно. Теперь, если солдаты бегут, то они бросают оружие, снаряжение, обозы. Раньше этого не было.

Он качает своей страшной, обросшей головой и после паузы повторяет:

— Нет, раньше этого не было...

И некоторые пленные бормочут вслед за ним:

— Раньше этого не было...

Другие молчат, уставившись в пол, и морщат свои низкие лбы, видно думая все о том же: «А ведь раньше этого не было...»

МЕРТВЫЙ НЕМЕЦ

Вот он лежит скареженный в снегу.
Под ним, как студень, кровь его застыла.
Остроконечной пулей на бегу
Ты раскроил тупой его затылок.
И панцырь не помог ему в тот час,
И черный крест на вытянутой шее,
Когда рывком — с Невы — разгорячась,
По крутизне ты выбился к траншее.
Ты разорвал проклятое кольцо,
Сквозь ад и смерть пробил к просторам двери!..
Запомни же косматое лицо
Насильника, мучителя и зверя.
Ведь это он убил твою жену,
Ему твой дом с добром твоим достался.
Ты свел с ним счет. Но за свою страну
Ты полностью еще не расквитался.
Вот он лежит, поверженный во прах,
Раскинув рук обугленные крючья.
Ты видишь, как сковал смертельный страх
Глаза остекляневшие паучьи.
О, он еще надеялся и ждал,
Малайским ромом брюхо грел в окопе,
Полмира испохабивший вандал
С триумфом прошагавший по Европе.
Как звать его — не все ль тебе равно?
Твой русский гнев искал его давно.

ПРЯМОЙ ПРОВОД

Еще прохочет властно канонада,
А вслед уже войскам через Неву —
Торопятся: прямой из Ленинграда
Ведут связисты провод на Москву.
Скорей, скорей! В любви неистребимой —
Вгоняя в грунт сосновые столбы —
К Большой Земле заждавшейся, любимой
На перекор превратностям судьбы!
И словно мертвый берег оживая,
Кругом звучит — в размах широких плеч —
Взволнованная, русская, живая,
Веселая хозяйственная речь.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Над нами смерть, как сон, витала,
Нас окружал четыре дня
Поток разящего металла,
Циклон ревущего огня.

И даже не было в сторонке
Клочка нетронутой земли,
Кругом—воронка на воронке,
Мы только в них дышать могли.

За нами город был...
Едва ли
Ты в нем представишь наяву,
Как левый берег штурмовали
Бойцы, форсировав Неву.

Как по траншеям,
По оврагам,
Сквозь ржавых проволок ежи
Вперед стремились—шаг за шагом—
И укрепляли рубежи.

Как смертным боем били катов
Без передышки до утра,

Как в роще «Ландыш» до заката
Гремело русское «ура».

Как то, что презилось ночами,
Пришло коротким торжеством,
Как увидали волховчане
Друзей в дыму пороховом.

Как мы рванулись им навстречу,
Как был нелегким тот прыжок
И как покрыл нам дружно плечи
Январской свежести снежок.

Как стало вдруг все белым, белым,
Как сон пришел и взял меня,
И в снег на поле поседелом
Я рухнул всем уставшим телом...
Ведь я не спал четыре дня.

Николай ТИХОНОВ

ЛЕНИНГРАД — ВОЛХОВ

В седое январское утро, когда мглистая бахрома тумана стлалась по земле, мы выехали из Ленинграда. Седой туман, разрываясь тяжелыми ключьями, показывал суровые символы войны, разобранные на дрова и разрушенные бомбами строения, белые башни танков, идущих к фронту, ряды шагающих автоматчиков, лыжников, скользящих по снежному полю, крытые грузовики с красным крестом. Мы проезжали бывшие рощи, составлявшие одну из частей зеленого пояса северной столицы. Они были вырублены под корень. Это сделали ленинградские женщины. Дерево шло на блиндажи, дзоты, гати, на дрова, вырастали в болотах военные дороги, по которым мы сейчас ехали к одной из переправ через Неву.

Переправа! — какое спокойное, обыкновенное слово. На Неве с сентября 1941 года это слово означало только битву, грохот снарядов, вой бомб и героические усилия тысяч бойцов. По реке плыли трупы, разбитые лодки. Оба берега Невы почти равной высоты, и сойти к воде с этой высоты никто не мог безнаказанно. По самому берегу шло шоссе, и оно было пусто. Люди пробирались по ходу сообщения рядом, и головы их были на уровне гудрона, по которому щелкали пули. Зимой куски разбитого льда взлетали в воздух, и только в острые стекла стереотруб можно было поймать такой же острый блеск наблюдательных гнезд противника. Как стена крепости, высился правый берег, с виду такой же пустынный, как и левый. Белое безмолвие смерти висело над застывшей рекой.

Сейчас первое ощущение прорванной блокады вы испытывали в спокойном движении руки регулировщика, взмахом флажка указывающего путь к берегу, к переправе. По высокому берегу саперами сделана дорога. Этот спуск нетруден, но требует внимания от водителя, особенно ночью. Таких переправ не одна. Машина съехала на лед и направилась по реке к левому берегу. Она проходила путь, по которому бежали в день штурма наши бойцы. В четыре

минуты должны они были преодолеть эти 900 метров пространства, над которым свистели пули и гремели снаряды. Залечь на льду нельзя. Иные роты залегали, не выдержав огня, и несли большие потери. Добежав до берега, бойцы встречали высокую мерзлую стену с низким кустарником, и они карабкались на нее, как на стены крепости.

Хрипя и задыхаясь, машина вскарабкалась на левый берег. Мы въехали в лес, еще сохраняющий следы вчерашних боев и переполненный гулом сегодняшнего сражения. Шестнадцать месяцев сидели здесь немцы и наводили свои порядки.

Разграбленная невская земля! Ты познала ужас фашистского варварства, но ты увидела и сладкий час мести. Здесь прошли ленинградские воины, прокладывая дорогу на соединение с волховцами. Здесь били они немцев на этом высоком берегу огнем и штыком. Вот валяются полузанесенные снегом трупы артиллерийских расчетов, валяются трупы фрицев, именовавших себя гренадерами, трупы померанцев, пришедших грабить русскую землю. В лесу так называемый Померанский лагерь набит сотнями машин, громоздятся холмы мешков с мукой и овсом, на которых стоит проклятый знак свастики, мотоциклы, груды оружия, орудия, снаряды, ящики с патронами и снарядами, консервы, эрзацмед, папиросы. Все бросили немцы, когда ударились в бегство. Машина идет вперед, направо поднимается изо льда Невы, как циклопическая постройка. Шлиссельбургская крепость. Она была построена с характерными для восемнадцатого века башнями и стенами. Сейчас в этой грозной груде развалин вы не найдете старинной военной романтики. Крепость приняла удары врага, как грандиозный дот, и вся ярость сотен обстрелов и бомбежек не сломила упорства ее защитников.

Балтийские моряки и ленинградские пехотинцы отстояли крепость. Напротив нее в 200 метрах лежит город Шлиссельбург, вернее то, что от него осталось. Тысячи его жителей угнаны в Германию, на невольничьи рынки. Множество убито в застенках местного гестапо, оставшиеся 260 человек были загнаны на край города, откуда их выгоняли на работы. До двух часов они могли передвигаться недалеко от своих хибарок, после этого срока им грозила смерть на месте при появлении на улице. Владея городом, немцы считали, что они заперли ворота Ленинграда на востоке крепким замком и ключ положили в карман. Отсюда они обстреливали дорогу в Ленинград, здесь они ждали капитуляции великого города.

Бойцы под командованием Трубачева ворвались в город с двух сторон. На улицах, в развалинах ситценабивной фабрики, на каналах, у пристани с ее ажурными конструкциями, делающими ее похожей на гигантскую летнюю беседку, длился упорный бой. Померанских гренадер выбивали из углов, и, наконец, они побежали. Части, наступающие юго-восточнее города, били их с тыла, и в городе и

Группа автоматчиков ча ти полковника ТРУБАЧЕВА вступает в Шлиссельбург

в полях валяются окаменевшие фрицы. Они дрались пьяные, они сдохли, как взбесившиеся, загнанные звери. Их глотки забиты снегом. Бойцы обходят их с брезгливостью.

В бессильной ярости бьет немецкая тяжелая артиллерия, но она бьет все тише, все короче. Ее покрывает рокочущий непрерывный гром наших пушек. Машина проходит по улицам Шлиссельбурга и, подпрыгивая на горбатом мосту, скатывается на ровную, уходящую в снежную даль дорогу. Путь на эту дорогу куплен ценой жестокой битвы, кровью и железом, уменьем и отвагой. Вправо остаются места, где произошла историческая встреча бойцов двух фронтов. К сценам этой встречи неоднократно будут возвращаться

мастера всех искусств. Эта тема не может исчезнуть из памяти русского народа. Обнимающиеся на снежном поле командиры и бойцы, на поле, усеянном трупами врага и остатками его разбитой техники, среди светящих, как сполохи, дальних и близких разрывов, среди продолжающегося сражения, уходящего на юг,—итог долгих усилий. Это победа, о которой говорят люди всего мира с удивлением перед героизмом и упорством советских воинов.

Лежащая перед нами дорога свободна. На этом участке прошли только случайные машины. Мы в числе первых, кто проезжает вдоль Ладоги по этой дороге. Только вчера ночью здесь сняты последние 50 мин, а всего вокруг Шлиссельбурга их было вынуто четыре с лишним тысячи. Направо провал, глубокий, заваленный снегом, за ним высокий берег, за берегом снова провал. Это каналы, старые ладожские каналы. Кое-где из снега торчит черный остов лодки, небольшого буксира, баржи, попадаются маленькие мостики. Снег, лежащий толстенным слоем на берегу, не имеет ни одного следа. Нет признака человека в этом пустынном пространстве. Только толстые черно-синие, отожравшиеся трупами вороны без карканья, бесшумно, стаями проносятся над синеватой пустыней. Древнее безмолвие лежит по сторонам дороги. Это был край рыбаков, кустарей, горшечников, лоцманов, грузчиков. Летом здесь была кипучая жизнь, зимой шли грузовики, скрипел снег под санками колхозных обозов, шли в город торфяники из рабочих поселков. Немцы изгнали дух жизни из этих мест.

Мы едем сейчас нейтральной полосой, потому что войска обоих фронтов, Волховского и Ленинградского, ведут бои южнее. И вдруг на перекрестке дорог возникает фигура в хорошо пригнанном полушубке, с повязкой регулировщика на руке. Она приближается. Разгоревшееся от мороза лицо, веселые глаза, четкие движения. Девушка-регулировщик Волховского фронта. Налево на берегах канала домики деревни Липки, взятой войсками Волховского фронта. Мы можем ехать хоть прямо в Москву. Путь свободен.

Суровы и печальны леса и болота южнее Ладоги. Летом здесь можно утонуть человеку, незнакомому с болотными тропами, завязнуть в непроходимой гуще торфяных и моховых болот. Густые чащи мелколесья, как джунгли, окружают углубившегося в них. Ориентиров нет. Все болота похожи одно на другое. Зимой они промерзают до дна не все. На каменных холмах немцы построили сплошную линию дзотов и дотов, и, штурмуя эти укрепленные линии, ломая их огнем и атаками, прошли волховцы по колено в

снегу, сражаясь и день и ночь, ночуя в сугробах, где у костра сидели командиры и бойцы.

При сильном морозе и ледяном ладожском ветре здесь шли жестокие бои. Здесь была еще раз доказана сила русского солдата, качество нашей артиллерии. В панике, застигнутые смертельным огнем, немцы метались на полянах, они остались здесь, разметанные мощными взрывами, между поломанных машин, разбитых орудий. Немцы понастроили себе блиндажей, зарылись в землю, перетащили туда из поселков мебель, утварь, одеяла, подушки, двери, окна, печи, — все, что им понадобилось. Они устраивались с комфортом, но все эти подземные жилища грязны, завшивлены до последней степени. Недалеко они удрали из этих блиндажей, их неплохо устроили там, на снегу, в болотах. Но и удирая, они хитрили. Пойманный староста одного рабочего городка признался, что у немцев в лесу в полной исправности тяжелая батарея — на всякий случай, а вдруг они вернутся. Не будет этого «вдруг»! Батарея кончила свое существование, как и вражеские дивизии, стоявшие на этом рубеже. Немецкая хитрость не удалась.

Но есть еще и немецкий ужас: это огромная яма, на дне которой лежит снег и сугробы громоздятся, по краям она обнесена колючей проволокой, выше человеческого роста, концы которой заплетены и идут вверх. В углах ямы щиты из фанеры, задние стенки из фанеры, навес из фанеры, боковых стенок нет. Похоже все это на клетку для какого-нибудь зверя в зоологическом саду. Но в этой яме зимой жили наши военнопленные. Сюда немцы бросали людей на верную и медленную смерть. Глаза отказываются верить тому, что видят. Но полузанесенное тряпье, остатки обуви, какой-то хлам говорят о том, что недавно здесь, на этой фанере, сидели люди, их нашли наши войска, этих живых мертвецов, накануне гибели.

Такие зрелища удваивают ярость бойцов, и кровь от ненависти приливает к сердцу! Даже мертвых немцев хочется убить еще раз, пробить их осиновым колом, сжечь и развеять прах по ветру. Волховцам было очень тяжело воевать. Но они шли вперед, на освобождение Ленинграда, и они прошли сквозь все преграды. Не было ни дезертиров, ни трусов. Трофеи их победы всюду. Вот длинная колонна брошенных машин, вот батарея, вот груды гильз в плетеных соломенных чехлах, вот склады, брошенные врагом.

В полушубках, в теплых шапках, в валенках идут наши бойцы мимо застывших немецких мертвяков и с отвращением смотрят на них. Немцы одеты как попало: солдаты

в ботинках, офицеры в сапогах. На башку наверчены шарфы, тряпки, под белыми халатами на шинель намотаны одеяла, на ботинки наворочена солома, у иных эрзац-валенки или толстые гамаши, точно это ноги не солдата, а старика, страдающего ревматизмом. Они сражались с отчаянием бандитов, которым пришел конец. Когда заняли ночью немецкие блиндажи, этот район подвергся сильному обстрелу. Было непонятно, кто корректирует огонь. Стали прочесывать все закоулки подземных нор и обнаружили радиста с искаженным и злобным лицом, который думал, что спасется тем, что, вызвав огонь на блиндажи, заставит наших уйти и сам выберется. Не выбрался, и огонь прекратился так же неожиданно, как и начался.

Если вы станете на огромном валу, за которым расстилается широкая торфяная равнина, пересеченная сотнями канав и путями узкоколеек, то перед вами откроется зрелище мрачной битвы. В холодном зимнем свинцовом небе стоит гул моторов и треск разрывов. Там, в воздухе, идут непрерывные воздушные бои. Черные облака зениток висят, как замороженные, на слоистых тяжелых облаках, нижний край которых, словно отполированный кусок металла, отражает радужные спектры яростного земного огня.

Знакомый майор, показывая мне серебряную чарку, говорит:

— Вы знаете, эта стопка не простая. Прошлой зимой, такой тяжелой для ленинградцев, я узнал случайно, будучи в городе, что рядом погибает девушка. Я пришел к ней, и она, страшно обрадовавшись, сказала: «Ну, вот, теперь я умру спокойно, поговорив в последние минуты с человеком, защищающим наш город». Я вызвал врачей, помог, чем сумел. Девушка встала на ноги. Через брата, который служит в Ленинграде, я в день своего рождения получил от девушки эту чарку с запиской: «Пусть это будет вам памятью и залогом того дня, когда мы снова встретимся в освобожденном Ленинграде и выпьем за победу». Эту чарку я бережно храню и верю: мы встретимся в окончательно освобожденном Ленинграде.

Блокада прорвана, но не снята. Надо еще ломать и ломать немецкую стальную паутину, что наплели вокруг великанского города коричневые карлики. Но путь-то, путь из Ленинграда и в Ленинград уже свободен со стороны Ладоги. Чаща леса содрогается от выстрелов. Красные полотнища проходят между деревьев. На дереве, как таинственный лесной сигнал, светится немигающий огонек. Это ввинчена электрическая лампочка — ориентир для ночной

стрельбы. В кустах белеют огромные валуны, из которых торчат длинные пушки. Это не валуны. Это танки на боевой позиции. Проходят автоматчики неслышно, как привидения,—через два шага их белые куртки уже сливаются с сугробами.

Идет ночной бой. Но это уже не Волховский фронт. Это снова Ленинградский. Теперь они неразъединимы—фронты-братья. За лесом лежит равнина, покрытая кустами. Она вспыхивает минными и снарядными разрывами. Немцы бросают ракеты. Леса живут боевой ночной жизнью. Великое напряжение битвы живет и в разведчике, крадущемся сейчас по выбоинам и сугробам, и в блиндаже штабиста, где расцвеченные стрелы на картах отмечают передвижения частей.

Но за всем этим ночным напряжением есть слово, к которому бойцы и командиры возвращаются в глубине мыслей: победа. Она была добыта ценой жестокой схватки, но вот ведь они на левом берегу, и по льду Невы идут целые караваны машин, идут бойцы из тыла и в тыл, и регулировщики направляют движение на берегу, где до этого за месяц не могла появиться безнаказанно ни одна живая душа. Каждый ступает по освобожденной невской земле и сражается, помня, что блокада только прорвана, но не снята. Добыть полную свободу великому городу—вот задача, вот долг, вот цель. И все-таки уже сегодня огромная радость думать, что путь Ленинград—Волхов свободен, что можно проехать из Ленинграда в Москву, в любой город Союза, что кольцо блокады разбито, прорвано. И когда машина снова приближается к ночному Ленинграду, эта радость вспыхивает с новой силой. Ленинград продолжает бой, и в этом бою он победит окончательно.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Сообщение Совинформбюро „В последний час" о прорыве блокады Ленинграда	3
В Народном Комиссариате Обороны	9
Из Указа Президиума Верховного Совета СССР	10
В боях за город Ленина. — *Генерал-майор Кулик, К. П.*	11
Стихи о прорыве блокады. — *Борис Лихарев*	28
В эти дни... — *Павел Лукницкий*	33
Шлиссельбургские записи. — *В. Саянов*	61
Гвардейцам. — *Михаил Дудин*	77
Ленинградский гвардейский. — *В. Саянов*	80
Экипаж героев. — *Лейтенант М. Карпович, интендант 3 ранга М. Гольдберг*	91
Идут бои. — *Евгений Федоров*	99
Наступает первый батальон. — *Капитан А. Михайлов, лейтенант В. Василевский*	116
Комбат Федор Собакин. — *Майор В. Карп*	125
Героям. — *Михаил Дудин*	131
Автоматчики. — *Капитан И. Франтишев*	132
Навстречу Ленинграду. — *Лев Славин*	138
Мертвый немец. — *Илья Авраменко*	144
Прямой провод. — *Илья Авраменко*	145
Четыре дня. — *Илья Авраменко*	145
Ленинград — Волхов. — *Николай Тихонов*	147

ОТДЕЛЕНИЕ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА НКО
при Ленинградском фронте

Редактор подполковник *Н. Толкачев*

Фото *Г. Чертова* и *Н. Хандогина.* Технич. редактор *Е. Климина*

Г7469 Печ. л. $4^{13}/_{6}$. Подписано к печати 20.II 1943 г. Зак. 258

2-я типография Воениздата НКО имени К. Ворошилова

Цена 2 руб.